

Алексей Константинов

*ЦИМЛА.
Грозные годы твои*

*Волгодонск
2019*

ОТ АВТОРА

Анализируя свой жизненный путь, любой здравомыслящий человек приходит к выводу о том, чем может он гордиться на каком-то отрезке своей жизни и о чём он может стыдливо умолчать.

Хорошие жизненные моменты запоминаются лучше, плохие мы стараемся забыть быстрее, хотя удаётся это практически не всегда. Груз положительных и отрицательных поступков будет присутствовать с нами до тех пор, пока окончательно не растворится в памяти нашей, оставив только след в информационном поле Земли.

В 5-ти ранее изданных мною книгах есть материалы, которые, по моему мнению, являются главенствующими. Они связаны с нашим цимлянским краем, потому и имеют основание, чтобы их объединить в одно целое. Сделано это и для того, чтобы интересующийся историей нашего края читатель имел удобство для компактного ознакомления с материалами предыдущих книг:

Материалы этой 6-й по счёту книги взяты из ранее изданных книг:

1. Цимлы родимый уголок.	2011 г.
2. Цимла.	2013 г.
3. Память сильнее времени.	2015 г.
4. Цимла. Время выбрало нас.	2016 г.
5. Цимла. Время рассудит нас.	2018 г.
6. Цимла. Грозные годы твои.	2019 г.

Эта книга основана на воспоминаниях участников и очевидцев исторических событий на нашей Донской земле в 20-м веке. Мне остаётся лишь выразить благодарность всем неравнодушным к Истории нашего Донского края, предоставившим свои материалы, и воспоминания.

Особая благодарность оказавшим мне стартовую спонсорскую помощь в издании 6-ти книг: Батажеву Алихану Ясаевичу, Климову Геннадию Анатольевичу, Иванову Михаилу Александровичу, Шередеко Игорю Васильевичу, Евсееву Дмитрию Николаевичу, Холодкову Василию Витальевичу и особенно другу моего детства и юности – Николаю Клавдиевичу Петрову, проживающему ныне в городе Ростове-на-Дону.

ОККУПАЦИЯ

Территория Новоцимлянского сельского Совета, наверное, была единственной, куда во время оккупации не дошло гестапо, а потому особых зверств по отношению к населению немцы не чинили и, по всей видимости, потому что не успели, да и экзекуции в планы полевых частей, видимо, тоже не входили. Мало того, немцы, когда население жаловалось на румынских солдат, которые грабили и издевались над населением, к румынам часто применяли меры физического воздействия. Немцы не особо жаловали своих союзников, а их определение:

– Румыны не нация, а профессия, – очень точно характеризовало этих вояк.

Есть данные (официально не подтвержденные), что гестапо остановилось на линии хуторов, расположенных на реке Россось, – Черкасского и Чекомасьева.

Описание того страшного времени я делаю по рассказам очевидцев – жителей хуторов. Хотя они тогда были ещё детьми, но детская память она более цепкая и долгая.

Воспоминания Клавдии Ивановны Самодуровой (Холодковой) 1929 года рождения из хутора Ремизов, Петра Ивановича Недоморацкова 1932 года рождения из хутора Поздняков – Маркинский и Фёдора Михайловича Шурыгина 1930 года рождения из хутора Колотовка дадут нам представление о том, как это было.

Вспоминает Клавдия Ивановна Самодурова:

– Балочка, которая в 1923 году была свидетельницей убийства двух «повстанцев» из отряда Филиппа Лысова и лжебелогвардейского офицера Куликова (то, что их убил Куликов, не вызывает никакого сомнения), через 20 лет стала снова свидетельницей уже другого эпизода.

Эта балочка выручила советских солдат в самом начале 1943 года. Советские солдаты, освободившие на Новый 1943 год хутор Ремизов, трое суток пытались «подняться» на гору к шляху в районе хутора Богатырёв, но не смогли... Окопавшиеся немцы не давали им приблизиться и перерезать участок дороги (шлях) Шахты – Сталинград.

На третий день безуспешного наступления, уже вечером, Александра Фёдоровна Давыдова заволновалась, что долго нет внука, которому шел седьмой год. Этим внуком был (сейчас он проживает в хуторе Ремизов) Давыдов Геннадий Михайлович 1936 года рождения. Открывается дверь и в дом заходит солдат и заводит Генку, который был весь в снегу:

– Баба! Не ругай своего внука – разведчика!

Выяснилось, что четверо мальчишек – Киселев Иван Александрович 1931 года рождения, Плахов Вениамин Иванович 1932 года рождения, Плахов Геннадий Георгиевич 1936 года рождения и Геннадий Давыдов играли неподалёку от места боевых действий (война – войной, а детский возраст мало воспринимал опасность для своих жизней) и выследили – откуда немцы стреляли, не подпуская советских солдат три дня.

Когда стемнело, они по балочке подошли почти к самому дзоту, а вернувшись назад, рассказали солдатам, где они слышали немецкий разговор. Группу солдат ребятишки по балочке провели к месту, где находились немцы. Один солдат вернулся и развёл «разведчиков» по домам. Вскоре начался бой: рвались гранаты и слышна стрельба. Немцы были уничтожены, а потом через Ремизовскую плотину (р. Цимла) солдаты пошли в сторону шляха.

Своевременное освобождение хутора Ремизов советскими войсками спасло жизнь 48 хуторянам. У немцев уже имелся список, по которому этих хуторян после Нового года должны были повесить. Уже была готова виселица на 4 человека, которую по приказу немцев изготовил колхозный плотник. В списке, составленном их хуторянином, была и семья Давыдовых – Анна Алексеевна 1910 года рождения и её сын – Александр Лаврентьевич 1936 года рождения. Попали они в список потому, что глава семьи Давыдов Лаврен Андреевич, 1908 года рождения, был депутатом, активистом и воевал против немцев.

Мой одноклассник, а сейчас житель г. Цимлянска Давыдов Петр Лаврентьевич 1947 года рождения не родился бы, приведи немцы свою акцию устрашения в действие.

Вспоминает Пётр Иванович Недоморацков:

– Летом 1942 года немцы начали бомбить станицу Цимлянскую. Почти всё население хутора вышло на гору (между хутором Поздняков и хутором Колотовка) и смотрело, как немецкие самолёты, пикируя, бомбят Цимлянскую. Хотя до Цимлы было расстояние около 25 километров, нам было видно, как летали самолёты и горела Цимла.

Вскоре к нам в хутор стали поступать беженцы, а затем пришли румынские войска. Страшное наступило время. Румыны грабили население, доставалось и женскому полу. Из сундуков забиралось всё, что румынам понравилось, – мольбы и уговоры на них не действовали.

Из Морозовской, которую немцы ещё раньше бомбили и заняли, на постой в хутор пришли беженцы. Дома у нас нашли приют Земцова Мария Кировна (возможно, Кирилловна) и её дочь Людмила, которой в то время было 14 лет. В Морозовской Мария Кировна была на советско-партийной работе, а поэтому ей было чего опасаться за свою жизнь и жизнь своей дочери.

Когда хутор заняли румыны, то моя бабушка, опасаясь, чтобы Люду не изнасиловали румыны (на это они были большие мастера), стала мазать ей лицо печной сажой (сапухой), одевать в рваньё, которое для плохого запаха мазала нечистотами животных. Так продолжалось до тех пор, пока румын не сменили немцы.

В наш дом поселилось много немцев, в основном офицеры. Одного из них звали Вилли, он был водителем автобуса на гусеничном ходу, то есть спереди у него два колеса, а задний мост был гусеничным.

В один из дней мы играли у нас – Иван Сергеевич Забазнов, 1935 года рождения, Фёдор Фёдорович Химин, 1936 года рождения, Забазнов Александр Леонтьевич, 1936 года рождения, и я, среди них самый старший по возрасту.

Вилли, увидев нас, предложил покатать на автобусе. Он хорошо разговаривал на русском языке, а своё миролюбие к нам объяснил тем, что у него двое своих сыновей такого же возраста, как и мы. С ним была и Мария Кировна – при нас она с ним разговаривала на немецком языке, которым владела в совершенстве. Она нам потом передала его слова, что наши (советские войска) скоро придут, он так ей и сказал:

– Сегодня они там, а скоро придут (будут здесь).

Ближе к Новому году к тем немцам, что были у нас, пришли ещё несколько. Один из них сидел на сундуке и, играя на губной гармошке, всё смотрел в окно. Один из немцев стоял и что-то постоянно остальным говорил (рассказывал). Затем он подошел к простенку, на котором висели фотографии:

– Это кто? – спросил у бабы Сани.

– Это мои сыны, – был ответ.

– А где они? – спросил он.

– На фронте.

Он снял фотографии, отдал их бабушке и посоветовал ей убрать их подальше.

– Мы итальянцы. Нам война не нужна – она нужна Гитлеру. Муссолини его боится, а мы за это воюем. Дня через три кто-нибудь из твоих сынов может попутно прийти домой.

– Как он придёт – военнопленным, что ли? Вы же Сталинград взяли и на Волгу вышли.

– Нет, мы тикаем! От самого Калача уже который день бежим.

Далее он рассказал, как две советские армии «сошлись», на руках показывая окружение.

– Паулюсу никогда оттуда не выбраться.

Пришел ещё один немец, и они начали собираться уходить. Перед уходом он нам сказал:

– Сегодня ночью будет ваша разведка, а дня через два – три ваши придут. Мы тикаем до границы, дальше «немец» сам пусть воюет. Сейчас нам бросать воевать нельзя, а то немцы нас, как румын, постреляют.

Ещё он сказал, что у русских есть оружие, которое всё сжигает, – вероятно, он имел в виду «Катюши». Ночью началась стрельба со стороны Кучугур, а утром, на рассвете, в хутор пришли советские солдаты. Одеты они были в полушубки, валенки:

– Мы сибиряки!

Бабушка накормила их борщом, пирожками и с собой ещё дала.

Непонятно, как это случилось, но дня через два немцы вновь вернулись. Эти немцы были с передовой и очень злые. Ушли они опять из хутора стремительно, опасаясь повторения Сталинградского «котла», поэтому из амбара (склада) не забрали ценности по тем временам большие – матрасы, одеяла, обмундирование. Разграбить эти богатства хуторянам не дал староста. Как потом оказалось, правильно сделал,

ибо, вернувшись снова, немцы хуторян за воровство вряд ли пощадили бы. В нашем дворе я играл в снегу с Фёдором Химиним. Играли мы около кухни. Пустые банки из-под тушенки немцы начали выбрасывать прямо в снег. Голодные, мы решили у них спросить, чтобы взять и облизать содержимое пустых банок. Ответ был:

– Найн, найн! (нет, нет)

Не понимая немецкого языка, на котором нам последовал отказ, мы взяли несколько банок и пальцами стали выковыривать остатки содержимого по стенкам банок. Немец схватил автомат и «дал» очередь в снег, прямо перед нами. Моя мать схватила и начала нас пороть – она – то поняла, что немец нас мог запросто за воровство застрелить.

Когда повторно наши заняли хутор, то солдаты установили пулемёт на усадьбе Ивана Александровича Забазнова – у него имелся амбар с крылечком. Вот там, на крылечке, они и установили пулемёт. Немецкая машина (автобус) подъехала к нашему дому, чтобы забрать свои пожитки. Один немецкий офицер начал переодеваться, поэтому португею с пистолетом снял и положил на сундук. В это время раздалась пулемётная очередь. Немцы, побросав всё, вскочили в автобус и – дёрну. Я с братом (Недоморацков Николай Иванович 1937 года рождения) «спрудили» португею с пистолетом за сундук.

После того как наши заняли Позднячку, они начали обстреливать хутор Колотовку. Это нам потом стало известно, что автобус, которым управлял Вилли, доехал до Маркинской, а там на мосту его «накрыло» авиабомбой. По словам Марии Кировны, Вилли был антифашистом. Может, это так или не так – главное, что оккупация нашего хутора окончилась.

Лет через десять мне вновь довелось встретиться с Людой Земцовой, которая теперь уже была Белкина. Её муж впоследствии стал генералом авиации ВВС. Встреча, как считает Пётр Иванович Недоморацков, была чисто случайной, а может, и закономерной, потому что в нашей жизни ничего случайного быть не может.

В 1952 году хлебосдачу производили на Морозовский элеватор (единственный в округе). Колонна автомашин, принадлежащих элеватору, загрузилась зерном в колхозе имени Орджоникидзе, а сопровождать зерно направили нескольких колхозников, среди которых был и я. Элеватор в ночь по каким-то причинам не стал принимать зерно, а потому, оставив охрану над машинами, мы уже утром отправились на Морозовский базар, чтобы скоротать время. Мне показалось, что за мной ходит (преследует) молодая женщина. Наконец, она подошла и спросила меня:

– Вы из Позднячки?

– Да! – ответил я.

– А Вы знаете? – она назвала несколько фамилий хуторян.

– Люда! Это ты?

Разговорились. Люда была замужем, у неё уже были дети. Побывал я и на квартире у Марии Кировны. Жила она на улице Белинского, 24.

В 1978 году Мария Кировна приезжала к нам в хутор Богатырёв. Было ей лет

80, столько же было и её мужу. Три дня жили они у моей матери Недоморацковой – Константиновой Евдокии Фёдоровны 1909 года рождения. Мария Кировна была старше моей матери. Перед отъездом их домой я заколол вилами огромного сазана и подарил им. Люда Белкина (Земцова) 1928 года рождения к нам не приезжала. Жива она или нет – не знаю.

Переселяли нас уже с хутора Колотовка. Зрелище было ужасное. Казалось, что люди сходили с ума. Бабушка Генки Макарушина (Полунина Елена Андреевна, 1878 года рождения), когда к ней пришли ломать хату (лачугу), схватила вилы:

– Не дам!

Кто её спрашивал – только солома и камыш с крыши полетели. Умерла она вскоре после переселения – видимо, сердце не выдержало. Зачем с нами тогда так поступили, и сейчас никто не даст нам ответа.

Вспоминает Фёдор Михайлович Шурыгин:

– Осенью 1941 года я и мой друг Киселев Аркадий Алексеевич, 1929 года рождения, перешли в 5-й класс. Ходили мы из хутора Колотовка в школу станицы Новоцимлянкой. Уже летом к нам на хутор начали прибывать беженцы. В основном, это были еврейские семьи. Так как мужское население призывалось на фронт, то на еврейских мужчин была надежда, что они заменят убывших на фронт хуторян и станичников.

Не тут-то было: мы можем писать, считать, а физическую работу не сможем выполнять – таков их был ответ. Правда, на колхозную бахчу работать сторожем «сосватали» одного еврея непонятного возраста.

В школу мы ходили по берегу речки Цимлянки, а потому, поравнявшись с бахчой, которая была на другом берегу реки, мы переплывали и срывали по два арбуза, а потом, переплыв речку обратно с ними, шли домой.

Новоявленному сторожу не удавалось воспрепятствовать нашим набегам, и он принял единственное правильное решение: пришел в школу и пожаловался на нас. Этот день для нас стал последним школьным днём: нас исключили.

Летом 1942 года поток беженцев увеличивался по мере приближения фронта, но еврейские семьи как будто испарились, буквально в считанные дни.

Что такое война, мы поняли, когда увидели клубы дыма и зарево пожаров станицы Цимлянской. Были видны летающие немецкие самолёты. Горели «красные амбары» (Парамоновские склады), и даже после освобождения станицы в них ещё перегорало зерно.

Хутор заняли румыны – начались грабежи и насилие над населением, особенно над женщинами. Наша 1-я бригада находилась на том месте, где располагалась 3-я бригада колхоза имени Орджоникидзе (под таким номером она находится и сейчас)

Румыны со стороны станицы Карповской передвигались по направлению к станице Новоцимлянкой. Путь их пролегал через бригаду, в которой в основном работали только женщины. Начали приставать к тем, кто помоложе. Один румын «положил

глаз» на молодую колхозницу, но, не добившись добровольного «согласия», её отказ решил урегулировать с помощью винтовки.

Пожилая колхозница, оценив ситуацию и назвав молодую по имени, сказала: – ... , да «дай» ты ему, всё равно теперь не отстанет, и мы ещё беду наживём!

Румын вскоре сменили немцы, и хуторяне хоть как-то перевели дух, а девчата, которые ходили к нам на лавочку, перестали мазать лица печной сажей и укутывать в платки. Немцы наводить «порядок» доверили старосте и полицаям. Кстати, когда немцы уходили (отступали) из хутора, то вместе с ними ушли и 9 хуторян, которые у них были на службе.

В середине 50-х годов в городе Краснодаре состоялся суд над изменниками Родины. Всех их приговорили к смертной казни через повешение. Среди них был и житель хутора Колотовка, фамилия его – Сухов. Во время оккупации он ходил в хуторе в немецкой форме и носил офицерские погоны.

Когда советские войска отступали, то был среди отступавших и наш земляк Юдин Фёдор Арсентьевич, 1915 года рождения. Был он или болен, или ранен, но от своих он отстал. Говорили, что ему повезло: немцы окружили отступающих, пленив их. Юдин добрался до дома, а мать, Юдина Мария Григорьевна, 1896 года рождения, дома спрятала его. Однако долго прятаться ему не пришлось: полицаи каким-то образом, а может, случайно его обнаружили и отконвоировали к коменданту – немецкому офицеру.

– Как твой фамилий? – спросил его офицер.

– Юдин, – ответил он.

Глаза у немца полезли на лоб, а рука потянулась к кобуре:

– Юден (еврей)? – заорал он.

Мать Фёдора пришла с ним вместе, а потому, сообразив, чем всё это может закончиться, за помощью обратилась к старосте. Староста сумел объяснить немцу, что никакой Фёдор не еврей, а просто его фамилия созвучна названию этой нации.

Мы и до войны хороших одежд не носили, а когда пошел второй год войны, то пообносились совсем, одежда была вся в заплатках и латках.

Собрав на огороде тыкву, свеклу, всё, что можно было с собой взять, моя мать, Шурыгина Александра Ивановна, 1897 года рождения, всё погрузила это в самодельную тачку (качку) и мне сказала, что пойдём в Цимлу, может, удастся поменять что-то на одежду.

Миновали Маркинскую, хутора Челбин, Зацимловский, Калачёвский, Средний и до Цимлянской – уже рукой подать. Недалеко от станицы Хорошевской навстречу нам шла колонна военнопленных. Сколько тысяч – не знаю, но очень много. Колонна длиной около километра и шириной во всю дорогу передвигалась, охраняемая со всех сторон немцами. По обеим сторонам дороги находились огороды. Голод своё дело делал: то один, то другой пленный выскакивал из колонны и, схватив свеклоину, тыкву, всё, что было съедобным, «вскакивали» обратно в колонну. Не всем это удавалось: раздавалась автоматная очередь, и еда пленному уже не требовалась.

С собой у нас было два круглых карава я хлеба, испечённых на капустных листьях. Мать порезала хлеб на куски, сложила в завеску и, когда колонна была уже перед нами, решила раздать хлеб пленным. Напрасно предупреждал я её об опасности. Мгновенно часть колонны превратилась в огромную кучу. Пленные, не обращая внимания на автоматные очереди, повалив на землю мою мать, вырывали друг у друга вываленные в пыли куски хлеба. Это потом я пытался объяснить матери, сидящей в пыли, чем для нас могло всё закончиться. На всю свою жизнь я запомнил то, на что способен голодный человек. Вернулись домой мы без одежды и с пустой тачкой.

Освобождение хутора произошло в первых числах января 1943 года. Советские войска наступали со стороны Кучугур. Вёл их, указывая дорогу, житель хутора Поздняков – Баклановский – Бакланов Пётр Данилович 1868 года рождения.

Немцы, скрытно установив пулемёты на берегу Цимлы, начали стрелять, когда советские солдаты, преждевременно, не оценив ситуацию, пошли с криком «Ура» в атаку. Очень много их погибло (по некоторым данным, в бою за Колотовку погибло до 60-ти солдат и офицеров), а с ними погиб и почти 80-летний Пётр Бакланов. Сейчас в станице Новоцимлянской живёт его внучка Грудина Мария Дмитриевна и правнучка Шестопалова Лариса Михайловна.

Бой происходил в ночное время, поэтому для освещения территории немцы ещё с вечера стали поджигать хуторские дома и школу. Около 20-ти домов было подожжено, в том числе сгорел и наш. Мы сидели в вырытой яме (окопе), и когда загорелся наш дом, то мать хотела выскочить его тушить, но мы её удержали: немецкие пулемёты, казалось, над нашими головами вспарывали очередями хуторскую тишину.

Команда поджигателей, оценив степень значимости для освещения улицы дома, чтобы наступающие были хорошо видны, поджигали его. Крытые чаканом и соломой поджигались легко – факел или зажигалка подносились к крыше, и дом вспыхивал, как спичка. Те, где крыши были из тёса или жести, поджигались по-иному: охапка соломы, камыша, бурьяна поджигалась, а затем пылающий факел немцы бросали на деревянный порог к двери. Удостоверившись, что дом загорался, немцы уходили дальше – время у них было ограничено.

Трое хозяев – Ажнакин Иван Евстахович, 1881 года рождения, Железников Алексей Иванович, 1904 года рождения, и Захарова Анфиса Александровна, 1899 года рождения, – сумели отстоять свои дома от огня.

Опасаясь окружения, немцы отступали быстро, поэтому автомашины по улице мимо колхозных базов сворачивали влево и на полном «газу» уходили в сторону шляха. Одна машина, видимо, не заметив поворота, поехала прямо и сорвалась в глубокий овраг. Там и бросили её немцы за неимением времени. Утром, к радости хуторян, её разграбили – были там матрасы, одеяла и много чего другого. Оккупация для жителей хутора Колотовка окончилась.

В нашем хуторе родились: генерал-лейтенант Рябышев Дмитрий Иванович, Герой Советского Союза Наборский Иван Савельевич, проживающий ныне в г. Киеве ге-

нерал Чернозубов Иван Алексеевич, полковники – Денисов Михаил Михайлович и Карелов Михаил Александрович. Этот хутор хоть и относился к Маркинскому сельскому Совету, но родина у станиц – Новоцимлянская (Баклановская, Генерало-Ефремовская) и Маркинская (Филипповская) была одна – станица Гугнинская. Хутор Поздняков – Маркинский парадоксален тем, что он располагался в границах станицы Новоцимлянская. Некоторые хуторские дома были ближе к центру станицы, чем станичные дома. Вот такое было парадоксальное территориальное деление. При переселении хутора Колотовка и Поздняков – Маркинский стали основой хутора Богатырёв, а потому они и для нас стали своими.

Отстраивать сгоревшие в хуторе Колотовка дома не довелось никому, поэтому до переселения погорельцы жили в землянках. За год до переселения Шурыгин Михаил Никитич (отец Фёдора Михайловича), 1897 года рождения, купил в станице Маркинской хатёнку за 4 тысячи рублей. Во время переселения этой суммы не хватило даже для компенсации прямых затрат, а ведь кто-то и сейчас думает, что мы тогда озолотились.

От автора. Когда прозвучали последние слова воспоминаний Фёдора Михайловича, я его спросил:

– Михайлович! Снится ли тебе время то – война, переселение, юность...

Ответ был, как и ожидалось:

– Раньше снились часто, сейчас нет, а может, эти сны у меня уже не запоминаются? Может, это и так, но я добавлю ему в эту тему от себя:

-Мне часто снилось, как когда-то,

В начале юности моей,

Землянка наша в два наката -

Изба, сгоревшая, над ней...

И последнее. Верить этому или нет, но лет 30 тому назад жительница хутора Богатырёв Рожко Елена Стефановна, 1910 года рождения, семья которой до переселения проживала в хуторе Колотовка, мне рассказала, что во время освобождения хутора у них в доме некоторое время находились!!! Константин Константинович Рокоссовский и Родион Яковлевич Малиновский.

– У нас в доме стояла кровать с дырявой периной, стоял стол и несколько стульев – вот и вся мебель.

Один из знаменитых военных сидел за столом, рассматривая карту. Другой, имея очень усталый вид, подошел к кровати и буквально рухнул на перину. Из дыр в перине во все стороны полетел пух, но он этого уже не заметил – уснул мгновенно.

На питание войскам требовались продукты, поэтому тем, кто приводил (освободителям ничего не было жалко) всякую живность, выписывались расписки, по которым после войны отданное обещали им вернуть.

Так это было или нет, доказать теперь уже нет возможности. Кстати, об этом мне говорит и её дочь – Демьянец (Рожко) Клавдия Дмитриевна, которая проживает и сейчас в хуторе Богатырёв, в доме, ставшем знаменитым и не претерпевшем с того

времени никаких изменений. Уверен, что тема войны и переселения не исчерпана, и ещё есть что рассказать молодежи.

Мое предположение о том, что публикация в газете «Придонье» материала «Оккупация» будет иметь продолжение, подтвердилось. Ещё многие жители помнят то страшное для нашего государства время и не хотели бы со своими воспоминаниями остаться в стороне, тем более что материал их воспоминаний, считаю, будет интересен и сегодняшнему читателю.

Вспоминает житель станицы Красноярской Михаил Яковлевич Шобухов 1936 г.р.

– Наш дом в станице Новоцимлянской находился на самом берегу речки Цимла около моста, который соединял центральную улицу станицы с хутором Поздняков – Баклановский. Слева от речки через дорогу жила большая семья Широкова Иллариона Петровича, 1892 г.р., а за нами (к центру станицы) семья Денисова Владимира Леонтьевича, 1913 г.р. Слева за мостом находилось хуторское, а после 1935 года и станичное кладбище. На бывшем станичном кладбище в 1935 году была образована Новоцимлянская МТС, поэтому умерших частично хоронили (кто жил ближе) на Колотовском кладбище, а основная часть в хуторе Поздняков – Баклановский.

Сразу за хуторским кладбищем, по левую сторону дороги (в х. Пронин) одиноко ютился домик Чекаловой Харетины Фёдоровны 1888 года рождения, которая (не являясь родственницей) воспитывала Захарову Нину Пантелеевну 1925 года рождения – единственного в Цимлянском районе Героя Социалистического Труда.

Во время весенних половодий вода подтапливала наш домик – это и явилось причиной того, что после войны наша семья переселилась на другое место, чуть ближе к центру станицы.

Зимой 1942 года к нашей усадьбе подъехали 3 длинные немецкие автомашины, на которых были погружены понтоны. Немцев было человек 7-8. Двигатели они не глушили, поэтому радиаторы машин упирались в стога сена, находившиеся недалеко от моста. В нашем доме «квартировали» они три дня.

На следующий день мы играли на улице – Геннадий 1933 г.р., Юрий 1936 г.р. и Мария 1931 г.р. Широковы – (Мария Илларионовна проживает сейчас в г. Цимлянске). Геннадий спросил меня:

- Немцы вас не бьют?
- Нет!
- Пистолеты куда они кладут?
- На столе лежат.
- Миха! Как только их в доме не будет, ты вытащи пистолет из кобуры и за икону положи – понял? – Я понял и сделал так, как он сказал.

На третий день немцы засобирались, и пропажа пистолета обнаружилась. В передней комнате, за печкой я сидел с сестрой – Шворобей (Шобухова) Клавдия Яковлевна 1937 года рождения. Немцы между собой заскандалили. С улицы зашел здоровенный рыжий немец, видимо, их главный. Выслушав их, он обшарил весь дом,

затем, отодвинув икону, достал пропажу. Видимо, он догадался, поэтому, схватив меня «за шкирку», на меня заорал и ударил по лицу. Уже лежащего на полу, он два удара меня шомполом, да так, что и сейчас на плече рубец заметен. Может, он и ещё бы мне «добавил», но мне удалось залезть под кровать. Немцы погрузились в машины и уехали в центр станицы.

Через несколько дней в нашем доме поселился ещё один немец – полная противоположность тем, что были. Он ночевал у нас, а днём отсутствовал. Иногда он давал нам конфетки и при нас бил «по морде и гонял» румын, которые лазали по погребам. Ближе уже к Новому году около стены нашего дома немцы установили крупнокалиберный зенитный пулемёт.

Советские войска наступали со стороны Кучугур. Бой, начавшийся в ночь на 1-е января 1943 года, мы не видели (всё население, которое не ушло из станицы в другие населённые пункты, пряталось в погребках, подвалах). Первым, кого мы утром увидели, был советский пулемётчик. Он сидел в большом тазу – корыте с пулемётом, который тащила лошадь. Свой пулемёт, направленный в сторону моста, немцы бросили, сняв затвор. Был он на крутящейся станине с сиденьем, а когда мы крутили колесики, его ствол то поднимался, то опускался. Мы на нём катались – крутились (родители нас и ругали, и сгоняли с него), пока его и ящики с крупными патронами вскоре не забрали.

Дня через два мимо нас со стороны Кучугур (бои были на подступах к станице) начали возить погибших советских солдат. Двое больших саней, в которые были запряжены по 4 быка, везли их в центр станицы. В окно (я наблюдал) было видно, что на санях лежали штабелями поперёк тела, раздетые до нижнего белья. Всего за освобождение станицы погибло более 150 советских солдат и офицеров, поэтому сбор и перевозка их заняли, как минимум, 3 дня. Немецкие потери (по слухам) составили 5 солдат.

Вспоминает житель хутора Богатырёва Недоморацков Николай Иванович 1937 г.р.

Самую большую опасность, как это ни странно, для жителей оккупированных хуторов и станиц представляли румыны. В том, что это была армия грабителей и насильников, вскоре убедилась и наша семья. В конце лета 1942 года из хутора Колотовка в наш хутор Поздняков – Маркинский в кибитке (копия цыганской) прибыли два румына:

- Матка! Корова есть? – обратились они на ломаном русском языке к нашей маме – Недоморацковой (Константиновой) Евдокии Фёдоровне, 1909 года рождения.
- Есть! – ответила она, ещё не подозревая степень стужившейся опасности над «кормилицей».

Один румын отвязал находящуюся в коровнике корову и начал выводить её на баз. Другой начал целиться из винтовки в голову корове. Видимо, у коровы сработал инстинкт: почувствовав угрозу своей жизни, она начала мотать головой. С выстрелом румын запоздал – этого времени хватило, чтобы в порыве наступившего гнева хозяйка, схватив стоявшие вилы, пырнула ими мягкие части тела румынского грабителя.

Дико заорав, румын пустился бежать от разъярённой женщины. Подобрал валяющуюся винтовку, второй румын имел намерение выстрелить в хозяйку, но не успел... Как потом говорила Евдокия Фёдоровна, у нее тоже было намерение пырнуть в живот и второго румына. Кто кого бы порешил в тот момент – вопрос остаётся без ответа, потому что именно в тот момент громкая немецкая речь остановила этот поединок. Немец, а это был тот самый Вилли, оказался заступником семьи Недоморацковых. Румыны с позором ретировались на повозке – кибитке в хутор Колотовку.

Перед самым отступлением Вилли ещё раз пытался оказать помощь Недоморацковым:

– Скоро будет бой. Детей и корову спрячь!

Во время боя семья Евдокии Фёдоровны, спасаясь, находились в погребе у Савельевой Евдокии Анисимовны (сестра мужа), а вот кормилицу корову не убергли... Осколок разорвавшегося снаряда, пробив плетень, ранил корову в живот. Более месяца её лечили, пытались спасти, но безрезультатно. В феврале месяце с горем и слезами её пришлось прирезать.

Дефицит соли не позволил использовать всё мясо по назначению. Часть мяса засолили, часть завялили, неожиданно повезло и соседям, и родственникам. Жизнь без коровы стала тяжелей, но в то время так жили многие.

Португую с пистолетом, которую братья Пётр Иванович и Николай Иванович «спрудили» за сундук во время бегства немцев, после боя в доме так и не нашли. Не нашли и два мешка муки, что были в подполе. Немцы сделать этого уже не могли, а наступающим советским войскам это всё могло оказаться гораздо нужнее.

Когда немцы заняли станицу Цимлянскую, то к нам на жительство в хутор Поздняков – Маркинский перебралась родственница – тётя Женя Рыкунова с детьми – Лидой, 1934 г.р., Вовой, 1937 г.р., и Петей, 1942 года рождения. Перемена места жительства была вынужденной. Дело в том, что её муж был работником Цимлянского военкомата, и хотя он был на фронте (долго воевать не пришлось – погиб), опасения за свою семью у тёти Жени были, поэтому, не искушая свою судьбу и судьбу детей, она определилась на жительство, от греха подальше, в нашу семью. Даже в этом случае она подстраховалась – детей отправила на жительство в хутор Пронин, а сама стала жить у нас.

Дети на Пронином жили у моей бабушки Евдокии Киреевны. У неё на усадьбе была небольшая хатёнка – сарай, которую немцы оборудовали под склад. Там у них хранилось обмундирование: сапоги, шинели, плащ-палатки и много другого разного добра.

Видимо, наступление советских войск для немцев стало неожиданностью, поэтому часть этого добра они не успели вывезти, и оно стало собственностью моей бабушки. Мастерница на все руки, она из немецких шинелей шила нам (и не только нам) куртки, фуфайки и другую дефицитную по тем временам одежду. Родилась бабушка Дуся (Рыбникова) в 1886 году в хуторе Рязанкине, а вышла замуж за пронинского казака Фёдора Константинова.

На Позднячке, в нашем доме, немцы для проживания оставили нам одну небольшую комнатку – каморку, где мы и ютились, остальная жилплощадь досталась «новым» хозяевам. У немцев или отсутствовало чувство стыда, или они нас за людей не считали, приравнивая к животным, только все естественные надобности они «справляли» прилюдно, без всякого стеснения. Не смущали их ни дети, ни женщины.

В нашем доме особенно этим увлекался немец – повар, который любил, открыв дверь в нашу комнатушку, громко «выпустить» скопившиеся у него «газы». Тётя Женя тоже была не робкого десятка. Видимо, ей надоело немецкое «окуривание» и, хотя опасения у ней были, она решила проучить немца. Лежала она однажды на кровати – топчана и почувствовала, что немец вот-вот сделает визит. Как только немец приоткрыл дверь, она, приподняв одну ногу, громко выпустила «газы». Опасения её были напрасными. Немец даже как-то обрадованно произнёс:

– О-о-о! Рус! Бом – бом! Гут! (хорошо).

Ретировался он сразу. Скучная, в основном овощная пища (тыква, свекла и т.п.) к «хорошим» ароматам не располагала. Так или нет, но после этого случая немец свои «шутки» прекратил, а уже зимой по его вине мы чуть не лишились своего жилья.

В отличие от наших керосиновых ламп, немцы для освещения использовали карбидные лампы. Принцип действия у них почти такой же, как и у аппаратов для газосварки. Однажды, заправляя карбидом лампу, немец – повар рассыпал карбид около порога нашего дома. Карбид и снег создали реакцию – снег «задымился» и вскоре (непонятно от чего) появился огонь, от которого загорелся порог. Выскочив на улицу, моя мать пыталась снегом закидать очаг пожара, но карбид горел и горел, пламя пробивалось через снег. С большим трудом огонь удалось погасить. Памятью о пожаре на пороге и дверях осталась обугленная чёрная круговина.

Около нашего дома стояли немецкая танкетка и другие машины, что вызывало у нас опасения. Мама говорила, что налетят «наши» и с немецкой техникой разбомбят и наше подворье. Чувствовалось приближение фронта, и, хотя немцы старались скрыть это от населения, догадаться можно было уже по их поведению: у них убавлялись и воинственность, и гонор. Стали немцы кучковаться, заканчивалось время, когда они по два – три человека квартировали в домах. Временно или нет, но за несколько дней до Нового года они покинули наш дом. Опасаясь, что немцы вернуться и нам не поздоровится, мама запретила нам и близко подходить к оставшимся немецким пожиткам.

Дня за два до освобождения (уже было слышно, что в Кучугурах громыхало), поздним вечером к нам в окошко постучали советские разведчики. Был перед этим хруст снега, и чувствовалось, что кто-то ходит под окнами. Мама зажгла лампу и подошла к окну, завешенному какой-то тряпкой. Приоткрыв «занавес», она увидела разведчика, одетого в белый маскхалат. Разведчик дал ей знак, чтобы прикрыла она «занавеску» и открыла дверь в дом, в которую стучали уже другие разведчики.

– Кто? – спросила мама.

– Свои, – был негромкий ответ.

В комнату вошли трое разведчиков, и было чувство, что на улице остались ещё. Двое сразу подошли к «сводной» печи, в которой мама пекла хлеб. Расстелили большую карту и начали на ней что-то рисовать. Обратившись к маме, спросили:

– Может, немцы в хуторе у кого-нибудь устанавливали орудия, пулемёты или миномёты?

Я сразу сболтнул, что у Андрея Семеновича Савельева немцы в сарай что-то заглядывали, громко орал на своём языке. На своей карте разведчики пометили этот сарай.

Когда разведчики вошли в дом, то в угол поставили какой-то непонятный для нас ящик (это потом до нас дошло, что это была рация). Один разведчик усадил меня на колени (мне шёл шестой год), прижав меня к себе. У меня была немецкая губная гармошка – штук 5 или 6 было их у меня. У немцев оружия было меньше, чем губных гармошек. Любимая моя гармошка была засаленная и забитая пищевыми крошками, поэтому плохо играла.

Дядя Вася (так звали разведчика) ножом ловко выкрутил шурупы, разобрал гармошку, почистил и, вновь собранную, вручил мне. Гармошка заиграла, как новая. Остальные гармошки дядя Вася пообещал отремонтировать утром.

– У меня дома тоже трое ребят – два мальчика и девочка, – с вологодским говором произнёс он.

На его коленях сидеть мне было приятно, и вскоре я уснул. Как переносил меня в постель дядя Вася, не помню. Утром (уже было светло), проснувшись, я первым делом задал вопрос:

– А где дядя Вася?

Братья Иван и Пётр мне объяснили, что дядя Вася ушел воевать. Грустно мне было и жалко, что дяди Васи, которого я любил, уже нет.

Фронт громыхал уже в Кучугурах, приближаясь к нашей местности. Перед тем, как под утро уйти, наши разведчики передали сведения по таинственному «ящику», а затем, собравшись, быстро ушли.

Немцы днём вернулись, начали украшать ёлку, готовясь к встрече Нового года, уже и песни начали горланить на своём языке, но как только где-то близко грохнуло, быстро собрались и покинули наш дом.

Во время боя мы находились в погребе у нашей родственницы, а когда бой «ушел», то выяснилось, что сарай, который указала мама нашим разведчикам, был полностью разбит. Его «накрыли» или наши пушки, или миномёты. Немцы действительно укрыли в нём пушку, которая во время боя могла бы принести много вреда наступающим нашим войскам.

По прошествии времени уже многое забылось, стёрлось из памяти, даже то, что рассказывали родители и старшие члены семьи, но судьба дяди Васи и по сей день волнует меня. Может, и узнаю о его судьбе, как говорится, в жизни иной...

Вспоминает моя родная сестра (авт.) – Валентина Александровна Глебова (Константинова) 1937 г.р., жительница г. Цимлянска.

– Момент оккупации станицы Новоцимлянской помню хорошо, несмотря на то, что шел мне шестой год. Сразу после занятия станицы немцы решили устроить показательные похороны своих погибших солдат. Сколько их было, где они были убиты, в станице не знали, но для пропагандистских целей немцы принудительно согнали население улиц и переулков (северо-западную часть станицы). Особого желания участвовать в этом мероприятии у станичников не было, но немцы предупредили, что будут стрелять по тем, кто не пойдёт на похороны или попытается с них сбежать. Скорбный вид станичников должен соответствовать траурному мероприятию.

На берегу речки Цимла (после впадения в нее р. Россось), недалеко от роддома, немцы вырыли две большие могилы, опустили под оружейный салют убитых и начали закапывать могилы. Тихо играла музыка, а стоявших полукругом станичников немцы фотографировали, а может, там была и киносъемка.

Уже потом, после освобождения, эти неуважаемые могилы затоптали овцы, коровы, так что со временем определить местонахождение их стало невозможно.

По такому же сценарию проходила «встреча» немецких войск жителями станицы. Было это добровольно или по принуждению, теперь уже не узнаем. В толпе была и наша бабушка – Константинова Агафья Стефановна 1890 года рождения. Находившийся с ней сын – Константинов Андрей Никитович 1931 года рождения задал ей вопрос:

– Ма! Это же немцы! Зачем мы здесь?

– Андрюша, молчи! У нас Яша (Константинов Яков Никитович, 1914 г.р.) на войне. Немцы могут нас за это расстрелять!

Жили мы в МТСовском доме. Когда немцы и румыны заняли станицу, в нашем домашнем хозяйстве был кабан и с десяток кур. Кабана осенью планировали зарезать, но румыны не стали ждать холодов и «управились» с ним раньше, чем планировалось: на базу кабана застрелили, а всё мясо и сало, погрузив в кибитку, увезли.

Глава нашей большой семьи – Александр Никитович Константинов, 1912 года рождения, был не военнообязанный по причине инвалидности по зрению, к тому же у него, как у лучшего в масштабах области комбайнёра – механизатора, была «бронь», поэтому в армии он не служил.

Незадолго до оккупации механизаторам Новоцимлянской МТС было поручено угнать трактора и комбайны за Волгу. Немцы, окружив колонну «отступающей» техники, вернули её и механизаторов в станицу.

Являясь участником Все союзной выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР в 1940 году, наш папа из Москвы привёз в основном детскую одежду и другие материалы. Перед самым приходом немцев всё это добро сложили в вырытую в саду у бабы Гани яму и закопали, положив сверху перевёрнутые сани, которые замаскировали набросанными ветками. Румыны яму раскопали и всё содержимое из нее достали. Я, брат Николай (1940 г.р.) и наша мама – Анна Григорьевна, 1917 года рождения, у которой на руках была сестра Людмила (Валуева), 1942 года рождения, стояли около ямы и смотрели на румынский грабёж – мольбы и уговоры на них не действовали.

После «тяжкого» труда румыны решили перекусить. На усадьбе у бабы Гани росла кукуруза. Румыны развели огонь в летней печке – горнушке, наложили туда кукурузные початки и через некоторое время уже начали их грызть. Один румын, поманив меня рукой, вручил мне початок. Сидя на корточках около них, я тоже грызла початок. Один румын снова отправился за кукурузой. Когда он, неся охапку початков, вернулся, то баба Ганя попыталась у него их отобрать. Бросив кукурузу на землю, одной рукой румын схватил её за волосы, а в другой руке у него уже был кинжал. Какие угрозы он ей на своём языке выкрикивал, мы не понимали, но поняли, что зарезать бабу Ганю для него труда не составит. Отпустил он её после того, как мы начали громко реветь.

Румыны погрузили в кибитку узлы с конфискованной одеждой и другим награбленным добром и уехали. Дед Никит (Константинов Никит Лукьянович, 1891 г.р.) начал ругать бабу Ганю:

– Дура! Из-за кукурузных початков при детях жизни чуть не лишилась! – Оправдания жены, что самим нечего будет кушать, на него не подействовали.

Ближе к зиме в соседнем МТСовском доме «поселились» немцы. Утром к нам пришел немец и приказал отцу следовать за ним. Пришлось идти и нам всем – опасения этому приказу были. В доме была печь с полуразрушенным затопом:

– Пан! Делай печь! – поняли мы из его приказа – на руках немец изобразил, как надо «мазать» и белить печь.

– Пан не сможет «мазать» и белить печь: он не умеет. Это я буду делать, – сказала мама.

Немец был очень удивлён, но согласился. Печь вскоре была отремонтирована и «затоплена». В углу комнаты, прямо на полу, у немцев была насыпана куча конфет (карамели). До сих пор чувствую вкус тех карамелек, которыми они нас угостили.

Вечерами к нам на «сиделки» приходил немец. Меня и Николая он сажал на колени, так и сидел, прижав нас к себе.

– Пан! У тебя есть дети? – задала вопрос Елена Петровна Гавриленко, которая с другими соседями бывала у нас.

– Есть! – ответил немец, показывая фотографию своих детей.

– Гитлер – капут! Сталин – капут! – говорил он без опасения. 31 декабря 1942 года он же и посоветовал нам покинуть станицу.

– Будет большой бой – уходите!

Узнав, что в хуторе Кандауров у нас есть родственники, он посоветовал нам уходить туда. Уже к вечеру мы покинули станицу. Вместе с нами в хутор Кандауров шел Андрей Никитович и еврейская семья, откуда они и как они к нам прибились – неизвестно.

Еврейка – мать и две её дочери шли с нами. Одну дочь звали Сталина, другую Родема. Было им лет по 15 – 16.

Поднялись на гору (правобережье речки Цимлы) в районе хуторов Ремизов и Кандауров, оглянувшись, увидели сплошное зарево над станицей. Слышна была

стрельба и взрывы. Была уже ночь, когда мы пришли в хутор к Калмыкову Сергею Григорьевичу.

– Новая Цимла вся горит, – сказал кто-то из собравшихся обеспокоенных соседей.

Это потом выяснилось, что горел хутор Колотовка, но в тот момент мы думали, что полыхала станица. Утром второго января вернулись мы домой. Еврейская семья тоже вернулась в станицу, но исчезла она также незаметно, как и появилась. Все стёкла в доме были повыбиты, поэтому ночевать пришлось в подвале. Немцы перед отступлением население запугивали:

– С Советской Армией идут монголы с длинными косами (волосами), они режут всех: и женщин, и детей.

Ревела голодная Людмила (ей было уже полгода). В запертую дверь раздался стук. Решили не открывать. Стук стал громче, потом раздался голос:

– Откройте! У вас ребёнок кричит. Откройте, иначе дверь будем выламывать! Было страшно, но ещё было страшнее за нашего папку. В подвале была картофельная яма, туда поместили его, накрыв периной и мешками. В открытую дверь вошли несколько солдат.

– Почему не открывали? Мы хотели уже дверь выламывать, думали, что ребёнка один.

– Мы боялись! Нам сказали, что идут монголы с косами и всех режут.

Видимо, самый главный, в полушубке, выйдя к свету керосиновой лампы, сказал:

– Я монгол! Я что, должен вас резать? Кто вам это сказал?

– Немцы.

– Ещё здесь есть кто?

– Есть – муж.

– Почему не на войне?

Маме пришлось объяснять, что он инвалид по зрению, что у него, к тому же есть «бронь», освобождающая его от призыва в армию.

– Полицаем был?

– Не был. Немцы брали его только заложником.

«Монгол» вытащил из вещмешка с десяток кусочков мыла и что-то из продуктов.

– Накорми детей, а мылом купай дитя. Нам предстоит идти в бой, если убьют – поминайте. Пока передовые части не пройдут – мужа хорони, а то разбираться они вряд ли будут...

Так и закончилась для нашей семьи война. Всего несколько комбайнеров осталось в МТС. Работать им пришлось, как в песне поётся, и за себя, и за «того» парня: кормить разрушенную, голодную страну кому-то было надо.

Вспоминает Николай Петрович Алфёров 1929 г.р. житель станицы Новоцимлянской:

– Оккупация нашей станицы началось через несколько дней после того, как станица Цимлянская подверглась масштабной бомбёжке.

День был пасмурным, в воздухе было подобие тумана, смешанного с гарью, докапавшейся до нас от сожженной станицы Цимлянкой. Со стороны хутора Богатырёва появилось несколько тяжелых мотоциклов, а следом – машины, подобие автобусов. В станице наших войск не было. Мы, пацаны, смотрели, как один немецкий солдат, высокий, чернявый, черноглазый, начал прикладом винтовки сбивать замок с магазина. Другие немцы в касках отправились по дворам:

– Матка! Давай млеко, яйца, – почти в каждом доме говорили они. Задержались немцы в станице недолго. Через несколько дней опять со стороны хутора Богатырёва на дороге появилась колонна цыганских кибиток, со стрельбой в воздух и криками – так дали о себе знать румыны. С этого момента окончилась спокойная жизнь в станице. Первым делом румыны принялись грабить население и гоняться за девчатами.

Мы (несколько семей) сидели на подворье у Будановых, вместе было не так боязно. Через некоторое время к нам вбежала запыхавшаяся Хорсова (имя не помню – она потом уехала из станицы), а за ней тоже на подворье вбежал запыхавшийся румын. Его намерения нам были понятны. Увидев, что нас было много, он ретировался не солоно хлебавши. Хорсовой тогда было лет 14 – 15.

Вскоре появившиеся немцы вели себя по-другому. Те, которые были в станице постоянно, население не трогали, а вот залётные, в чёрной форме (были они гестаповцами или эсэсовцами – не знаю), те и картошку выгребали, и муку забирали, и продукты всякие.

Зима уже наступила, и домой к нам пришли два немца. Увидев старые отцовские валенки, один из них говорит моей матери (Алфёрова Нина Филипповна, 1903 г.р.) на чисто русском языке:

– Матка! Я валенки заберу!

– А я их тебе не дам! – был ответ.

– А я тебя и спрашивать не буду! – ответил немец.

Валенки немец забрал, благо, что не новые отцовские, которые были спрятаны под кроватью.

Немцы расселились в основном в больших домах, в клубе, в школе. В МТС у них была вся техника (там они её и ремонтировали) и, наверное, столовая. Каждое утро немцы мимо нас шли строем в МТС, а в конце дня таким же способом возвращались.

Однажды, уже стало холодно, немец, забравший у нас валенки, вечером снова пришел к нам. Одет он был в шубу длиной до пят, а на голове отвёрнутый треух. Вероятнее всего, был он на посту и покинул его. Помимо автомата, в руках у него был котелок.

– Матка! Молоко налей!

Корова у нас ещё доилась. Отказать ему было опасно: кто-то же сказал немцу, что у нас ещё доится корова. Получив котелок с молоком, немец достал из кармана шубы стеклянную баночку:

– Матка! Бери, это сотовый мёд – вкусный!

Мёд, вкус которого мы уже забыли, оказался действительно необыкновенно

вкусным. Немец начал приходить к нам за молоком, но молоко задарма не брал. Приносил он и дефицитные камушки для зажигалки, и зажигалку принёс, и баночку рыбных консервов, и круглые, как толстые пуговицы, карамельки. Сказал нам, что вечером в МТСе они «крутят» кино, можете приходить смотреть.

Я с матерью, Шурка (Солонорёва Александра Семёновна, 1922 г.р.) и ещё кто-то из соседей решили сходить в МТС на кинопросмотр. Было уже совсем темно, мы, наугад ориентируясь, подходим к зданию МТС. Луч карманного фонаря внезапно ослепил нас. Два вооруженных немца (часовые) светили на нас фонариком, в руках одного немца был поводок, прицепленный к огромной овчарке. На их вопрос мы испуганно ответили, что идём смотреть кино. Невероятно, но немцы объяснили нам, как пройти в «кинозал», а там нам тоже вежливо предложили:

– Матка! Садитесь! Садитесь! – уступая женщинам места.

Смысл фильма был в том, как англичане построили подводную лодку. При её сдаче в эксплуатацию на пирсе стояла толпа англичан, и радостно махала экипажу шляпами (котелками). Немецкие диверсанты перепилили звено толстой цепи, которая удерживала лодку на плаву. Цепь оборвалась, и лодка затонула со всем экипажем. Немцев (кинозрителей) это привело в бурный восторг: они «свайвакались», а нам, отвыкшим от кино, было хоть и не интересно, но другое видеть нам было не дано.

Проявляли иногда немцы и беспечность, и халатность. Около моста через реку Россошь перевернулась их машина, в кузове которой были толовые шашки (как мыло) и похожие на толстые парафиновые свечи какие-то пороховые заряды – горели они долго и медленно. Пока немцы «снюхались», мы их натаскали столько, что и после войны пользовались ими для розжига и подогрева.

Петро Маленков (Маленков Пётр Александрович 1928 г.р.) показал две толовые шашки Алфёровой Любови Николаевна 1898 г.р. (мать Шурки Солонорёвой).

– Петро! Да где же ты мыло достал? Добро-то какое!

– Возле Россошенского моста – бери, сколько хочешь! – был ей ответ.

Немцы, видимо, думали, что они у нас надолго и всерьёз. Комендант станицы начал исполнять функции те, которые у нас сейчас исполняет ЗАГС. Регистрировались рождённые и умершие за это время наши жители. Была в станице и регистрация брака с венчанием – наша станичница официально оформила брак с румыном. В 1943 году она родила сына, который ещё в 70-х годах работал в колхозном автогараже сварщиком. В том же 1943 году родила от румына и ещё одна жительница станицы.

Иллюзии о том, что немцы такие добрые и «пушистые», у нас поубавились и кончились. Уже потом мы узнали, что 3-го января (немцы держали дату акции в тайне) 1943 года должна была состояться казнь жителей станицы. 43 жителя станицы немцы планировали расстрелять согласно списку, в котором были фамилии активистов, комсомольцев, коммунистов, депутатов и других неугодных рейху лиц. Кто составил этот список, и кто из наших жителей в него вошел, неизвестно.

Уже перед отступлением немцы начали страшать население тем, что придут

монголы и китайцы и будут «резать» население. Наступление началось в ночь на 1-е января. Немцы в нашем клубе собирались встречать Новый год, но затем техника начала срочно покидать станицу. Мы сидели в окопе у деда Грудинки (Грудинин Евлампий Ефимович, 1875 г.р.) – было и холодно, и страшно от большого боя, и от мысли, что зарежут монголы.

Часов в шесть утра послышалось русское «мать – перемать» и другие непечатные слова. Мы обрадовались: это не китайцы, китайцы и монголы таких слов не знают и не употребляют, это наши. Много погибло наших солдат за МТСом, там немецкие танки и постреляли много, и подавили немало.

Своих убитых солдат немцы забирали, но два трупа (я сам видел) в станице остались. Бой за станицу был три дня. Жили мы от МТС метров 200, поэтому 1-го января советские солдаты посоветовали нам уходить: предстоял большой бой. Погрузив на санки всё самое необходимое и привязав к ним корову, мы тронулись по центральной улице в сторону Позднячки – Баклановской. Следы боя и разрушений были видны повсюду. У Грудининой Александры Павловны дом был совсем разбит. Недалеко от школы валялась мёртвая лошадь, убитый повар и разбитая наша походная кухня. Остановились мы у родственников (Лагутина Ольга Николаевна, 1910 г.р.), а затем пошли на Позднячку, там, в погребе у родственницы, и переждали весь этот кошмар. У родственницы (Грудинина Ксения Семёновна, 1905 г.р.) снарядам убило корову, но нам было не до неё – самим бы живыми остаться.

Когда вернулись мы домой, то узнали, что соседа нашего Кандаурова Ивана Васильевича застрелили наши же солдаты. Иван Васильевич, хоть и был полицаем, но зла не делал никому, а расстреляли его по заявлению Кузнецова Ивана Васильевича. Кузнецов был братом Бурняшевой Анны Васильевны, 1905 г.р., а конфликт с Кандауровым произошел у него ещё до войны (поскандалили за очердность на мельнице). Его заявления было достаточно, чтобы солдаты с передовой покарали пособника врага.

Застрелили неподалёку от дороги на хутор Колотовку, а нашла его Харитоновна (Полякова) Ефросинья Ивановна, 1900 г.р. Она была в «отношениях» с Кандауровым. Она же и привезла его на санках домой, к его жене Кандауровой Таисии Фёдоровне, 1897 г.р. Похоронили Кандаурова на кладбище хутора Поздняков – Баклановский.

Оккупация закончилась, впереди нас ожидало восстановление всего, что порушили и разграбили румыны и немцы.

От автора: Знаю, что есть нестыковки в рассказах наших земляков, но и времени с того момента прошло 70 лет. Обращаюсь к критикам: не придирайтесь к нам от нечего делать, а помогайте! Мне пришлось уже с такими критиками столкнуться. Год тому назад пришлось мне восстанавливать по памяти карту-схему хутора Бударин. Зная жителей, проживавших в хуторе Бударин, я надеялся с их помощью установить, кто около кого жил, с кем соседствовал. Не тут-то было, все отказались по причине забывчивости, и лишь Кузнецова (Вороная) Валентина Степановна приняла участие в моём проекте. Когда карта хутора была изготовле-

на, то память к бударинцам «вернулась», и начали они устраивать обструкцию и мне, и Валентине Степановне по поводу недостоверности нашего деяния. Мораль – без комментариев.

Продолжение. Нет, не отпускает меня тема, связанная с оккупацией и освобождением станицы Новоцимлянкой и близлежащих от неё хуторов. И это сейчас, когда свидетелей того страшного времени остаётся всё меньше. Каким же был бы этот материал лет 15 – 20 тому назад?!

Сегодня я знакомлю читателей с воспоминаниями супругов Кузнецовых – Александра Евгеньевича 1931 г.р. и Нины Семёновны (Слезовой) 1933 г.р., бывшей жительницы хутора Колотовка.

Вспоминает Нина Семёновна:

– Мне шел десятый год, но и оккупацию, и освобождение помню очень хорошо, а остановлюсь я на событиях, связанных с освобождением нашего хутора. Освобождали советские войска наш хутор дважды. Первый раз немцев отбросили до станицы Маркинской. Сумев перехватить инициативу, немцы вновь заняли наш хутор, но ненадолго.

Первый бой начался в ночь на 1-е января 1943 года. Наши войска наступали из Кучугур, со стороны хутора Пронина. Во время боя наше подворье сильно пострадало. Дом был разбит и для проживания стал непригоден. Сгорел сарай, вместе с ним сгорели и овцы. У коровы сильно обгорел бок, но она или выпрыгнула, или выломала двери и убежала в терновый колос. Потом в колке её нашла Мария Холодкова, и отправили мы корову на передовую... на питание – долго корова бы не прожила.

Нашей маме, Слезовой Марии Георгиевне, 1907 г.р., пришлось потом походить по инстанциям, но коровушку нам все же вернули взамен съеденной. Оставшиеся вещи мама погрузила в бричку, а заодно и нас – троих детей, и поехали мы зимовать к тёте Дуне Беловодовой (впоследствии Вёшенской), это было уже после окончательного освобождения.

После того, как немцев первый раз прогнали из хутора, радостные хуторяне повылезали кто из погребов, кто из подвалов, ям, окопов. Некоторые хоронились в норах, вырытых в речном яру, за что их потом ругали советские солдаты: велика была вероятность их перестрелять, приняв в темноте за немцев. Наша же семья хоронилась в окопе у дяди Саши (Слезов Александр Петрович 1889 г.р.)

Радостные хуторяне начали во дворе дяди Саши готовить еду и кормить солдат. В его доме молоденькому лейтенанту нагрели воды, и он в зале искупался в тазу, затем переделся во всё чистое и принял участие в праздничном застолье. Со стороны Маркинской немцы начали стрелять трассирующими очередями и вскоре вновь заняли наш хутор, хоть и ненадолго. Опять пришлось искать убежище, а те, кому негде было спрятаться, решили прятаться на горе около Манютиной балки. Люди побежали на бугор, а там немецкие танки «месят» наших солдат. Люди бросились обратно бежать в хутор.

Немецкий пулемётчик засел на чердаке у Беловодова Ивана Андреевича, 1876

г.р., жившего на окраине хутора, а когда наши солдаты пошли в атаку, начал по ним стрелять. Долго с ним ничего не могли поделаться. Было решение поджечь дом, но потом каким-то образом его удалось убить. После закончившегося боя и после того, как хутор вновь освободили, наша мама послала меня, сестру Таню, 1928 г.р., и двоюродного брата Фёдора Слезова, 1928 г.р., узнать о судьбе нашей соседки – Линьковой Ксении Николаевны: очереди немецкого пулемёта могли попасть и в её дом. Наши усадьбы (торец в торце) соединяла дорожка, по которой мы и пошли.

Далее началось страшно: вся дорожка была завалена телами убитых наших солдат, да так, что и ступить было негде. На грани усадьбы, прислонившись к нашему свинуху, сидел убитый лейтенант, лицо его было сверху донизу рассечено или пулей, или осколком. Видимо, смерть его не была мгновенной, если у него ещё хватило сил прислониться к деревянному срубу свинуха, истратив свои последние силы.

Слёзы текли по нашим лицам, ведь всего несколько часов тому назад мы видели молодого, красивого лейтенантика, а сейчас перед нами он мёртвый, с обезображенным лицом. За 80 лет прожитой мной жизни многое забылось, стёрлось из памяти, но образ того лейтенанта, спустя 70 лет, и сейчас перед моими глазами, а мысль так и не даёт покоя: неужели он предчувствовал свою гибель, переодевшись во всё чистое.

Старшие уже тогда давали нам наказ: не брать и не подбирать «красные карандаши» – так называли тогда или взрыватели, или немецкие «сюрпризы».

Тётя Ксения была жива, но её мать немцы убили: она пыталась не дать им поджечь их дом. Убили немцы и отца Химины Василия Фёдоровича, 1915 г.р. (после войны их семья переехала в Лозновку). Немцы подожгли дом Химиных и ушли, а он сумел затушить его. Вернувшись, немцы вновь подожгли дом, а деда Федора застрелили. По такой же причине немцы убили и свёкра Зайцевой Глафиры Георгиевны, 1911 г.р.

Сразу после освобождения хутора в Советскую армию были призваны Коновалов Александр Васильевич 1925 г.р. (уже на Курской дуге воевал танкистом), Слезов Георгий Александрович 1925 г.р., Железников Ефим Алексеевич 1925 г.р. (в переселение переехали в х. Черкасский) и Киселев Владимир Андреевич 1925 г.р.

В 1947 году был страшный голод. В один из дней моя сестра Маша, 1929 г.р., и Зина Коновалова ходили в Новую Цимлу на базар торговать кукурузой или менять на другие продукты. После базара они шли мимо МТСовских домов. Из одного дома вышел мужчина и спросил их:

- Девочки, вы куда ходили?
- На базар торговать кукурузой.
- Мы приезжие, умираем с голоду, нет ли у вас хоть немного кукурузы?

У Зины осталось полстакана кукурузы. Я ей сказала:

- Зина, отдай ему, а я тебе дома отдам – так жалко мне стало этого мужчину.

Зина высыпала ему в подставленные обе руки кукурузу, которую он стал жадно грызть при нас.

– Дядя! Её же надо варить, – сказали мы. Он лишь только ответил:

– Девочки, мы приезжие, умираем с голоду, скажите всем в хуторе, может, кто поможет?

Дома всем миром собрали продукты – тыкву, свёклу – кто что мог, и Маша на двуколке повезла продукты. Потом она рассказывала:

– Подъезжаю к дому. Они (вся семья) все вышли из дому, попадали на колени, так плакали, так плакали, сквозь слёзы повторяя:

– Теперь мы спасены!

Маша потом с гордостью говорила:

– Я спасла семью!

Кто жил тогда в МТСовском доме и куда они делись, мы не знали.

Вспоминает Александр Евгеньевич Кузнецов, житель станицы Новоцимлянской:

– Сразу после окончания боя я и мой друг, Евсеев Яков Александрович, 1929 года рождения, отправились в поле, где за МТСовской нефтебазой, по рассказам жителей, немецкие танки очень много подавили наших солдат. То, что мы увидели, было просто ужасно. Снег едва прикрывал землю, на которой лежали фрагменты тел, раздавленные танками.

Валялись на земле вперемешку со снегом оторванные руки, ноги, головы и раздавленные внутренности наших солдат. Немецкие танки, пришедшие со стороны хуторов Богатырёва и Сизова, атаковали в чистом поле нашу пехоту, которая не имела ни времени, ни возможности даже окопаться. Видимо, немцы стремились не стрелять, а именно давить наших солдат, получая от этого удовольствие. Долго находиться на этом месте мы не могли – было жутко и страшно.

Яков Евсеев нашел катушку ниток и был этому очень рад: теперь мамка (Евсеева Анастасия Александровна, 1908 г.р.) сошьёт мне рубашу (нитки были тогда в страшном дефиците). Неподалёку от раздавленного танком нашего бойца я нашел алюминиевую ложку, на обратной стороне которой было выгравировано: «Украина. Шепеля Григорий».

От автора: В центре станицы Новоцимлянской на стеле воинам, погибшим при освобождении станицы, есть фамилия – Шепеля Г.Г., требуется выяснение.

Видимо, промахнулись наши разведчики, когда было наступление на станицу. У нас в станице было несколько сот немецких машин, если не тысяча. Немцы отступали от Сталинграда, и вся станица была забита машинами. Территория станицы до переселения напоминала форму подковы, с трёх сторон (север, восток и юг) окруженная речками Россошью и Цимлой. Если б наши войска перерезали и окружили станицу со стороны шляха Шахты – Сталинград, немцы бы оказались в «котле». За Новой Цимлой, в сторону хуторов Пронин и Ремизов, до самого хутора Кандауров был лес (росла сосна, берёза, осина). Когда ночью мы сидели в погребе у Парфентьевых, к нам приходили два разведчика, в плащ-палатках с автоматами. Спросили: – Немцы есть и где?

Где они могли быть – в доме. Мы в погребке, а они в доме. Около дома стояли 3 или 4 машины, часовых немцы и не думали выставлять, за ночь в станице можно было бы все машины искалечить. Разведчики ушли и дали сведения нашим войскам, а наши войска промахнулись. Если бы не эта промашка, то сотни этих машин остались бы в станице. Разведка доложила, что станица находится вот – вот (близко), а оказалось, что это темнел лес, на который под утро и пошли наши войска с криком «ура» и «мать – перемать».

Эта промашка стоила того, что все машины «поднялись» и ушли, а в станице, в центре, около Евсеева Ф.Ф., осталась только одна поломанная машина. Наши войска на подступах к станице «встретили» немецкие пулемёты – много погибло наших солдат. Здорово промахнулась наша разведка: все машины ушли в сторону хутора Колотовка и хуторов Сизов, Богатырёв – «котёл» был бы капитальный, все эти сотни машин остались бы в станице трофеями. Машин было сотни, перед каждым двором стояло по 3-4-5-6 машин, и все они ушли.

Немцы своих убитых или, действительно, с собой увозили (это было маловероятно), или их погибло тогда очень мало. Один убитый немец лежал над Золоторёвыми и Клёнкиными, прямо на перелазке. Другой немец лежал около школы, его потом в школьном дворе и похоронили. Похоронить его «поручили» (заставили) Исаеву Павлу Георгиевичу, 1914 г.р. Инвалид с детства (глухонемой) Исаев Павел выкопал могилу, а когда подтащил немца и начал сваливать его в могилу, то одежда немца зацепилась чем-то за его одежду, и они упали вместе в могилу (в станице ещё долго об этом вспоминали).

Ночевали в погребке мы только одну ночь, поэтому точно сказать, сколько дней освобождали станицу, не могу. При немцах клуб переделали под церковь: сцена стала алтарём, люди ходили туда и молились. Бывшую церковь румыны переделали под пекарню, пекли круглые булки и перевозили их в клуб. Хлеб был вкусный, мы его и воровали, и меняли у румын на кукурузные початки, из которых они готовили любимую мамалыгу. За кукурузу они нам отдавали и баланду вместе с мясом в ней.

Многое мы могли не знать, что было, когда был бой, когда освобождалась станица по той причине, что все находились (кто остался в станице) в укрытиях: погребках, подвалах, окопах и тому подобном.

В начале 60-х, уже на новом месте проживания моя соседка Клёнкина Мария Ионовна рассказывала, что во время боя большая семья Клёнкиных пряталась в подвале собственного дома. Вода кончилась, а дети хотели пить, пришлось, хоть было и страшно, идти к колодцу за водой, благо, что колодец был недалеко от дома. Пока набирала воду, несколько пуль впились в деревянный сруб колодца, её они не заделали, а потому вернулась она с водой к своей семье живой и невредимой. Стреляли по ней или это были «шалыные» пули, – она не знала.

От автора. Да, теперь становится понятно, почему Николаю Петровичу Тыновскому, который освобождал станицу Новоцимлянскую, так запомнилась эта ночь освобождения станицы:

– До сих пор, как кошмарный сон, вспоминается мне та новогодняя ночь под станицей Новоцимлянская, когда мы вели бой на открытой местности под освещением ракет и сильным пулемётным огнём противника. Уже после боя у меня почему-то промелькнула мысль, что эта новогодняя ночь могла быть последней в моей биографии. Позже мне приходилось ещё не раз бывать в сложной боевой обстановке, одна-ко новоцимлянская ночь под новый 1943 год осталась в памяти моей на всю жизнь.

Полковник запаса Тыновский Николай Петрович, 1920 года рождения, издал книгу «По дорогам войны», издательство «Посад», г. Владимир, 2000 г. Один экземпляр книги он передал в Цимлянск Бурмистровой Зинаиде Григорьевне:

«Уважаемая Зинаида Григорьевна!

Иван Никитич Богданов поведал мне о большой военно-патриотической работе, которую проводите Вы по пропаганде боевых традиций 33-й гвардейской стрелковой дивизии. В знак благодарности за Ваш труд высылаю Вам мою книгу «По дорогам войны», где найдёте сведения и обо мне.

С уважением – Н.П.Тыновский».

Для ознакомления с событиями освобождения ст. Новоцимлянской Зинаида Григорьевна дала на время мне эту книгу, не возражая, чтобы и новоцимляне, и читатели имели представление, как освобождали станицу, как это 70 лет тому назад было.

– 33-я гв. стрелковая дивизия получила задачу: прорвать оборону на рубеже реки Цимла и перехватить важнейшую коммуникацию врага – дорогу Тормосино – Цимлянская. Выполняя приказ командира дивизии, наш 91-й стрелковый полк в ночь под новый 1943 год поспешно вышел на окраину ст. Новоцимлянская и напоролся на пулемёты врага. Фашисты осветили нас ракетами и открыли беспорядочный огонь. Наши головные подразделения залегли. Но вскоре «заговорили» советские миномёты, и враг, не ожидая нашего ночного наступления, с боями начал отступать, оставив на поле боя большие трофеи. К 12 часам дня мы взяли большой склад продовольствия, 24 головы крупного рогатого скота, уничтожили много живой силы и оружия. Рота гвардии лейтенанта Бекренёва Ивана Емельяновича очистила юго-западную окраину станицы, уничтожив при этом расчёт станкового пулемёта, засевший в доме.

Фрицы – так мы презрительно называли тогда фашистов – при отступлении бросили даже свои заготовки для встречи Нового года. Гвардейцы солидно пополнили наши походные запасы продуктами, главным образом, консервами и колбасой. Запомнился в Новоцимлянской сельский клуб, разукрашенный фашистами для встречи Нового года. На одной из стен – большой шарж: нарисован фриц, который ведёт овцу, а внизу надпись на немецком языке – дэр Организатор. Организаторами фашисты в шутку называли своих мародёров, которые грабили мирное население.

Итоги боевых действий 91-го полка за станицу Новоцимлянская подведены в историческом формуляре 33-й гвардейской стрелковой дивизии, где записано:

«В результате ожесточённых боёв на реке Цимла в течение 1-го и 2-го января 1943 года дивизия наголову разбила обороняющиеся здесь части противника. Немцы

отчаянно сопротивлялись, переходили в контратаки мотопехотой с танками, но все они были успешно отбиты с большими для них потерями. С выходом на коммуникации противника дивизия вынудила его к быстрому отходу на запад.

Очень хотелось мне вновь по современной карте проследить боевой путь нашего полка. Но, увы, многие хутора и станицы, в боях за которые мы проливали кровь, исчезли как географические понятия, оказавшись на дне Цимлянского водохранилища. Грустно и обидно. Обидно не только за боевых товарищей, которые теперь без заслуженных почестей покоятся на дне морском. Обидно также и за то, что Волго-Донской водный путь экономически не оправдывает себя. Как отмечал недавно доктор географических наук Борис Хореев: «Цимлянское водохранилище оставило под своими водами ценнейшие плодородные сельскохозяйственные земли в долине Дона, было затоплено более 160 известных своей продукцией, в том числе сортами винограда, станиц и хуторов. Местные работники свидетельствуют: орошение из водохранилища степи не компенсировало того производства, какое было погублено.

Не оправдывает себя Волго-Донской путь и в транспортном отношении, поскольку грузы продолжают идти по параллельным железнодорожным путям, и водная магистраль отнюдь не выглядит оживлённой. («Литературная газета», стр.10, от 3.09.1986 г.)

От автора. Целиком и полностью согласен с оценкой значения Волго-Донского пути, кроме одного: водная магистраль сейчас даже более, чем оживлена, только это оживление ничего не даёт ни Цимлянскому району, ни соседям, в том числе и Волгоградской области.

Присвоив общенародное достояние, кучка махинаторов «оживляет» звонкой монетой свои ненасытные карманы. Мало того, есть у них и услужливые «рупоры», которые и сейчас доказывают, что плотина ГЭС имела «важнейшее значение» – соединить (закольцевать) железнодорожные ветки станций Куберле – Морозовская и что малопригодные для проживания места, куда изгнали население переселяемых хуторов и станиц – очень удачное место.

Нет данных, сколько на дне морском лежит останков солдат, освобождавших, в том числе и Цимлянский район. При переселении «руководящие» головотяпы то ли забыли, то ли и не удосужились перезахоронить прах 22-х солдат, которые были «захоронены», как в скотомогильнике, на окраине хутора Епифанов. Уже весной 1943 года местными жителями были собраны остатки погибших ещё перед Новым 1943 годом. В вырытую траншею уложили тела солдат, есть вероятность, что похоронили их с документами, а это значит, что попали они в графу «без вести пропавшие». Потом на месте захоронения образовалось подобие фермы с крупнорогатым скотом и, по словам очевидцев, быки и коровы выковыривали рогами останки погибших наших солдат, а затем на этом месте расположилась... бахча!!! В 2010 и 2011 годах были (я принимал в этом участие) попытки найти захоронение, но безрезультатно. Поисковая группа из г. Волгодонска (Анатолий Чалых, Альфред Хлебин) привлекла для обнаружения захоронения и бывшего жителя хутора Епифанов, к сожалению,

ныне покойного, Евгения Фёдоровича Подскребалина, но и это мероприятие по поискам не имело успеха. Вдвойне было бы грустно и обидно Николаю Петровичу Тыновскому, знай, какие «почести» оказали его боевым однополчанам.

Вспоминает Зоя Калистратовна Пимичева (Медведева) 1933 г.р., жительница хутора Челбин.

– Станица Цымлянская, расположенная на реке Дон, отличалась от других станиц и хуторов тем, что в ней было очень мало деревьев и практически не было фруктовых деревьев. Жители окрестных хуторов и станиц снабжали Цымлянскую привозом на базар из своих садов: яблоки, груши, вишни, сливы и другие фрукты. Из-за отсутствия автомобилей в частном секторе, фрукты и бахчевые привозили на быках, коровах, лошадях, да и верблюды редкостью не были.

Улицы в станице были каменные (причина была в уклоне – спуске к реке Дон), чистые, и сама станица была уютной и ухоженной. Река Дон большую часть года была судоходна, а потому пароходы и баржи для цимлян были и средством передвижения, и способом доставки грузов.

После вихрей Гражданской войны казалось, что мирная жизнь в этот Донской край пришла надолго, но начавшаяся Вторая мировая война отняла у жителей радость мирного времени. В июле 1942 года на Цимлянскую землю ступила нога немецкого солдата, началась полугодовая оккупация, а до неё в районе появились беженцы, среди которых было много евреев. Были евреи и богатые, и бедные. Богатые евреи покупали лошадей с бричками, у них были перины, продукты и хорошая одежда, а передвигались они по шляху по направлению на Сталинград мимо нашего хутора. Наша улица оканчивалась перед шляхом, а усадьба была последней перед ним, поэтому мы, дети, видели, как беженцы двигались по шляху.

Евреи, у которых не было средств передвижения, остались в Цимлянской, их судьба оказалась незавидной. 19-го июля немцы, заняв станицу, первым делом и принялись за еврейское население. Они заставили их вырыть огромную яму, а потом стали их расстреливать. Расстрелянных сбрасывали в яму, когда её засыпали, то она «дышала»: некоторых закапывали полуживыми.

Цимлянскую немцы бомбили методично и ожесточённо. По 18 немецких самолётов участвовало в бомбёжке. Горела станица, горели «красные амбары» – Парамоновские склады. По шляху почти без боя немецкие войска шли в сторону Сталинграда. Очень много наших солдат попадало в плен. В Дубовке и сейчас ещё осталась колючая проволока от лагеря военнопленных. 23-го июля началась оккупация нашего хутора. К нам во двор забежали три наших солдата:

– Мамаша! За нами гонятся румыны, спасай нас!

Одному солдату было 40 лет, другому 20 лет, третьему – 18 лет. Моя мама – Медведева Надежда Семёновна, 1890 года рождения, быстро одела двоих солдат, а для того, чтобы одеть третьего, побежала к сестре и принесла одежду для него. В зале нашего дома на полу расстелила она одеяло – времени прятать наших солдат у неё уже не было. Вбегают в дом румыны:

– Матка! Это кто? – показывают на лежащих на полу солдат.

– Это мой муж, а это мои сыновья, – был им ответ.

– Гут! Гут! (хорошо, хорошо), – поверили ей румыны.

Вслед за румынами в хутор пришли немцы. Первыми на шляхе появились мотоциклисты – мотоциклист и два немца с автоматами. За мотоциклами шли маленькие легковые автомобили с открытым верхом. Помимо шофера, в них было по два автоматчика. Затем пошли грузовые автомобили, полные солдат, затем – танки, орудия – всё это двигалось на Сталинград.

Румыны – нация без стыда и совести, с цыганской кровью. Пришел один румын к нам во двор:

– Матка! Давай курку!

Мама, испугавшись, отрубила пойманной курице голову и подала её румыну. Видимо, что-то не понравилось ему в способе лишения жизни курицы, и потребовал он другую. Вторую пойманную курицу мама отдала румыну, а тот, перерезав курице горло, с довольным видом удалился с курицей восвояси. Приходит другой румын:

– Матка! Давай яйцо!

Мама полезла на полать (чердак) и оттуда достала куриные яйца для румына. Он увидел, куда мама полезла за яйцами, и, забравшись на полать, забрал все яйца вместе с ящиком.

Когда немцы бомбили Цимлянскую, и уже было ясно, что вскоре они будут и у нас в хуторе, то бригадир СТФ Поцелуева Мария Никоноровна, 1913 г.р., приняла решение раздать свиноголовье хуторянам. Моя сестра работала на ферме, ей она отделила большую супоросную свинью, чтобы та не досталась оккупантам.

Мама спрятала свинью и кормила её так, чтобы она не «кричала» (визжала), но тайное все равно когда-то становится явным, и однажды, подогнав большую зелёную машину, немцы увезли на питание свинью, у которой уже было 12 поросят.

Усадьба у нас была большая, а кроме этого в леваде были яблони, груши, вишни, сливы и тополя с вербами – на гектаре земли. Пошла мама в леваду сорвать вишни. Раздвигает ветки, а на неё смотрит наш солдат с уже отросшей бородачкой – не успел уйти на Сталинград.

– Мамаша! Я русский, не пугайся! Я очень хочу есть (кушать).

Мама его кормила, носила ему еду, пока соседка это не заметила и не заявила румынам – они у неё жили некоторое время. Получив «сигнал», что моя мама носит еду и кого-то кормит, пришедший румын, словами и жестами ей объяснил, что ей будет «пук – пук» (расстрел). Мама сумела его убедить, что никого она не кормит. Уже утром следующего дня румыны у этой соседки увели и корову, и телёнка, оставив взамен ей небольшого жеребёнка. У неё было трое детей, жить стало тяжело и, хоть её уже давно «нет», фамилию её я не называю.

Опасаясь за свою семью и жизнь солдата, мама посоветовала ему, как только стемнеет, уходить. Она показала ему канаву, по которой можно проползти до Кучугур, а там пробраться и до Сталинграда. Стемнело, солдат пополз, справа сви-

нарник, а там полно немцев. Его не заметили, он прополз благополучно, а мама, убедившись в этом, поспешила домой. Трое солдат, которые, спасаясь от румын и немцев, пробыли у нас две недели, потом сказали:

– Нам пора! Будем уходить, пока немцы нас «не раскусили». Живы будем – напишем!

Выкопали они нам окоп – укрытие и ушли, попрощавшись. Письма от них мы так и не получили.

Наступившая зима была очень холодная. Немцы были в зелёных пилотках и зелёных шинелях. От холода накроют головы одеялами и охраняют свои танки, которые укрывали они ветками срубленных деревьев.

В конце декабря, в полдень, летел советский самолёт. Летел он так высоко, что размером казался с почтовый ящик. Сбросил бомбу на свинарник, где было полно немцев, но бомба упала далеко от цели – в речку Цимлу, а главное – не взорвалась. Второй бомбой хотел он попасть в школу – семилетку, в которой немцы устроили склад с минами и снарядами. И эта бомба не попала в цель, а угодила к соседям, попав в пень спиленной груши. Окна в доме были выбиты взрывной волной, но находившиеся в доме шестеро детей остались целы. От этого взрыва пострадала женщина, которая шла с дочерью из хутора Колотовка. Осколком бомбы оторвало ей голову, которую за волосы «наматало» на ветку дерева. 5-летняя девочка осталась жива.

31-го декабря на улицах нашего хутора было полно немецких автомобилей. На краю хутора немцы решили обороняться, но потом передумали и заняли позицию на горе: оттуда им должно было бы хорошо видно продвижение советских солдат, когда они с хутора Пронина пойдут в атаку на Челбин.

В наш дом немцев набилось столько, что сидели они на сундуке, на кровати, на столе. Посреди зала, на полу, стоял у них мешок печенья. Едят они печенье и по – своему говорят, жестами показывая, что они в окружении. Мы, пятеро детей, сидим за печкой и смотрим на их трапезу, завидуя: уж больно хотелось нам попробовать печенья, вкус которого мы уже давно забыли. Немцы куда-то ушли, а в доме остался офицер, который вскоре уснул. Старшая сестра Мария надела фартук, подкралась к мешку и набрала печенье из мешка, а потом поделила «добычу» между нами. Вскоре прибежали два немецких солдата, забрали с собой печенье в мешке и, разбудив офицера, быстро с ним ушли.

На заре 1-го января 1943 года началась стрельба, слышны были автоматные очереди, разрывы снарядов или гранат, а затем раздался стук в дверь нашего дома. Открыв дверь, мама увидела советского солдата, который наставив на нее автомат, спросил:

– Немцы в доме есть?

Не дожидаясь ответа, держа автомат на изготовку, он проверил дом и ушел. Вскоре в дом зашли ещё наши солдаты, они были очень голодны (так они сами сказали), и мама начала готовить им еду и кормить их.

Бой усиливался, под разрывы снарядов, гранат и мин мы ушли в окоп, а мама

осталась готовить еду. Немцы с горы бьют по хутору, было очень страшно, но мама из дому не уходила, готовила еду и кормила голодных солдат. Добрая и жалостливая, она спускалась в подвал дома только тогда, когда наши солдаты буквально заставляли её идти в укрытие.

В плену у немцев было 29 наших солдат. Уже перед самым боем немцы их начали расстреливать, облив перед этим бензином, и в зарослях дойника подожгли. Одному солдату повезло, он уцелел и стал отодвигаться от огня, а благодаря помощи подоспевших наших солдат, был спасён, немцы же бежали, им было уже не до него.

Бой длился трое суток. Очень много наших солдат подавили немецкие танки. Семья Михаила Григорьевича Куркина (1902 г.р.) сидела в подвале своего дома, а на чердаке засел немецкий пулемётчик, который стрелял по наступающим солдатам. Куркиным он сказал, что если они выдадут его русским, то он всех их перебьёт. За три дня боя он расстрелял два больших ящика патронов, убив и ранив много наших солдат. Во всю улицу лежали один на одном убитые и раненые, стоны и крики раненых доносились все эти три дня.

Семья Челбина Григория Андреевича сидела в окопе. Жена – Екатерина Ивановна, 1909 г.р., держала в одеялке сына Юрика, который был ещё совсем маленьким. В окопе был 12-летний сын Петя и сестра Екатерины Ивановны – Валя. Вдруг загорелся их сарай, в котором были их корова и телок. Валя выскочила из окопа, побежала выпускать животных, чтоб не сгорели. Когда бежала назад, то один из наших солдат ей крикнул, чтобы она укрылась в окопе, иначе её могут убить. Она прыгнула в свой окоп, а в это время туда тоже пытался прыгнуть наш солдат, похож он был или на грузина, или армянина. Тётя Катя Челбина ему кричит:

– Ты куда лезешь? Видишь, что тут места нет?

Солдат вытащил гранату и бросил её в окоп. Петю убило сразу, а Вале оторвало руку. Юрика, видимо, спасло то, что он был завёрнут в одеяло, его оглушило. Живёт Юрий Григорьевич Челбин сейчас в станице Калининской, а последствия того страшного взрыва и сейчас дают знать о себе: слух у него так и не восстановился.

Валя всю жизнь прожила без руки, лет десять её уже с нами «нет». Во время боя загорелся почти новый дом у Сорокиной Вали (она была моей одноклассницей), и мать её выскочила на улицу (двор), чтобы открыть в сарае дверь для того, чтобы скот смог выйти из сарая. Валя и сестра Надя выбежали вслед за ней. Разорвавшийся рядом снаряд всех их убил. Глава их семьи ничего не знал, а когда вернулся с фронта домой, то от усадьбы его встретило лишь пепелище. Поплакав вволю, он подарки, которые вёз своим дочерям, отдал соседским девочкам, у которых от войны не стало ни отца, ни матери.

Наступавшие советские войска для «выкуривания» немцев из хутора хотели поменять «Катюши», но пожалели местных жителей: жертвы мирного населения были бы ужасающими.

83 советских солдата и офицера погибли при освобождении хутора Челбин, но их гибель спасла жизнь ещё большему количеству хуторян. Сразу после Нового года в планах немцев была казнь через повешение 17-ти семей, в которых были партийные

работники и комсомольцы. Карательные функции должны были выполнить войска гестапо, которые были уже на «подходе» к населённым пунктам, расположенным на реках Цимла, Россошь и в Кучугурах.

У полевых войск отношение к войне было совсем иное. Нередко немецкие солдаты говорили, что русских мы не победим, что русские очень воинственные, умные и они победят. Говорили, что Гитлер, заключив со Сталиным мир на 20 лет, на самом деле его обманул, внезапно напав на Россию.

Утром 1-го января к моей маме подошел наш разведчик и рассказал ей, что ещё 31-го декабря они были у вашего двора и двора вашей соседки, а также прошли по хутору, но немцы нас не заметили. «Мы знали, что в ваших домах было много немцев, и был соблазн ваши дома уничтожить. Вернувшись к своим, мы доложили обстановку, но приказа уничтожить обозначенные дома и практически большую часть хутора не получили».

Двое суток мы находились под сильным немецким обстрелом, а на третий день решили уходить в уже освобождённый хутор Пронин, который располагался в 12-ти километрах от нашего хутора. Тётя Шура – мамина сестра, две моих сестры, крёстная со своими детьми Ваней и Васей (семья Трефиловой Анны Андреевны 1893 г.р., Иван 1928 г.р. и Василий 1931 г.р.), мама и я собрались уходить. Соблюдая осторожность, вышли за хутор. Сразу за хутором увидели убитого молодого нашего солдата. Лежал он на спине, а котелок под спиной. Наши солдаты нам кричали:

– Куда вы идёте, ведь немец сюда бьёт из орудий и минометов?!

Мы добежали до Кучугур – дойник по обеим сторонам песчаной тропинки скрывал наше передвижение. С одной стороны тропинки (нашей дороги) лежит раненый наш солдат и по другой стороне лежит, тоже раненый. Кровь сквозь валенки выступила наружу, ноги были перевязаны полотенцами, а полотенца все в крови. Мы проходим между ними по тропинке, помочь им мы ничем не могли. Они нам говорят, просят:

– Дайте нам хоть что-нибудь поесть...

Крёстная дала им обоим хлеба, они нас благодарят. Хоть и был хлеб испечён вперемешку с тыквой, голод им утолить было можно. Заплакала моя крёстная от жалости к раненым солдатам, и пошли мы дальше.

В хуторе Пронин мы зашли к тёте Марусе Андреевой. Брат моей мамы был женат на ней. Самого дяди Феди уже не было в живых: он умер ещё до оккупации от аппендицита. Цимлянская больница была далеко от хутора, поэтому его не смогли вовремя довезти на быках в Цимлу.

Тёти Маруси дома не было, а в комнате на полу, на сене, отдыхали наши солдаты. Вскоре пришла тётя Маруся (она была в окопе) и начала варить солдатам картофель. Вареный картофель солдаты не чистили, а ели вместе с кожурой. Плакала тётя Маруся, плакали и мы, так было жалко нам наших голодных солдат.

В хуторе мы пробыли два дня, а затем вернулись домой. Когда возвращались домой, то раненых солдат, которым мы давали хлеб, на тропинке уже не было, значит, была им оказана помощь, и они остались живы.

Немцев в хуторе не было, а это означало, что оккупация хутора Челбин окончилась, а для нас начиналась трудная, но мирная жизнь.

Сравнивая время нашей молодости, переживания, голод, нищету, сравнивая всё это с жизнью современного нашего молодого поколения, никакой зависти не испытываю, а хочу я, чтобы то, что испытали мы – ужас войны, голод, разруха – никогда в нашей стране больше не повторялись.

От автора.

Челбин Пётр Григорьевич – мой одноклассник. С 1963 года по 1965 год вместе мы учились в Новоимлянской средней школе. Родился он в 1946 году, а Петром родители его назвали в память о погибшем в окопе от взрыва гранаты его родном брате, тоже Петре. Видимо, это не противоречило и тогда и сейчас нашим христианским канонам.

В семье Козлова Лаврена Никандровича, 1891 г.р., из хутора Челбин, тоже были два сына – Козлов Геннадий Лавренович, 1937 г.р. (умер вскоре после рождения) и Козлов Геннадий Лавренович, 1938 г.р. – председатель Совета ветеранов Калининского сельского поселения.

Я благодарен Зое Калистратовне Пимичевой (Медведевой) за предоставленный трагический по меркам жизни, но интересный материал ее жизни и жизни её земляков, только не дай Бог, чтобы это опять у нас повторилось.

Вспоминает Николай Ефимович Капканов 1931 г.р., житель станицы Калининской:

– Когда немцы заняли наш хутор Челбин, мне шел уже двенадцатый год. В нашем доме «поселились» два немецких офицера. Один был, можно так сказать, с «человеческим лицом», он показывал нам фотографии двоих его детей и от войны был он не в восторге.

Другой – фашист отъявленный, от него можно было ожидать всё: любого бы застрелил и глазом не моргнул.

Нас они особо не принуждали, но «приучали» к изучению немецкого языка. Мы, дети, их язык быстро «схватывали», в том числе и я. Один раз «фашист» мне трижды на немецком языке «предлагал» взять ведро в охапку. Что хотел он от меня, я начал понимать, только с третьего раза. Немцу моя «учёба» не понравилась, и он дал мне определение:

– Ду шайзе! (ты дерьмо).

– Их нихт шайзе! (я не дерьмо), – ответил я и заработал от его сапога увесистый пинок под зад. Такой метод изучения «немецкого» был действенным и послабления исключал. Основные беды и страх нам нагоняли румыны. От них хуторяне терпели и грабежи, и насилие. В хуторе румыны появились раньше немцев, потому и беспредел по отношению к населению они ввели в ранг законности сразу.

Румыны – это те же цыгане, и кибитки у них были цыганские, они для них были и жильё, и средство передвижения. Многие из них, помимо винтовок, имели... балалайки!!!

– Эти наследники древнеиндийского народа племени (ци) с реки (Ганг) нам образо-

вали известную народность под именем – цыган. Какая мораль была у древних предков – неизвестно, но у румын, это было ясно, мораль и совесть отсутствовали (авт.)

Июльское лето было жарким, и «балалаечники» своё знакомство с хутором начали с того, что стали отлавливать кур, хватать в домах всё, что попадало им в руки, и, конечно, гоняться за молодыми женщинами. Через дорогу от нас жила моя тётя, Капканова Анна Маркеевна. От домогательств румына ей удалось отбиться – не на ту напал, но от боя, который произошел при освобождении хутора, она сильно пострадала.

Немецкий пулемётчик, сидевший на чердаке дома Челбиных, увидев, что она перебегает улицу от своего дома до нашего укрытия (яма-окоп), пулемётной очередью прострелил ей ноги в коленях. Анна Маркеевна осталась жива. Это потом она переселилась на место жительства в Краснодарский край, а лет десять тому назад мы узнали, что её не стало.

Бой за хутор Челбин был страшный, особенно за наш куток Теляши. Хутор был большой, поэтому условно был разделен на кутки. Куток Теляши – это старое русло реки Цимла. Здесь было большое скопление немецкой техники: машины, танки, танкетки и прочая техника, поэтому и сила боя здесь была наибольшей. На краю хутора, ближе направления на хутор Зацимловский, жила бабушка, мы её звали Тарасьева. Вот в этом месте ночью «немец» и скопился, не зная куда двигаться.

К концу дня 31-го декабря (темнело зимой рано) к нашему дому подъехала бронированная машина, полная сидящих на ней немцев. Машину с установленным на ней пулемётом немец подогнал прямо к предвыходнику нашего дома. В доме они стали раздеваться, бить вшей и сразу на стол поставили ёлочку, для встречи Нового года. На крыльце поставили часового, а сами кто лёг спать (отдыхать), кто вшей бьёт, а кто уже начал пить шнапс. Мы тоже в доме находились, за печкой. Где-то около часа ночи вбежал часовой и что-то быстро сказал немцам. Быстро одевшись, те погрузились в танкетку и умчались.

Мы вышли на улицу посмотреть, рядом с нами жили Ротановы и Химины. В леваде, в зарослях фруктовых деревьев, уже была слышна ружейная трескотня, были видны следы трассирующих очередей.

Мама, присмотревшись, увидела передвигающиеся по глубокому снегу фигуры солдат:

– Наши! – закричала она нам.

– Немцы есть? – первое, что спросили у нас наши солдаты

Немцев уже и след простыл, но рядом с нами жила бабушка, у которой в доме остался немецкий офицер. Остался потому, что, как только начался бой, его денщик быстро завёл машину и уехал, бросив его. Вошедшим в дом нашим солдатам лежащая на печи бабуля рукой показала:

– Он там, в горнице!

Солдаты вывели немца, который был в нижнем белье, и увели его, но нам было уже не до него: рядом загорелись дом Химины Васи и наши базы от угодившей бомбы или снаряда.

Рядом с нами жили Алфёровы, и был у них завалившийся колодец. Его яму использовали по другому назначению: выливали туда помои и сбрасывали всякий мусор. Туда принесли мы перину, старую овчинную шубу, и стала нам эта яма убежищем. Весь день, пока шел бой, мы просидели в этом колодце.

Немец наших солдат побил много. Почти в каждом доме от немцев остался шнапс в достаточном количестве. На голодный желудок хватив стакан-другой шнапса, наш солдатик выскакивал на улицу и с криком «Ура!» попадал под очередь пулемёта.

Как это ни странно, но погибших было больше с азиатской внешностью. Несколько дней после боя мы собирали убитых. Было видно, к какой национальности относился погибший. В нашем саду расчистили шедшую к речке канаву – ров и туда свозили смерзшиеся тела наших солдат. Если была возможность, то документы извлекали, но в большинстве хоронили с документами. Погибших было много, и обидно было то, что они были убиты от наших снарядов. Немцы уже давно покинули хутор, а наши лупят по Челбину из орудий, выходит, что по своим.

Бой начал утихать после того, как немецкие танки стали покидать хутор, а до этого они подавили много наших солдат. Наша пехота поднимается и идёт в атаку, в наступление, а немецкие танки «выходят» из сада – укрытия, подавят наших солдат и обратно отходят в укрытие. Так было несколько раз, пока танки не покинули хутор.

Пулемётчиков, что находились на чердаках домов, немцы подвозили к этим домам на танкетке. Рано утром привозят, а поздно вечером забирают. Пулемётчика, засевшего на чердаке Челбина Григория Андреевича, очень долго не могли «выкурить». И стреляли по нему, и гранаты кидали – толку никакого. Вишни в его саду были густые, и брошенная нашим солдатом граната зацепилась за ветки и, изменив траекторию, упала в яму – окоп, где находилась семья Челбиных. Разорвавшаяся граната убила Петра Челбина (он на один год был старше меня), их родственнице Валентине оторвало руку, а моего дядьку Сергея ранило в бок. После боя так нам рассказывали об этом случае наши солдаты.

Немцы, в отличие от румын, хуторское население не трогали, а может, и не успели. В хуторе ходили слухи о том, что у них уже были списки на уничтожение хуторян, в семьях которых были активисты и советско-партийные работники. Хоть и вели себя немцы более цивилизованно, но как долго это могли быть, не знал никто. Мы же понемногу хулиганили, мед у немцев воровали, – всякое было. Те немцы, которые были в хуторе, в основном были ремонтниками – ремонтировали технику, поэтому инструментов и всякого инвентаря у них было предостаточно. Всё это добро было в накрытых брезентом кучах около наших сараев. Охранял всё это имущество часовой – или немец, или румын, который иногда с поста отлучался. В соседнем доме «стояли» на квартире две девки, вот к ним он и уходил. Через какой-то промежуток времени выйдет, посмотрит и обратно к ним.

Я, Вася Химин и Алексей Андрианов (его уже нет в живых), как только он зашел в дом, сразу бросились к куче и кто что успел «потянули» из-под брезента. У меня

в руках оказался топор, у Химина – лопата, у Андрианова – верёвка. Только мы успели укрыться во рву, как в нашу сторону раздалась автоматная очередь. Часовой или заметил нас в окно, или просто наугад дал очередь. Топор был очень хороший, ещё до недавнего времени он был у меня в хозяйстве.

Не задумываясь о последствиях, мы делали всякие пакости немцам. Через заросли конопли однажды подползли к немецким машинам и «пустили» автомобильные скаты. Такое тогда у нас было военное детство. В войну мы не играли – она находилась рядом с нами.

Не участвуя в боевых действиях по возрасту, мне тем не менее довелось получить ранение, причём такое, что жизнь моя «висела на волоске». Уже когда немцы заняли Челбин, мы, ребяташки, играли в саду около речки Цымлянки. Мимо сада шла дорога с хутора Зацимловского на Старый Челбин. В саду бродили лошади, которых немцы или румыны бросали по причине выбраковки, заменяя их на более добрых. Некоторые предприимчивые хуторяне тайком потихоньку стали «приватизировать» этих коняшек: хозяйская «струнка» брала верх над опаской.

Неподалеку от места, где мы играли, немцы тянули телефонную линию, цепляя кабель за деревья. Один немец с катушкой кабеля, увидев нас, произнес:

– Киндер (дети)! Видите этот кабель! Если его кто-нибудь порвет, то 80 человек будут капут (расстреляны). Ферштейн (понятно)?

Нам было все понятно, за исключением цифры 80.

Бесхозные лошади бродили по саду, создавая угрозу обрыва телефонной линии. Одну лошадь – клячу, оказавшуюся вблизи от телефонной линии, мы решили отогнать. Еще дома, увидев, что лошадь направилась к речке, я нетерпеливо просил маму, зашивающую мои порвавшиеся штаны:

– Ма! Быстрей, а то лошадь порвет кабель, и немцы расстреляют 80 человек!

С другом Женькой мы догнали лошадь и стали ее отгонять от кабеля. В руках у нас были настоящие казачьи плети, которыми мы и воспользовались. То Женька, приблизившись к лошади, стегнет ее, то я. Так мы её гнали, отгоняя от кабеля. Лошадь на задние ноги была кованная и, когда, потеряв опаску, я в последний раз ее шлепнул плетью, она меня тоже шлепнула подковой прямо в лоб. Больше я ничего не помнил – потерял сознание.

Моей матери сообщили о случившемся, а она, оценив серьезность обстановки, решила обратиться к немецкому коменданту, который жил в доме Челбиных. Пришлось зарезать курицу и «поделиться» с комендантом куриными яйцами. Комендант дал команду своему кучеру, чтобы он вёз нас в госпиталь в хутор Зацимловский, который был там в доме деда Сазона. Моей маме комендант сказал, чтобы в госпитале она сказала, что я пас немецких лошадей и пострадал от удара лошади.

Меня погрузили в бричку (мать потом рассказывала) и повезли в госпиталь. Рану на моей голове обработали, наложили скобки и забинтовали. Рана была очень серьезная: кость на лбу была пробита, поэтому целую неделю я был в коме, без сознания. Потом я начал «лупать» глазами, приходя постепенно в сознание. Через

неделю комендант снова выделил подводу, и меня повезли на перевязку. Бричку трясло, и голова моя «раскальвалась» от нестерпимой боли.

Оказалось, что госпиталь в хуторе был эвакуирован вслед за наступающими немецкими войсками. Нам посоветовали ехать в хутор Калачёвский, там госпиталь еще функционировал. Приехали, а там немецкий госпиталь тоже «сворачивается». Положили меня на уже голый стол и начали выдергивать из головы скобки. Несколько санитаров держали меня за руки и ноги. Орал я (мать потом рассказывала) благим матом. Одного санитару мне удалось ударить ногой в живот. Рану обработали, голову забинтовали и привезли меня домой.

Сколько дней прошло – не знаю, но в бинтах, вокруг загнивающей раны «поселились» вши. Выход был один: переходить на народные средства. Мать узнала, что в Сметановке (куток х.Челбин) под горой тихо живет мужик, который работал в Цимлянкой районной больнице, а когда немцы заняли Цимлянскую, тихо ее покинул, поселившись у нас. Мама нашла его, привела в наш дом. Врач обработал мою голову, стал за мной ухаживать, и здоровье мое, хоть и медленно, но пошло на поправку. Вот так, спасая жизни своих хуторян, я за малым чуть не лишился жизни своей.

Переселение я не захватил, в то время я уже учился в школе животноводов в станице Константиновской. Когда приехал на место будущей станицы, то увидел забитые колышки с названиями улиц и номерами домов. Наш дом №31 (в проекте) находился на улице Шолохова, а следующая – центральная улица – называлась улицей Калинина.

После окончания школы животноводства в 1950 году, я стал работать участковым зоотехником. В Калининской у нас был колхоз «Большевик», а председателем – Назаров Федор Федорович. Ранее бывшая станица Карнауховская после переселения стала называться хутором, а вскоре и колхоз «Новый путь» стал частью колхоза «Большевик».

В армию со своим годом я не попал, но из «поля зрения» военкома Афонина не пропал, и поэтому спецнабором меня призвали в летние войска на 5 лет. Служил и в Китае, и на войну в Корею попал. Сразу по прибытии в Китай нас переодели в форму китайских солдат, и стали мы солдатами армии Китая, а затем под видом китайских «добровольцев» нас переправили в Корею.

После демобилизации, как на грамотного специалиста, на меня «положили глаз» председатель Калининского СельПО Исаев Иван Федорович и главный бухгалтер Додонов Мефодий Иосифович. Пригласили они меня провести ревизию в одном из магазинов. Видимо, моя грамотность и эрудиция им понравилась, и по окончании ревизии «за рюмкой чая» мне поступило предложение остаться в рядах потребительской кооперации. Долго я не сопротивлялся и таким образом стал работником торговли, а для закрепления статуса работника торговли я поступил в кооперативный техникум.

Бывший завмаг магазина в хуторе Карнауховском – Гордеев Виталий Михайлович возглавил магазин в станице Калининской, а я стал завмагом хуторского магазина. Многолетняя работа в сфере торговли – это уже, считаю, другая тема воспоминаний.

От автора. В рассказы Зои Калистратовны Пимичевой и Николая Ефимовича Капканова закралась одна нестыковка. Этой нестыковкой является граната, попавшая в яму-окоп и убившая 13-летнего Петра Челбина. Думаю, не исключен факт возможности его гибели и в первом эпизоде рассказа – умышленное убийство, и во втором эпизоде рассказа – несчастный случай. Что тогда случилось на самом деле, вряд ли мы теперь когда узнаем.

Вспоминает жительница станицы Калининской Анна Евгеньевна Козлова (Головкова), до переселения жила в х.Кандауров:

– В тот июльский день 1942 года, когда румыны заняли наш хутор Кандауров, мы сидели у нашей тети Абросимовой Варвары Ивановны – родной сестры моего отца. Жила по соседству она со своей дочерью, через дорогу. В окно ее дома было видно, как к нам во двор начали заходить румынские солдаты. Мы поспешили домой, хотя нам было боязно.

Ещё днем мама нарвала большую чашку вишни – к вечеру собиралась налепить и сварить вареники. Чашка с вишней стояла в доме, около окна, которое румыны уже разбили и вытащили чашку наружу. Когда мы пришли домой, то вишню они уже доедали. Успели они перебить скобку дверного замка и хозяйничали уже в доме.

В доме они открыли сундук и вытащили из него всё содержимое. Особого богатства у нас не было, поэтому мародеры довольствовались всяким барахлом, ценности особой не представляющим. Больше всего мне было жаль, и я ревела по шелковому шарфику, который мне мама повязывала по большим праздникам.

Поселились румыны в саду, недалеко от нас. Было их очень много. Там же были и их лошади, и кибитки. До сих пор считаю, что хуже народа, чем румыны, не существует, очень плохие люди. Картошку они копать не умели или копали, как хотели, поэтому после их копки создавалось впечатление, что это свиньи перерыли весь огород. Яблоки и груши с дерева не рвали, а, забравшись на дерево, верхушку яблони или груши вырубали топором или спиливали пилой.

В доме у нас было три комнаты. В самую маленькую комнатушку они выгнали нас, где я сидела, почти не выходя на улицу. Мне было 6 лет, и меня они не трогали, а девочкам старше меня было чего от них опасаться, поэтому мазали они лица сажей (сапухой), а для плохого запаха одежду мазали нечистотами животных. Моя двоюродная сестра (Абросимова) вместе с другими девочками постоянно пряталась, ночевала в терновых колках, чтобы не попасть на глаза румынам.

Грабили хуторян эти вояки без стыда и зазрения совести. Казалось, что куриные перья летали по всему хутору. Один румын забирался в курятник, ловил курицу за голову и подавал ее другому – такая у них была технология «освобождения» хутора от домашней птицы. В зале нашего дома они установили рацию, а провод от антенны пропустили через окно и привязали к груше.

Однажды, когда румыны отсутствовали, мама испекла хлеб, который она схоронила за печкой в потайном месте. Румыны, видимо, учуяли запах свежее испеченного хлеба:

– Матка! Где хлеб? – сказал ей один румын.

– У нас хлеба нет, – был ему ответ мамы.

Не поверили они ей, начав искать хлеб. Искали недолго и вскоре нашли то, что искали. Румын приставил к ее голове ствол пистолета. Догадываясь, что сейчас может произойти, я громко заревела. Переведя свой взгляд на меня, румын со злостью произнес:

– Моли Бога, что она у тебя слишком маленькая, а то в твою голову я бы сделал «пук» (застрелил бы).

Немцы в хуторе появились позднее и, как это ни странно, румынский производ и грабежи явно поубавились: немцы румын недолюбливали. Из дома румыны переселились в свои кибитки, а в доме появились немцы.

Был у немцев денщик – русский – звали его Вася. Он пытался нас подкармливать продуктами в отсутствие немцев, но мама боялась их брать. Не брала, опасаясь, что немцы за это нас могут и убить, а поэтому рацион нашего питания состоял из свеклы, картошки и прочих продуктов с огорода.

– Тетя Нюся! Как только шапки наших (советских) солдат увижу в хуторе, сразу сбегу к ним и буду воевать, – говорил Вася моей маме.

В доме Ивана Васильевича Хохлачёва тоже у немцев был денщик. В отличие от нашего светловолосого, этот был «темный», явно не русский. Этот говорил, что отступать будет с немцами и с ними будет до конца.

Был в хуторе слух, что наши войска готовят немцам новое окружение, но этот слух исходил от самих немцев, поэтому, не готовясь к обороне хутора, они моментально «сорвались», оставив наш хутор. В суматохе Вася оставил нам байковое одеяло (уже на этом «месте» оно нам служило долго). Оставил Вася еще кое-что, но я уже не запомнила, что.

Хотя немцы оставили хутор Кандауров без боя, мы, опасаясь боевых действий, перешли жить в погреб, который перед самой отправкой на фронт мой папа отремонтировал. Сгнившую «матку» на погребке он заменил стволом груши. С мамой накосили возле речки камыш – чакан, а потом его в «матах» уложили на погреб, прикидав все это сверху землей. Изготовил папа новое «творило» и лестницу для спуска в погреб. Вот в этом убежище мы и готовились укрыться от обстрелов и бомбежек.

Низко над хутором летали немецкие самолеты. Неподалеку от хутора Протопоповский находился немецкий полевой аэродром. Это летом 1942 года с него летали немецкие самолеты бомбить Сталинград и Цымлянскую.

В нашем погребке с нами была и племянница моей мамы – Клавдия Алексеевна Маркина. Сейчас она проживает в станице Терновской, 17 октября отметила свое 90-летие.

Однажды мы «прозевали» приближение немецких самолетов и хотели забежать в дом, так она быстро окриком загнала нас в погреб и сама туда быстро спустилась. Эти несколько дней, пока фронт не ушел дальше, были для нас самыми страшными и опасными, но, слава Богу, что все для нас окончилось благополучно.

Самое страшное и жуткое было время, когда в наш хутор приходили «похоронки». Жуткий бабий вой раздавался в разных местах хутора. Мама говорила: – Опять, наверное, похоронку принесли...

Мой папа – Головков Евгений Иванович, 1904 года рождения, на войну был призван в августе 1941 года. Уже через три месяца пришло известие о том, что он «пропал без вести». Совсем недавно через Интернет мы узнали, что погиб он в Крыму 14.10.1941 года.

В отличие от тех, кто получил «похоронку», у нас была надежда, что он жив, что после войны вернется домой, но дожидаться нам было его не суждено. Почти до самого переселения мы, Лиза Писковацкова, Маша Калмыкова и я, бегали к мосту между хуторами Кандауров и Протопоповский: наше детское мышление «подсказывало», что наши отцы вернутся с войны, а встречать мы их будем возле этого моста. Время шло, а мы все ждали...

Наступившее переселение (изгнание с родных мест) горя нам принесло ничуть не меньше, чем оккупация. Перед переселением у нас в хуторе жили и работали женщина, двое молодых ребят (один из них потом женился на нашей хуторянке) и старик – он возил их на подводе (лошади). Это были геодезисты с Тормосина, это они нам и сказали, что нас будут переселять.

У мамы в хуторе Челбине жили родные сестры, поэтому решили мы переселяться в станицу Калининскую, а дом свой, что оставался в хуторе Кандаурове, она продала Алпатову Михаилу Пахомовичу – его домишко переселение бы не выдержал. Так наш дом оказался в хуторе Ремизове.

И последнее. Даже по прошествии стольких лет воспоминания о тех годах приносят мне и тоску, и боль душевную.

Оккупация хутора Пронин

Историки уже сейчас доказывают и предполагают, что если бы Гитлер знал, что в 1941 году в Красной Армии на вооружение будет принят гвардейский миномет БМ-13, то войну против СССР он не рискнул бы начать. Так оно было бы или не так, но «Катюша» (народное название реактивной установки залпового огня) уже в июле 1941 года приводила немцев и в ужас, и к большим потерям.

БМ-13 (боевая машина) была настолько засекречена, что для того, чтобы она не попала в руки врага, на заводе-изготовителе в каждом автомобиле (ЗиС-5, а позже – «Студебеккер») устанавливался ящик со взрывчаткой. В критической ситуации командир дивизиона «Катюш» был обязан взорвать реактивные установки, а личный состав расчета ценою своих жизней (плен исключался) обязан был исключить возможность рассекречивания врагу любой информации. В боевой расчет «Катюши» кто попало войти не мог. Всего несколькими землякам, участникам ВОВ, довелось воевать на этих грозных установках залпового огня:

Николай Петрович Поляков, 1923 года рождения, из хутора Поздняков – Баклановский был водителем БМ-13.

Бакланов Михаил Павлович, 1914 года рождения, из станицы Новоцимлянкой тоже был водителем.

Додонов Михаил Алексеевич, 1913 года рождения, из хутора Пронин был в составе расчета реактивной установки.

Михаила Алексеевича уже давно с нами нет, поэтому воспоминаниями о войне, о его дальнейшей судьбе (с его слов) делится его внук – **Додонов Андрей Владимирович из станицы Новоцимлянкой:**

– Дом, в котором семья деда (Михаила Алексеевича) жила в хуторе, был им срублен из тополёвых пластин. Большую помощь в строительстве дома ему оказал Тормосин Иван Федотьевич, 1910 года рождения, муж родной сестры деда, Клавдии Алексеевны Тормосиной (Додоновой).

В том же году у Михаила Алексеевича и Феколы Александровны 1914 г.р. родился мой отец – Додонов Владимир Михайлович. Казалось бы, жить теперь да радоваться, но война перечеркнула все планы счастливой мирной жизни.

В отличие от Ивана Федотьевича, который всегда по случаю Дня Победы надевал костюм с орденами и медалями, мой дед на торжества не ходил, а орденов и медалей я у него не видел.

– Деда! Ты же всю войну воевал! Где твои ордена и медали? – спрашивал я его, когда был сам ещё несмышлёнышем.

– Воевал! Но я, внучок, месяц находился в плену у немцев, а этого оказалось достаточно, чтобы жизнь моя пошла наперекосяк...

На фронт по мобилизации я попал в самом начале войны. В конце лета 1941-го года наш дивизион «Катюш» попал в окружение. Израсходовав в последнем залпе все реактивные снаряды, капитан – командир дивизиона начал подрывать боевые машины. Поджигался бикфордов шнур, и запас заводской взрывчатки в ключья «разносил» боевую машину. Была надежда, что с отступающими войсками мы выйдем из окружения и ещё принесем пользу нашей стране, но этого не случилось.

В плену пробыл я всего один месяц. Освободили нас войска, которые пошли на прорыв из окружения. Соединившись с основными частями наших войск, мы вновь стали востребованными для фронта. Война для меня закончилась под Берлином, и радость Победы переполняла нас, но эта радость, как потом оказалось, была преждевременной. Уже демобилизованного меня вызвали в отдел НКВД...

Обвинение было в том, что после подрыва «Катюш» мы обязаны были застрелиться. Доводы, что, воюя на фронте, я принёс Родине пользу гораздо большую, чем если бы был мертв, на «комитетчиков» не подействовали. Десять лет на шахтах Новокузнецка предстояло мне отработать за то, что остался жив, вопреки инструкциям.

Десять лет в шахте пришлось махать кайлом, на «карачках» рубить уголёк. Там же пришлось видеть и семью своих земляков – Генки Медведева, Аньки Макарушиной: их отцы тоже побывали в плену.

– Может, для героя я не годился, но и такой кары я не заслужил, – уже на старости лет говорил мой дед.

В конце 40-х Фекола Александровне дали разрешение на совместное проживание с мужем. Переехав с сыном Владимиром в Новокузнецк, она до самого его освобождения была с мужем.

В 1950 году у Михаила Алексеевича и Феколы Александровны родилась дочь Мария. Сейчас Мария Михайловна Давыдова (Додонова) проживает с семьёй в городе Цимлянске. Во время переселения, по своей инициативе, Иван Федотьевич Тормосин разобрал дом Додоновых и перевёз его на новое место в ст. Новоцимлянскую. На соседней от своего домика усадьбе он вновь его собрал, и стал дом дожидаться своих хозяев из «командировки». Сейчас в этом доме по улице Социалистическая, 4 проживает Лебедева Надежда Моисеевна.

Это потом, на закате своих лет, Иван Федотьевич рассказывал мне, что летом 41-го он тоже побывал в «плену», но только «пленение» его проходило в погребе, в который его от немцев спрятала белорусская женщина. Когда через населённый пункт, в котором он находился, пробились выходящие из окружения подразделения красноармейцев, он к ним примкнул и с честью впоследствии воевал. Орден Красной Звезды и медали по окончании войны красовались на его груди. На торжествах, посвященных Дню Победы, ему было чем гордиться.

Во время оккупации хутора Пронин румыны выгнали нас из нашего дома в сарай из плетней, обмазанных глиной. Проживать в этом «жилище» было холодно, но благо, что к Новому 1943-му году хутор Пронин освободили советские войска. Немцы, опасаясь окружения, хутор покинули раньше, чем румыны. «Неуютно» чувствовали себя румыны в нашем доме (рассказывала баба Фекола), поэтому на столе у открытого окна они установили пулемёт, направленный в сторону Кучугур. Печку они топили в доме, но холод поступал через открытое окно, поэтому румыны сидели около пулемёта, укрывшись одеялами. Так они караулили наступление наших войск. Не укараулили...

Ночью, за день до наступления Нового года, в дверь нашего сарая-жилища тихоночько постучали. Открыв дверь, баба Фекола увидела наших солдат – разведчиков, которые были одеты в белые маскхалаты:

– Т-с-с-с! – приложил разведчик палец к губам.

– Немцы есть в доме?

Узнав, что в хуторе остались только румыны, и получив данные о месте их дислокации, разведчики бесшумно удалились.

Это было удивительно, но ни одна собака в хуторе не залаяла. Без единого выстрела, вырезав румын, наши разведчики таким образом освободили хутор, в котором в то время было чуть меньше полусотни дворов.

Отступая, немцы все же решили оставить о себе память, сбросив в районе хутора три авиабомбы. Одна бомба взорвалась в Кучугурах. Вторая не взорвалась, но заряд её по какой-то причине только выгорел в ней. Третья бомба, попав в кучугурину, зарылась в песок, не взорвавшись. Так как она представляла большую опасность, то жители хуторов Пронин и Медведев решили её взорвать. На подводах привезли

большое количество хвороста. Обложив бомбу огромной кучей хвороста, они его подожгли. После взрыва авиабомбы от кучугурины осталась лишь воронка, в которой мог бы уместиться средней величины дом. Оккупация окончилась, а хуторяны ждали тяжёлые, голодные времена...

Анна Михайловна Торош (Куркина), станица Калининская:

Милый хутор, мой Челбин

- Листает память страницы воспоминаний. Теплом и счастьем веет от них... Есть русская пословица: «Каждый кулик своё болото хвалит». Вот и я хочу рассказать о милом моему сердцу хуторе Челбине, которого уже нет – его «поглотило» Цимлянское рукотворное море. Но память жива, память сильнее времени, и от этого никуда не денешься...

Хутор был большой, разделён речкой Цимла на две части. Красоту этого хутора не опишешь, это надо было видеть. Он полностью утопал в зелени. В каждом дворе много деревьев: вишни, яблони, груши, тютина, сливы и обязательно – цветы. Кусты роз – красные, желтые и цветы петунии. Запах этого цветка неповторимый, разносился по всему двору.

Весна. Скоро всё зазеленеет, заблагоухает, зацветут сады и деревья оденутся в белые подвенечные платья. Лягушки откроют свой гвалт. А воздух... Он над хутором словно густая, ароматная патока. Вдыхаешь его полной грудью до звона в ушах и жить хочется долго – долго. А сколько было ягод: малины, ежевики. Вот в таком изумительном месте был расположен хутор Челбин. Мама давала задание, и я с удовольствием ходила с подружками по ягоды. Потом сушили на плетённых из ивы кругах, а зимой ели сухими или варили кисели.

Прошла целая жизнь, но я до сих пор помню нашу хату, русскую печь, запах щей в глиняном горшке. А какие вкусные мама пекла кныши, трубочки с творогом и каймаком. Он особо приготавливался: в чугунный казан наливалось молоко, ставили на «гарны» в летней кухне. Оно томилось – выпаривалось, а пенка (какая же эта пенка-каймак была вкусной) сверху оставалась. В «горны» клали кизеки, они медленно тлели. Весной на базах, где стояла скотина, резали навоз небольшими кусками, складывали, сушили, а потом им топили печи. А утренняя роса на тёплой траве, по которой я бегала босиком каждое утро, прогоняя корову, телят, чтобы потом в речке Цимлянке умыться, побродить по прозрачной, как слеза, воде...

Зимой в хуторе тихо. Снегу кругом полно, только дым из трубы ниточкой тянется к небу. Морозы были крепкие, порой до 30 градусов. Занятия в школе отменяли. В то время мало кто посещал школу зимой: до войны и во время разрухи, которую натворили немцы, не было обуви – валенок.

В нашей семье нужду эту не знали: папа был «постовал», валял валенки. Какой тяжелейшей была эта работа! Подготовить шерсть, взбить на особой струне. Струны делались вручную, из кишок овец, коз. Кишки чистили, выскабливали всю слизь ножом вручную, оставалась прозрачная плёнка. Её натягивали потом на доску такой

длины, какой был «лук» – инструмент, на котором взбивалась шерсть. Сушили. После сушки она делается тоненькая, как нитка, но крепкая.

Шерсть делалась пушистой, мягкой. Она накладывалась на колодку ровными слоями (колодки были по размеру ноги), чтобы не было бугров. Пальцы постовала должны быть чувствительными: где подложить ещё шерсти, где отнять. Эта работа называлась заготовкой. Эта заготовка потом обливалась кипятком из котла с кипящей водой, в которую лили соляную кислоту. На верстаке заготовка отбивалась особым инструментом равномерно, без спешки до тех пор, пока шерсть не осядет и делается ровенькая – все ворсинки шерсти улеглись. Теперь заготовку можно отложить в сторону. Работа эта повторялась несколько раз. После этого валенки сушили, а затем обжигали берёзовой корой, чтобы вид был красивый – чёрный. Этот цвет валенок из шерсти чёрного цвета.

Милый, дорогой мой папа! Сколько же ты согрел своими руками малых и старых в мирное время? А в войну?! По состоянию здоровья на фронт его не взяли.

Война... Это лихолетье не обошло и наш хутор. Сколько горя, нужды пришлось пережить и нашей семье, особенно когда немцы рвались на Сталинград. Меня в это время не было, я была у бабушки в хуторе Красный Яр, который находился напротив Цимлянской (через Дон).

Там немцев не было. Бабушку звали Мария Сергеевна Плужникова, 1884 г.р. Когда вернулась домой, я не узнала двор... Всё живое на базу сгорело, сенцы (коридор) дома снесло взрывной волной от снаряда. Сама хата чудом осталась целой, хотя была без стёкол и рам оконных. Расстроенная мама плакала: нас четверо детей – чем жить? Кормить? Папа её успокаивал:

– Мать, не расстраивайся, вот война кончится, все будет хорошо!

Добрые люди в беде нас не оставили: дали нам тёлочку. Как мы радовались этому, ведь своё молоко – уже не голод. Светлая память вам, добрые люди, что не оставили нас в это трудное время. Наши родители говорили, что помощь нам оказали в то время отец и мать Ажнакина Стефана Александровича.

Как я уже писала, папа не ушел на войну. Он работал на фронт в тылу – валял валенки. У нас была своя постовальня в подвале нашего дома. Помню солдат, которые помогали валять, работали круглые сутки по очереди. Спали на полу. Мама готовила им есть, стирала на них. Запомнились два солдата: один чистил картошку, тонко-тонко срезая корку маленьким складным ножом, а другой слова произносил в растяжку:

– Тё..тя Мару..ся, на..лей..ка Ан..дрю..ше ещё бор..ща!

Я уже умела чистить тоже картошку (научилась в пять лет) и старалась подражать ему, но не получалось, как у него. Как их звали и их фамилии, не помню. Постовальню потом организовали в станице Маркинской. У меня было задание: носить обед (если это можно было назвать обедом) папе, расстояние было немаленькое. Эта дорога мне помнится ещё тем, что носила я на маслозавод масло сливочное – налог. Масло было домашнее, сбивали его дома сами. Государство облагало

людей налогом, поэтому сдавать надо было молоко, яйца, масло сливочное, шкуры домашнего скота.

Маслозавод в Маркинской находился рядом с Челбиным – пройдёшь через мостик, поднимешься на пригорок и вот он, маслозавод. Рядом была церковь, потом начиналась Маркинская. Говорили, что при переселении церковь не тронули, так она и стоит, затопленная под водой!!!

Нам, детям войны, пришлось пережить очень много лишений и трудностей. Работали мы наравне с взрослыми. Помню, как я вместе со взрослыми подростками (мне было лет 7-8) тянула волоком мешок за собой, в котором были подобранные колоски. Сзади шел бригадир и проверял, не оставил ли кто колосок. Самое страшное, что пришлось пережить нашей семье, – голод! Нашему поколению и сейчас этого не забыть. Как только желудок «заломит», так сразу вспоминаю голод.

28 июля 1943 года родился брат – Алексей. В конце 1943 года и начале 1944 года у нас был страшный голод. Голодали в хуторе все, но я хочу рассказать о своей семье. У старших братьев: Александра 1928 г.р., и Петра 1932 г.р., пухли руки, лицо. До сих пор перед глазами эпизод: в сенцах стоит корыто с холодной водой, а братья сидят с опущенными в воду руками и, не стесняясь, стонут. Вода в нашем колодце была вкусная, холодная. Я и моя старшая сестра Женя, 1932 г.р., (близняшка Петра) подливали им холодную воду.

Как же мы питались? Мама давала задание сходить в Кучугуры и накопать «молоканок». Кучугуры находились рядом: перебрёдёшь через речку и тут же бугры песка, заросшие кустарниками, молоканками, цветами. Надо было накопать как можно больше. Брала с собой воду в бутылках, так как к 12 часам дня солнце поднималось и сильно пекло. Однажды вместе с нами оказалась старушка – Тельнова Анна Константиновна, 1868 г.р., (её почему-то звали «Анеша»). Она дала нам напиться из своей бутылки, а как только она отошла подальше от нас, мы без её разрешения взяли и выпили всю воду. Как мы потом боялись, что об этом узнают наши родители.

Молоканки мыли в речке, сушили, а затем толкли в ступе на муку. В этой муке обваливали отварную траву лебеду. Верхнюю часть этого растения рвали мешками. Мама пекла лепёшки, пекла она их и из «мукусея» – корня чакана. Доставали корни чакана из воды, когда было невтерпёж, ели сырыми. Высушенный «мукусей» толкли в ступе, получалась мука.

Однажды ранней весной мама вместе с Сашей и Петей пошла доставать корни «мукусея» из-под льда (в районе Теляшей) и провалилась. Ребята её вытащили. Придя домой, она рыдала, а мы (дочери), прижавшись к ней, плакали.

Было указание правления колхоза: сберечь поля от сусликов. Всех мальчишек – подростков заставляли выливать водой сусликов из нор. Шкурки сдавали, а мясо мы ели сами. Эта работа, которой занимались братья, помогла нам выжить.

Наш папа не мог мясо сусликов кушать, от недоедания и тяжелой работы он слёг и заболел. Опять добрые люди помогли ему выжить. Кто что мог приносили

ему еду: кружку молока, кусочек хлеба, горсть семечек, горох, тыкву, свеклу. И так каждый день, пока папа не поднялся на ноги. Очень уважали его люди за его «золотые» руки и доброе сердце. Никогда и никому не отказывал он в помощи, ведь почти все мужчины были на войне, в хуторе остались старики да женщины. Одной накосит сено коровке, другой свалит валенки, ничего не взяв за работу, кому-то почиет тляпку, наточит топор...

Где бы ни работал – сторожил до войны и после войны бахчи – везде к работе относился добросовестно, уважая труд. Люди ему тоже платили уважением. Страна его тоже не забыла: медали «За доблестный труд в тылу врага» и «За Победу» являлись его заслугой перед Родиной. За рождение в 1948 году 6-го ребёнка – дочери Ольги, мама тоже получила награду.

Милый, добрый, хуторок мой Челбин. Как же тебя изуродовало лихолетье – война! Страшно было смотреть на соседский двор Челбина Григория Ивановича и Акулины Давыдовны. Разбомбило, сгорело почти всё, восстановить дом уже было нельзя. Доживали они до переселения в землянке с дочкой Галиной Григорьевной.

У нас был вишнёвый сад, десять «корней» одной вишни. Сразу был двор дяди Гриши Челбина и тётки Кати. Дворы отделялись друг от друга бугорками из песка. Во время боя убило у них сына Петра, а сестре тётки Кати, Валентине, оторвало руку. Тонкости этого события я уже не помню, да и версии были разные. Валентина Ивановна уже потом работала почтальоном на почте в станице Калининской до самой пенсии.

Недалеко от Челбиных и нашего двора жила наша бабушка, мать нашего отца – Калмыкова Мария Ивановна. Добротный казачий дом её с балясами тоже разбомбило. Из этого большого дома потом собрали небольшую хатку – домик, а пока строили, жила она у нас вместе с дочкой Марией Андреевной, 1917 г.р.

Тётка Маня рассказывала, что были уже списки у немцев на уничтожение семей, где были активисты – комсомольцы и партийные работники, но не успели. Тётка Маня – сестра моего папы от второго брака бабушки. Родной отец папы умер рано от туберкулёза. Тетя Маня уже закончила учиться и получила диплом учителя начальных классов.

Голод и разруха, что натворила война, нарушили красоту и тишину нашего родного хутора. Началось воровство, брали всё, что попадётся. Помню одного мужика, звали его «Кочет» – воровал кур. Было и убийство нашей соседки бабы Поли Линьковой. Жила она одна, рядом с нашей хатой, её утопили в колодце. Забрали всё добро, какое у неё было: деньги, вещи. Кто её убил, не известно.

На окраине хутора, ближе к Зацмловскому, жила одинокая женщина. После случая с бабой Полей одинокие люди стали очень бояться ночью находиться дома. Эта одинокая женщина – звали её Капаниха – попросила папу, чтобы он разрешил брату Петру ночевать у неё. Однажды ночью к ней начали рваться в дом грабители или убийцы. Бабушка успела забраться на полоть (чердак) и криками звать на помощь людей. Рядом с ней жила тётка Стюра Алфёрова с детьми.

Она услышала крики и быстро сообщила другим соседям, в том числе и нашим родителям. Прибежали люди, кто с вилами, кто с топорами – грабители скрылись. После этого случая папа никого из детей с ночёвкой не отпускал. Но всё пережили, перенесли...

Закончилась война. Каждая семья в хуторе ждала своих дорогих людей: мужей, братьев, родственников. Не всем только довелось дожидаться...

Моя мама не дождалась своего брата – Алексея Плужникова 1902 г.р., который до войны жил в хуторе Красный Яр. Дядя Лёша попал в плен, и его немцы сожгли заживо вместе с другими пленными, это выяснилось уже позже. Не пришли с войны и два брата папы – Куркин Александр Григорьевич 1900 г.р. (жил в хуторе Красный Яр) и Калмыков Виктор Андреевич 1921 г.р. (от второго брака его матери) – жил в хуторе Челбин. Один брат погиб при отступлении, другой пропал без вести. Достоверность этих фактов не подтверждена. Что случилось с нашими родственниками на самом деле, вряд ли когда мы узнаем: время ушло...

Хутор начал «залечивать» раны, нанесённые войной. Люди смирились со всем тем, что произошло. Стали улыбчивее, добрее сердцем, лишь воронки от снарядов, которые были по всему хутору, напоминали о времени страшном. Эти воронки весной, когда уже солнышко грело, наполнялись змеями, а потом зарастали травой, и я, девчушкой, со страхом обходила их, прогоняя и встречая корову, телят. Сколько трудностей, лишений, невзгод довелось испытать нашим родителям: Марии Андреевне 1904 г.р., и Михаилу Григорьевичу 1901 г.р., в те трудные, голодные и холодные годы. Они нас любили, заботились и достойно несли свой крест. Низкий поклон им за их родительский ПОДВИГ!

У папы образования не было вообще, он только умел расписываться заглавными буквами – К.М.Г. (Куркин Михаил Григорьевич). Мама умела читать и писать. Во время Ликбеза она научилась грамоте – у неё в то время уже были близнецы: Женя (моя сестра) и мой брат – Пётр.

Сколько мудрости, терпения, такта было у родителей, они дополняли друг друга. Мама была маленького роста, подвижная, а папа – высокий, широкоплечий, худощавый, степенный и молчаливый. Мудрость в том и заключается, чтобы не воспитывать специально, отводя для этого определённое время, не читать нотаций, а просто жить и служить примером для подражания, уметь вовремя помочь, подсказать, незаметно направить в нужное русло...

Вспоминаю случай. Старший брат Саша не хотел заканчивать 7 класс, был уже переросток – 17 лет, но способности были, это знали учителя. Родители угораздили его, объясняли, как важно в жизни быть грамотным. Папа всегда нам говорил:

– Дети, учитесь, вы видите, как мне тяжело быть безграмотным!

Брат, наконец, согласился, сказав родителям:

– Ладно уж, уважаю вас, пойду закончу школу.

Это потом, после окончания «Горноспасательного техникума» в 1948 г. (г.

Ростов-на-Дону) и начав работать, сколько раз благодарил родителей, что настояли получить ему образование.

В 1948 году поехала учиться старшая сестра Женя в Константиновское педучилище, а в 1951 году туда же поступила и я. За учёбу платили 150 рублей и столько же за общежитие. Спали на соломенных матрацах. Готовили сами. В отдельной большой комнате была печь с четырьмя плитами, которую топили сами, подсыпая уголь. Чтобы приготовить себе еду, занимали очередь. В комнатах было по одной электролампочке, а на столе – керосиновые лампы. Длинный стол был посередине комнаты. Окна наполовину были заложены кирпичами: не было стекла, а нас 16 человек в одной комнате.

Вот при таких условиях мы учились. Нас это не страшило, у нас была одна цель – получить образование.

Десять лет, с 1945 года по 1955 год, наши родители недоедали, недосыпали, переносили все невзгоды ради нас детей, учили нас... Сколько сейчас хотелось бы сказать своим родителям добрых и ласковых слов и попросить прощения за то, что порой своим непослушанием обижали их. Светлая вам память, мои дорогие родители!

И снова вспоминаю о хуторе. Переселение... Этого события не описать. Я заканчивала 6-й класс – это был 1950 год. Многие уже переехали, пустел и наш куток. Акулина Давыдовна не спешила: перевозить фактически нечего было. Я у неё жила, пока не сдала все экзамены. Родители уже всё перевезли, строили домик. Бабушка, папина мать, уехала к дочери в Ясиноватую, а свою хатку-домик отдала нам.

Как описать то горе, которое пришлось пережить людям?! Мирное ведь время – и такой стресс!!! Старые люди не плакали – они рыдали, причитая. Когда поднимались на пригорок, откуда виднелся хутор, уже опустевший, без печных труб, падали на колени, крестились, наклоняя голову до земли...

Как же не рыдать, как же не плакать? Голая степь, покрытая полынью, да змеи ползают.

– Вот ваш участок, вот колышек с надписью: Ф.И.О. Вот вам «кусочек» земли – 18 соток, располагайтесь пожалуйста, стройте, живите!

Государство дало подъёмные за каждое дерево, сарай, хату, колодец: всё было оценено... А люди! О них подумали!? Как всё это пережить, перенести?! Всё рухнуло в одночасье: и красота хутора, которую создала природа, и вера людей во что-то доброе, хорошее, но время лечит... Постепенно боль утихла. Люди смирились, свыклись со всем тем, что произошло. Насаживали деревья, отгородились друг от друга заборами. Стали жить.

Хутор Челбин «превратился» в станицу Калининскую, составленную из трёх хуторов – Калачевский, Зацимловский и Челбин. Мы, дети, продолжали ходить в школу, которую сделали из монастыря. В хуторе Челбин был женский монастырь, а рядом с ним была церковь. Монашек выселили, церковь превратили в клуб. В

нѐм устраивали новогодние праздники и другие мероприятия. При переселении из этой церкви построили (около новой школы) интернат для мальчиков из отдалѐнных мест. Сейчас на этом месте «красуется» недостроенный спортзал, а здание монастыря ещѐ стоит около школы (это был интернат для детей хутора Антонова).

Вот и вспомнила я и рассказала небольшую историю о родном хуторе. Старых людей, наших, челбинских, уже нет, да и, вообще, из нашего поколения осталась «горстка», которые помнят что-либо ещѐ.

Люди сейчас живут хорошо, квартиры отстроены, водопровод, газ, электричество – всё есть. Нажми кнопку – и тепло в квартире, другую кнопку – бельѐ постирано. Держат хозяйство: коров, телят – своё молоко, мясо. Голодных и раздетых вроде бы нет, а лица у людей неулыбчивые, всем недовольные. Нет доброжелательности, гостеприимства, порядочности. Так и хочется крикнуть:

– Люди добрые! Остановитесь на путях ваших. Расспросите, рассмотрите о путях древних. И где путь добрый, идите по нему!

Отбросьте в сторону зло и ненависть, возлюбите добро. Ведь как хорошо жить! Да, жить!

Пусть не страшат невзгоды, скорби, болезни! Улыбнитесь утренней заре, закату солнца. Скажите друг другу:

– Доброе утро, здравствуй!

И станет легче на душе, теплее, и трудная работа по дому станет лѐгкой, и дети не будут обузой. Глядя на них, сердце будет трепетать от радости, что они накормлены, одеты, обуты и здоровы.

Вспомните Того, Кто нас создал, дал нам жизнь! Кто знает всё о нас, все наши мысли, наши дела, отношения друг с другом.

Бог-Имя Его!

От автора. Даже и не знаю, что можно добавить к тому, что написала Анна Михайловна о себе и о своей семье. Очень серьёзный, в некоторой мере трагический материал, который мог бы стать эталоном любого школьного или институтского сочинения.

Добавлю лишь, что Анна Михайловна «утаила» о том, что Алексей Петрович Куркин, погибший 9 апреля 1987 года на советско-афганской границе у реки Пяндж и посмертно награждённый орденом Боевого Красного Знамени, является родным ей племянником. Это подчѐркивает то, что в этой семье и работали, и служили с любовью к своей Родине, отдавая и силы свои, и жизнь свою тоже!

(А. Константинов. «Память сильнее времени», стр. 107-150).

Война и не только глазами очевидца

Об этом нам рассказывает Раиса Ивановна Ажнакина 1936 года рождения, жительница города Цимлянска:

– Родилась я в хуторе Среднем Цимлянского района. По рассказам моей бабушки Нагибиной Анны Ивановны (1879-1965 гг.), когда-то хутор этот был очень

богатым, но в период коллективизации большинства своих жителей хутор лишился – часть была раскулачена и сослана в Сибирь, а часть других, не дожидаясь такой же участи, разбежалась (переселилась) по другим местам. О том, что хутор был богатым, говорило состояние его кладбища, на котором мы в детстве любили играть. Располагалось оно рядом с хутором, на возвышенности. На нём находилось около 200 захоронений (могил), в основном и в большинстве своём с каменными и железными художественными надгробиями.

На этом беды нашего хутора не закончились, и следующим испытанием стали Великая Отечественная война, оккупация, а затем и переселение. Свой рассказ начну я с войны.

Я и моя подруга – одноклассница Гостева Анастасия Варфоломеевна, нарвав дома помидоры в плетѐные из чакана кошевки, решили их продать на цимлянском базаре. До станицы Цимлянской от нашего хутора было 7 километров – для нас это был пустырь. По дороге нам попала женщина, которая на быках ехала в Цимлу. Везла она насыпом полную бричку тѐрна. Увидев наши помидоры, предложила:

– Девочки, давайте поменяемся – вы мне отдаѐте помидоры, а я вам в ваши кошевки насыплю тѐрн.

Поменялись мы с ней уже в Цимле, когда нам стало уже не до продажи помидор, а до того мы от обмена отказались, решив занять свои деньги. Мы не придали значения, но ещѐ по пути в Цимлу стали попадаться идущие по дороге нам навстречу беженцы.

Как все воспитанные сельские дети, в обязанность которых входило обязательно здороваться со всеми взрослыми, мы начали приветствовать идущих нам навстречу:

– Здорово дневали, здорово дневали...

Перед Цимлой по камушкам перешли речку (балка Котлубань) и пришли к родственникам, которые жили на краю Цимлы. Там нам особо не обрадовались, так как в это время в Цимле царил паника, связанная с безвластием в станице, и базар никого уже не интересовал.

– Девочки! Идите быстрее домой, – буквально выпроводили они нас.

Обменяв помидоры на тѐрн, мы побежали домой. Бабушка отругала меня: – Ты где была? Мать эвакуируется и хотела с тобой проститься.

Пришла мать и начала собираться в дорогу, в ночь они должны были угонять скот за Волгу. Через некоторое время пролетели три немецких самолѐта и сбросили на наш хутор бомбы, а уж потом начали бомбить и Цимлу.

Что там было – не передать! Цимла горит, а люди и беженцы оттуда бегут, скотина ревет, разбегаясь в разные стороны. Около хутора Каширкина был Заготскот, коровы оттуда бегут, а бабы пытаются их поймать, завернуть. Кругом крики, рѐв – страсть Божья. Потом налетела небольшая тучка, из которой пролил дождь-ливень, и всё стихло.

Колхозный скот разобрали по домам. Моя бабушка взяла десять овец и брошенную тѐлку. До самого прихода немцев мимо нашего хутора постоянно шли беженцы. Пришла к нам пешком из Макеевки моя родная тѐтя. С ней пришли и её дети: Галя

1937 года, Павлик 1939 года, а на руках у неё был грудной ребёнок. Более трёхсот километров прошли они пешком, а бежать им пришлось от голода. С собой принесли они только шахтёрскую лампу – фонарь.

Моего дядю Нагибина Николая Семёновича 21-го мая 1941 года призвали в армию, а уже в июне началась война. Как призвали его, так и ни слуху, ни духу. Только потом пришло сообщение, что он пропал без вести.

От автора. В Книге памяти по Ростовской области имеются данные о том, что Нагибин Николай Семёнович 1921-го года рождения без вести пропал в августе 1943-го года.

Немцы в хуторе появились первыми, но долго они не задержались, а «пошли» по шляху в сторону Сталинграда. После них в хуторе объявились румыны. Это были ещё те вояки – они начали грабить нас без всякого стеснения. У нас на усадьбе был вырытый на всякий случай окоп. Баба Аня решила сделать из него подобие тайника, спрятав в нём перину, подушки и иконы. Румыны всё нашли и забрали, несмотря на то, что баба Аня стойко обороняла своё имущество, не побоявшись ударить румына кочергой, но в итоге «победа» осталась за мародёрами.

Очень горевала она и переживала за своего сына Николая Семёновича, от которого так и не было ни одной весточки. Она даже ходила в лагерь военнопленных, который был неподалёку в Хорошевской. Пошла она туда с бабой Фёклой Игнатьевной Ажнакиной 1884 г.р. – мать Тимофея Трофимовича Ажнакина 1924 г.р., он был заместителем председателя колхоза «Большевик» в 60-х годах. С бабой Фёклой они были подругами, потому и согласилась она идти с ней в лагерь военнопленных, а мы тоже увязались за ними.

Моя родственница Вера Петровна Шубина потом спрашивала у меня, чем был огорожен лагерь военнопленных? Чем был он огорожен – я не помню, но хорошо помню, что пыли там было по самую щиколотку.

Лагерная охрана никого к лагерю не подпускала. Бабушки пробовали бросать через ограду пленным продукты, и кончилось это тем, что охранники мою бабу побили, а ведь могли и застрелить. Она думала, что, может, в этом лагере находится и её сын Николай.

Пленных в лагере было много, но из него были и побегии. Мы ночевали дома на крыльце, и иногда ночью к нам приходили беглецы. Баба их кормила, давала кое-что из продуктов, провожая, она говорила, куда им идти.

В нашем хуторе со своей матерью жила женщина-калека, она очень хорошо шила. Сбежавший из лагеря солдатик «прибился» к ним, да так и остался – ночью спал у них в доме, а днём отсиживался в подвале. Уже стало холодать, и хозяйева посоветовали ему обратиться к хуторскому старосте – может, он что-нибудь посоветует, поможет. Староста Гавриил Худяков «посоветовал» ему убраться с его глаз долой, пообещав пристрелить.

Когда наши войска стали нас освобождать, то баба Нюра приказала дочерям резать две колхозные овцы, чтобы кормить наших солдат. Мясо зарезанных овец сложили в казаны, натаскали хворост для горнушек. Дочери легли спать, а баба стала

варить мясо в казанах. Всю ночь варила она мясо, а под утро, отдохнувшие, моя тётка и моя мать пришли с новостью – вдалеке уже слышна стрельба и разрывы снарядов.

– Значит, скоро нас освободят, – выдала свой прогноз наша баба.

Начав варить баранину, баба поставила керосиновую лампу на подоконник, чтобы солдаты наши видели, куда им надо идти. Также не покидала её надежда, что сын Николай придёт с нашими наступающими войсками. Нас, детей и свою мать, которой уже было под девяносто лет, она отправила в окоп. На этот окоп, ещё раньше была сложена копна из красной полыни, под которую была проделана нора. Вот в этом убежище нам и предстояло спастись от непредвиденной опасности. После того, как мы «устроились» в окопе, баба Нюра нору закупорила. Вдруг к нам в дом забегает наш солдат:

– Мать! Немцы в хуторе есть? – спросил он бабу.

Узнав, что немцы спешно покинули наш хутор, спросил:

– Мать, а покушать ничего у тебя нет?

– Садитесь за стол, я мяса наварила, а вот хлеба у меня нет.

Среди солдат, которых она стала кормить, оказался и командир наступающей части. Узнав от бабы, что они едят мясо зарезанных колхозных овец, он спросил:

– Много у Вас находится колхозных овец?

Узнав, что баба взяла на сохранение 10 колхозных овец, командир сказал:

– Я Вам выдам справку о том, что эти овцы были использованы для питания наших бойцов. Этой справкой Вы потом отчитаетесь.

Самым удивительным было то, что за столом с нашими солдатами, которых баба стала кормить бараниной, оказался и тот солдат, которому староста Худяков «посоветовал» убраться с его глаз долой, пообещав пристрелить. От этого солдата мы узнали, что он скрывался и пару месяцев жил у Веры Терентьевны, это она хорошо шила. В знак благодарности за своё спасение он отнёс ей самое дорогое в то время – новые портянки. Этот же солдат пообещал пристрелить старосту Худякова. Пытался он найти его в хуторе, но безрезультатно.

Уже потом, когда нас окончательно освободили и в колхозе стали собирать разобранную по домам живность, повела баба в колхоз брошенную тёлку, которая к этому времени отелилась. Нашу корову румыны зарезали и съели.

– Ивановна! За тобой числятся 10 овец, где они?

– Овцы были использованы на питание красноармейской части, которая освобождала наш хутор, – сказала баба, предъявив спасительную справку. Не все овцы были использованы для питания наших солдат, часть их осталась у нас в семье и за счёт их мы чудом выжили.

Семья наша, с учётом родственников из Макеевки, была большая, поэтому вскоре мы почувствовали настоящий голод. Через несколько месяцев засобирались наши беженцы в Макеевку, до них дошла информация, что на Украине вопрос с питанием был значительно лучше, чем у нас, а тем более в Донбассе.

Рассказать, что такое голод, может только тот, кто его испытал. Только не дай

Бог и не приведи Господь его испытывать. У нас особенно тяжелым был послевоенный голод. Казалось, Великая Победа и голод несовместимы но, видимо, на Небесах кто-то решил, что наш народ не полностью испил чашу беды и горя.

Тётя Клава – сестра моей мамы – собрала дома кое-какие вещи и отправилась на Украину менять их на продукты. Добиралась она и туда, и обратно по-всякому – где пешком, где кто-то попутно подвезёт. В хутор после этого путешествия она шла обессиленная и голодная, хотя наменяла она и сухари, и точёную кукурузу. Баба и моя мама встретили её и проводили в дом, а нам баба выделила по горстке кукурузы. Мы радостно бегаем, грызём кукурузу, а тут появилась ещё одна радость – отелилась наша корова.

Прямо на лугу (был уже май месяц) баба её подоила, а уже дома на сковородке испекла нам молозиво. Дети всего кутка собрались в ожидании вкуснятины. Хуторяне, хоть и голодали, но были дружны между собой и делились даже последним куском хлеба.

У каждого из детей нашего кутка на шее за верёвочку была привязана деревянная ложка. Мы дожидались молозива и ложками черпали его из чашки. В этот момент нам казалось, что на всём белом свете вкуснее молозива ничего нет и быть не могло. И хоть детство было наше тяжелым, но и оно проходило, оставляя о себе и память, и воспоминания.

До переселения хутор Карнауховский имел статус станицы, потому и школа находилась там. Перейдём мы по мостику балку Котлубань, сядем на бугорке и начинаем кушать. Еда соответствовала тому очень голодному времени. У кого-то был кусочек печёной тыквы, у кого-то кусочек свеклы, картофеля...

Вместо тетрадей использовали нарезанные газеты и оставшиеся немецкие листовки. Учителем был у нас совсем глуховатый Фёдор Кузьмич Февралёв 1889 года рождения. Его потом сменила дочь – Валентина Фёдоровна, которую впоследствии племянницы забрали в Ростов.

Переселять уже в хутор Карнауховский нас стали в 1949 году. Новым местом для хутора власть избрала распаханное поле на берегу балки Котлубань. Надо отметить, что и в переселение, и после многие жители подались «в бега», ну не хотели они связывать свою судьбу с малопригодным для проживания местом. На весь хутор был вырыт всего лишь один колодец, а питьевую воду хуторяне старались брать из Котлубани в месте, которое называлось Чёрная Яма.

Дядя моей матери был плотником знатным. Хату он нашу разобрал. Погрузили на возилки, и быки перевезли её на новое место, где дядя вновь её собрал. У нашего соседа Трофимовича хатёнку не разбирали, а подложили под неё два столба и утащили волоком. Двое суток понадобилось им, чтобы переместить своё жилище на новое место.

От автора (А.К.). В настоящее время хутор Карнауховский является тем самым местом, которое в ближайшие годы вряд ли будет газифицировано. Уверен, что от хутора давно бы остались лишь воспоминания, если бы несколько десятков

лет тому назад не была воздвигнута плотина, соединяющая станицу Калининскую и хутор Карнауховский.

Одними из первых во время переселения из хутора «подались» сёстры Поповы – Татьяна, Валентина и Нина. Их сестра Мария к этому моменту уже была замужем, потому и не сменила место своего жительства, оставшись жить в станице Калининской. Моя младшая сестра Олимпиада, 1938 года рождения, вышла замуж, переехав в Цимлянск. Туда я тоже переехала, и стали мы жить на улице Школьной.

На этой же улице, напротив нас, жил и мой будущий муж – Ажнакин Михаил Антонович 1923 года рождения, участник Великой Отечественной войны. Познакомились мы, а вскоре и свадьбу сыграли. Шикарной свадьбы у нас не было – был всего лишь скромный вечер, но фата у меня была настоящая. 25 лет прожили мы вместе, только век его жизни оказался коротким. В 1981-м году Миши не стало...

Весной 1964-го года довелось мне побывать в хуторе Карнауховском. Поводом для моей поездки стали похороны от несчастного случая Гордеева Виталия Михайловича. Говорят, что наша наполовину вросшая в землю хата (около школы) и сейчас там ещё жива.

После войны моя мать работала кухаркой в тракторной бригаде. Под наблюдением бригадира и с его помощью насыпала в котлы зерно и варила. Вечером работники бригады получали по котелку варёного зерна, которое во время страшного голода было сравнимо с деликатесом. Нам, детям, тоже перепадало, но наша порция была значительно меньше.

В то детское время дружила я с Мишкой Полубедовым. Помню, что однажды наши матери нарубили чернобыл и на быках повезли его на пекарню, которой командовал дед Гриша Алифанов. За привезённое топливо он нам дал немного печёного хлеба и смётки муки:

– Дома сами поделите, – сказал он нашим матерям.

По пути домой, сидим мы с Мишкой на возилке, достанем из окулунка по горстке смёток и, довольные «чавкаем». Лакомством для нас были и раки, и ракушки. Баба возьмёт грабли и ими из ила дёргает ракушки – они были крупные, створки раскрыть было нам не под силу. Раскрывались они, когда дома их высыпали в казан с кипятком – и деликатес готов к употреблению. В Котлубани черепах и лягушек была тьма-тьмушая, но мы их, в отличие от других жителей хутора, не ели.

Голод, который я испытала в начале своей жизни, приучил меня к бережному отношению к хлебу. И сейчас не пройду я мимо, увидев кем-то брошенный кусок хлеба. Обязательно подниму, пусть склюёт его курица, птица, но валяться на земле хлеб не должен!

В 1990-м году лежала я с давлением в больнице г.Цимлянска. В палате со мной из Терновской лежала Рая Кондрашева. Пообедали мы с ней в больничной столовой и идём к себе в палату. Слышу, уже сзади раздаётся голос:

– Ты смотри, какая богатая стала, даже не поздоровалась!

Смотрю, а угадать не могу. Да и как угадаешь, если столько лет прошло.

Спасибо, что Рая подсказала мне, кто меня окликнул. Долго говорили мы с Мишкой Полубедовым, вспоминая наше голодное и трудное детство, а пришли с ним к единому мнению, что каждому поколению достаётся своё время жизни. И хотя наше время было не сравнимо с настоящим по условиям и качеству жизни, для нас оно всё равно осталось и остаётся самым дорогим и незабываемым. Жаль, но теперь и Мишки уже нет!

Информация к размышлению от автора (А.К.).

Староста хутора Средний – Гавриил Григорьевич Худяков 1912 года рождения перед войной работал трактористом в сельхозартели «Новый путь». От призыва на войну его освобождала «бронь» механизатора. Перед оккупацией Цимлянского района немецкими войсками районный отдел НКВД оставил его «для работы» в тылу врага.

После освобождения станицы Карнауховской и хутора Средний со 2-го на 3-е января 1943 года в течение двух месяцев он составлял отчёт о проделанной работе в период оккупации, а «органы» перепроверяли, чем он занимался в течение оккупации на занятой немецкими войсками территории.

2-го марта 1943 года был призван в РККА. 4-го февраля 1944 года казак Худяков Гавриил Григорьевич умер от полученных ран на фронте.

Отец троих сыновей: Михаил 1936 г.р., Владимир 1939 г.р., Иван 1941 г.р.

Неизвестно, какую помощь у старосты хутора мог просить сбежавший из Хорошевского лагеря военнопленных бывший красноармеец. Очевидно, что «староста» Худяков увидел в нём добровольного пособника врага, потому и пообещал его пристрелить. Это версия, но она может быть самой вероятной.

А.Константинов. «Цимла. Время выбрало нас», стр. 28-34.

Жизнь прожить – не поле перейти

Хутор Бударин. Этот вынужденно переселённый и не оставивший своё родовое название населённый пункт из Кучугур будет жить в памяти до тех пор, пока у его бывших жителей в паспортах будет сохраняться метрика – место рождения: хутор Бударин Нижне-Курмоярского сельского Совета.

К сожалению, таких обладателей паспортных данных, с каждым годом становится всё меньше и меньше...

Я с помощью бывших жительниц этого хутора Мазановой (Поляковой) Тамары Александровны 1930 года рождения и Степановой (Токмачёвой) Валентины Ивановны 1937 года рождения попытаюсь эту память сохранить для живущего и будущего поколений.

Располагался хутор Бударин в Кучугурах, в 12 километрах от реки Дон. Кучугуры – песчаные бугры и ямы, образованные ветром на террасах Дона, Днепра.

Хутор был растянут с запада на восток на расстояние около 3-х километров. Делился он на три части, и каждая имела своё народное название. Западная часть хутора называлась – Боровин. Местность этой части находилась в низине, а потому

1932 г.
Школа красных командиров.
Александр Яковлевич Мазанов

Хутор Бударин. 1940 г.
Проводы в армию.
Болдырева Мария
Александровна 1914 г.р.,
Болдырев Михаил
Александрович 1921 г.р.,
Мазанова (Сорокобатькина)
Мария Ивановна (1907-1946 гг.)

Со слов Елены Стефановны Рожко (1910-1994), в январе 1943 года в этом доме в хуторе Колотовка располагался штаб К.К. Рокоссовского и Р.Я. Малиновского

9 августа 1941 г. Перед отправкой на войну (слева направо) Константиновы Платон Семёнович и Неонила Максимовна, Зенкины Андрей Митрофанович и Елизавета Арсентьевна, Константиновы Андрей Иванович и Мария Николаевна, Зенкины Дмитрий Митрофанович и Ирина Ивановна, Панфиловы Марк Леонтьевич и Мария Андреевна, Лысовы Павел Мефодьевич и Наталья Васильевна

от близости грунтовых и весенних вод была заболочена. Места, заросшие чаканом, камышом и другой растительностью, были излюбленным местом диких кабанов (боровов), потому и получили своё название – Боровин.

Средняя часть хутора называлась Лукешкин. Называлась она по имени цыганки Лукешки, которая когда-то со своим табором остановилась в этом месте. Восточная часть хутора называлась Куток. Здесь с правой части дороги на хутор Уткин располагалось хуторское кладбище. Расстояние до хутора Уткин (Семёнов) исчислялось чуть более 3-х километров.

Хутор до Переворота 1917 года был достаточно большим и зажиточным. На момент вынужденного переселения, по переписи 1949 года, в нём числилось 75 дворов, в которых проживали 258 жителей. Хуторское кладбище, которое располагалась на Кутке, осталось обозначением того, что здесь когда-то был населённый пункт. Хуторская школа, учителем в которой был Николай Николаевич Степанов, располагалась в Боровине, в конфискованном доме раскулаченного Александра Алексеевича Чухряева.

Основу населения хутора составляли жители с фамилией Сорокобатькины. Род Сорокобатькиных разрастался, и вскоре получилось так, что жить в хуторе под этой фамилией стало подавляющее большинство жителей. Было это и предметом гордости, но и создавало определённые трудности. Была сплошная путаница и неразбериха, а потому, собравшись на родственный совет, братья Сорокобатькины в начале 20-го века решили упростить свои трудности и изменить свои фамилии.

Сыновья Осипа Егоровича Сорокобатькина взяли себе фамилию по имени деда Стефана и стали – Степановы (по созвучию). Сейчас эту фамилию носит Лариса Михайловна Степанова – руководитель отдела культуры Цимлянского района.

Сыновья Романа Егоровича Сорокобатькина стали носить фамилию Егоровы. Изменения произошли, но главная родословная ветвь осталась – Сорокобатькины.

Массовый исход (переселение) жителей хутора Бударин произошел через несколько лет после завершения строительства Цимлянской ГЭС. В это время и стало ясно, что государство обмануло жителей хутора, ранее обещая им всевозможные блага. Оказавшись отрезанными от цивилизованного мира, став анклавом в Сталинградской области, жители населённых пунктов бывших в Кучугурах, стали переселяться на новые места жительства уже по своему усмотрению. За свой счёт, без государственной помощи стали они демонтировать и перевозить своё жильё. Были и те, кто продавали своё жильё за бесценок, или бросали свои жилища ввиду непригодности к сносу.

Коснулись Сорокобатькиных и репрессивные действия со стороны государства в период коллективизации.

В 30-е годы братья Иван Григорьевич и Фёдор Григорьевич Сорокобатькины были раскулачены. Дома у них были отобраны. Иван Григорьевич провёл в ссылке 10 лет и перед войной вернулся в хутор. В его доме размещалось правление колхоза «Дружная Семья». Большой и высокий его дом был перенесён в Боровин.

На том месте, где стоял его дом, Иван Григорьевич построил сарай и жил в нём. «Сжалившись», Власть выделила ему комнату в его же доме.

Внучка Ивана Григорьевича – Тамара Александровна Мазанова продолжит нас знакомить со своей семьёй и событиями доставшегося ей времени:

– Мой отец – Мазанов Александр Яковлевич 1909 года рождения был с незаконченным офицерским образованием. Причина этого была в том, что в начале 30-х годов в наших краях, в том числе и в хуторе Бударин, свирепствовал жесточайший голод. Мать Александра Яковлевича (мою бабушку) привлекли к уголовной ответственности за то, что уже после уборки зернового поля она собирала для семьи колоски – это в то время было страшным преступлением. Делу был дан ход, а результатом этого стало – бабушку отправили в тюрьму, а отца отчислили из военного училища (школы красных командиров).

Несостоявшийся лейтенант, в родном колхозе имени 17-го партсъезда сначала был завхозом, а затем был избран и председателем. Колхоз в то время включал в себя три хутора: Бударин, Аксёнов и Епифанов. Основные направления хозяйственной деятельности этих хуторов были: хутор Бударин – овощеводство и молочно-товарная ферма, хутор Епифанов – садоводство (вишня), виноградарство и молочно-товарная ферма, хутор Аксёнов – овощеводство.

На войну отца забирали из хутора одного. 1-го июля 1941 года, на колхозной лошади он уезжал в обмундировании кавалериста, которое также было справлено за счёт колхоза. На прощанье заехал он на коне в помещение правления колхоза. Правление колхоза размещалось в казачьем доме хозяина из хутора Епифанов, которого в годы коллективизации раскулачили. В горнице отец на коне развернулся, выехал на балкон и с порога галопом поскакал на призывной пункт. Из Цимлы в Персиановку он своим ходом ехал с Алексеем Васильевичем Козловым 1911 года рождения (его сын Виктор Алексеевич впоследствии стал главным врачом Цимлянкой районной больницы) и Семёном Васильевичем Сипливым 1900 года рождения, участковым милиции из станицы Новоцимлянской. Официальных данных нет, но, являясь «государственными» лицами, на войну они отправились в качестве добровольцев. На три месяца отослали их в казачьи лагеря станицы Персиановской, которая находилась между Шахтами и Новочеркасском. Там формировалась Армия, с которой отец попал под Миус осенью 1941 года. Со своей ротой он вскоре попал в окружение, но ему удалось её вывести почти в полном составе, получив серьёзное ранение в правую руку. В Сочинском госпитале руку ему сохранили, хотя функционировала она очень плохо. Там же в Сочи его подобрала другая часть, но долго служить ему в ней не пришлось. В апреле 1942 года отца по инвалидности комиссовали.

Отец был уже в хуторе Бударин, когда на него пришел документ, что считается он без вести пропавшим. Немцы начали оккупацию нашего края. Уже горела Цимла, и оставаться в зоне оккупации отцу было очень опасно по причине того, что неясно было, как немцы отнесутся к тому, кто с ними уже воевал, причём довольно успешно. То, что такая информация попадёт к немцам, он не сомневался.

Решил уходить за Волгу, но с раненой рукой переправиться даже через Дон у него не получилось. Пришлось возвращаться в хутор, который начали занимать сначала румыны, а затем и немцы. Опасность того, что немцам доложат, что в хуторе находится хоть и комиссованный, но офицер Красной Армии, была велика.

Перед тем, как хутор был занят немецкими войсками, к нам домой прибежали три наших солдата. Отец их накормил, объяснив, как им надо уходить, чтобы не попасть в плен. Перед их уходом он попросил, чтобы они не убивали немецких солдат в хуторе. За смерть своего солдата немцы обещали расстреливать большое количество заложников из хуторского населения и сжигать их дома. Солдатики ушли, а отец остался дома.

Хутор заняли румыны, но долго они у нас не задержались. Через несколько дней прибыли немцы. Отца сразу забрали в станицу Нижне-Курмоярскую (Нижний Курман). Трое суток не было его дома. В Нижнем Курмане у немцев уже появилась полевая комендатура, а через Дон начала функционировать паромная переправа. В Верхнем Курмане немцы соорудили понтонный мост, и вскоре через наш хутор началось интенсивное движение немецкой техники. Мимо нашего двора проходила дорога, по которой немцы на своих машинах везли на переправу продукты питания, боеприпасы и другие грузы своим войскам. Двигались немецкие машины из Больших (урочище «Большие») по «болдырёвской» дороге, через Бударин на хутор Уткин (Семёнов). Далее на хутор Комаров и станицу Верхний Курман. Этим же путём немецкие машины возвращались назад. Интенсивное движение было и днём, и ночью. Часто немцы останавливались в хуторе на ночлег.

Вернулся отец из Нижнего Курмана на лошади. Новость, которую он привёз, для нас была очень неприятной. Немцы поставили ему условие – или пуля в лоб, или согласие быть старостой в Нижнем Курмане. Выбрал он второй вариант. Матери объяснял, что, находясь при должности, ему можно будет оказывать помощь населению и, в какой-то мере, собирать и передавать информацию о немцах нашим войскам. С этого момента, с конца июля, отец часто уезжал в Нижний Курман.

Мне было 12 лет, и я уже понимала кое-что в сложившейся обстановке. Однажды к нам домой пришли два солдата, точнее двое мужчин, одетых в нашу солдатскую форму. Они спросили у меня:

- Мазанов здесь живёт?
- Да.
- А где он?
- В Нижнем Курмане.
- Девочка, это твой отец?
- Да.
- Как только твой папа придет домой, ты ему скажи, что мы приходили.

Только никому больше ничего не говори. Отцу скажи, что мы постараемся его повидать. – Отец приехал, и я ему всё рассказала о разговоре с неизвестными мужчинами.

Сразу за нашей усадьбой начинались Кучугуры. Отец туда ушел, а вскоре вернулся. Маме он сказал, чтобы она испекла хлеба. Также он ей сказал, что в нашем огороде будут подкапывать картошку, и чтобы об этом никто, кроме нас, не знал. Кто был у нас и кто подкапывал картошку – не знала.

Ездят немцы мимо нас, иногда останавливаясь на ночлег, а к нам стал приходить их пленный мальчишка, ну такой молоденький пацанчик. Мама его спрашивает:

– Толя! Хочешь жить у нас?

– Хочу.

Так и остался он у нас. Нам он сказал, что он из ФЗУ (фабрично-заводское училище) Сталинграда, а фамилия его – Тюлькин. Потом выяснилось, что он 1925 года рождения и до плена уже служил в армии. Стал жить он у нас, по хозяйству помогать. На корове за дровами с мамой ездил.

Ближе к Новому году уже стала слышна канонада наших стреляющих пушек. Вскоре отец приехал на лошади. Сказал он нам, что придётся ему вместе с немцами отступить. Мы в слёзы, сидим и плачем, а он нам говорит:

– А вам легче будет, если на ваших глазах меня застрелит любой солдат с передовой, и ему за это ничего не будет? Я вернусь! – были его последние слова, которые он нам сказал перед тем, как уехать.

Толику Тюлькину отец перед отъездом сказал, чтобы он выкопал за огородами яму-окоп. Объяснил он ему, что советские войска будут наступать со стороны Верхнего Курмана, передвигаясь мимо нашего двора. Окоп Толик выкопал и накрыл его.

Под вечер 30 декабря 1942 года к нам на Куток прибыло много немецких машин. Все эти машины подогнали они под самые дома. Толик моей маме сказал:

– Тётя Маруся! Надо постель и тёплые вещи перенести в окоп, на всякий случай.

Отнесли мы всё это в окоп и сами туда отправились. Вместе с нами в окоп отправилась моя двоюродная сестра и соседка Галя Костенко со своей дочкой Клавой. Уже стемнело, а мы сидим в окопе и в страхе, и в тревоге – тому у нас было основание. Толик Тюлькин, обратившись к маме, сказал:

– Тётя Маруся! Пойду я посмотрю, что там у нас в доме делается.

Сказал и ушел, а мы остались. Через некоторое время мама нам сказала:

– Что-то Тольки долго нет. Пойду я посмотрю, что с ним?

Ушла, и её уже долго нет, а мы сидим в окопе, ждём. Ждать нам надоело, и мы все вернулись домой. Окоп от дома находился на приличном расстоянии, не менее полукилометра. Подходим к дому, а немецких машин уже и след простыл. В доме горит керосиновая лампа, а Толик и мама сидят, играют в карты. В доме было холодно, поэтому пришлось затопить печку. Вскоре от печки стало теплее. Часов в 11 вечера раздался в дверь стук. Анатолий подходит: – Кто?

– Свои, открывай!

Оказалось, что это пришла наша разведка.

– Немцы в хуторе были?

– Были.

Далее они расспросили нас о немцах, о количестве автомашин, были у них и другие к нам вопросы. Разведка ушла, а Куток стали занимать наши войска. Занимали они все жилые дома, кухни, сараи, сенники, набиваясь в них, как селёдка в бочки. В нашем доме заселились офицеры, видимо, это был штаб наступающих войск. Около дома расставили часовых.

Войска были только у нас, на Кутке. Были они потому, что от него начиналась «болдырёвская» дорога. «Бдительные» хуторяне уже рассказали военным, что хозяин этого дома работал при немцах старостой. В наказание нашей семье, у нас зарезали корову на питание, а маме пришлось варить борщ, чтобы кормить голодных солдат.

Утром 31 декабря, часов уже около одиннадцати, мама сказала мне:

– Сбегайте с Клавкой в окоп, посмотрите, а то, может, там уже всё растянули. Пошли мы к окопу, а Толик остался с мамой помогать готовить солдатам пищу.

Идём к окопу и видим, летит «рама» – немецкий разведывательный самолёт. По дороге идут колонны наших солдат, некоторые из них тащат по снегу в тазах пулемёты. По «болдырёвской» дороге, мимо брошенных немцами машин, наши войска шли в сторону «Больших».

Мы были уже около окопа, видим – со стороны хутора Уткина разворачиваются три немецких самолёта, начав бомбить колонны наших войск. Мы всё это видим, а сами стоим, разинув свои рты. Подбегает к нам наш солдат, толкает нас в окоп и сам туда прыгает. Взрыв неподалёку разорвавшейся авиабомбы оглушил нас. Сидим в окопе мы оглохшие и таращим свои глаза от страха.

Самолёты отбомбились и улетели. Немецкие лётчики промахнулись, не попав бомбами в колонны наших войск. Всё обошлось для наших войск благополучно, ранило только одного солдата. Бомбы попадали за огороды, ближе к нашим домам. Когда мы вылезли из окопа, то неподалёку от него увидели огромную воронку от бомбы – в неё казачий дом можно было бы воткнуть, а на дне воронки уже появилась родниковая вода. На этом месте потом выросла верба, видимо, кто-то бросил вербовую палку в воронку. Окна в домах от взрыва почти все были выбиты, а некоторые печки попадали на пол. Мама находилась в это время во дворе, но Толик успел её столкнуть в выход от колодца-копанки и сам туда успел спрыгнуть. Всё обошлось и для нас, и для военных относительно благополучно. Потом мама отправила меня в Борвин – там жил мой дедушка – Иван Григорьевич Сорокобатькин 1870 года рождения. Жил он в бригадном доме, который до раскулачивания был его личным домом.

После того, как хутор был освобождён, начались разборки с нашей семьёй. Так как отца дома уже не было, то ответственность за то, что он был старостой, переложили на мою мать. Её вызывали куда надо, допрашивали, разговаривали с ней так, как будто это она была старостой в Нижнем Курмане. Информация об отце появилась только после смерти Сталина. А до того в Нижне-Курмоярский стансовет о нём приходили запросы из Украины.

Так как отец пользовался и в хуторе, и в станице почётом и уважением, то и харак-

теристика на него отправлялись по местам запросов вполне положительные. Только после смерти Сталина отношение к тем, кто был в оккупации, в плену, изменилось к лучшему, а до того для них была одна мерка – десять лет лагерей (минимум) на стройках народного хозяйства. У меня двоюродный брат Аксёнов Евгений Алексеевич 1925 года рождения со своим отцом Аксёновым Алексеем Андриановичем 1902 года рождения, родом они были из Нижнего Курмана, отсидели по 10 лет на шахтах Кемерово, хотя пострадали они незаконно. Наш сосед – Василий Игнатьевич Костенко, это он с моим отцом пытался переправиться за Волгу, но у него тоже ничего не получилось. После освобождения хутора, его забрали в штрафную роту, где и погиб он на фронте.

Домой отец приехал в 1956 году. Я его спросила:

– Как же тебе удалось уйти от ответственности за то, что ты был станичным старостой? Ведь в то время срок давали и за меньшие провинности.

Он рассказал мне, что с немцами отступал до Харьковской области, а потом, сбежав от них, явился в ближайший военкомат. Там он всё рассказал, от начала и до конца, включая и учёбу в школе красных командиров. Из военкомата как раненого советского офицера его отправили в Москву. В Москве на каком-то сборном офицерском пункте пробыл он три месяца, ожидая своего «покупателя». С его ранением в правую руку он, видимо, никому не был нужен.

Не дождавшись решения своего вопроса, написал он письмо в Министерство обороны. Написал, что готов воевать, а быть нахлебником, проедавая в такое тяжелое время солдатский паёк, ему стыдно. Вскоре пришел ответ. В нём предлагалось ему вернуться в Харьковский военкомат. Там предложили ему работать в школе учителем. Пришлось объяснять, что учитель из него будет никакой, что его профессия связана только с сельским хозяйством. Его поняли и направили в Днепропетровск, а там направили в какой-то район работать председателем СельПО.

С этого момента карьера отца пошла вверх, и вскоре его направляют в Кривой Рог. Там он получает квартиру и должность начальника торгового отдела. Уже значительно позже, в Кривом Роге его «отыскал» орден Красной Звезды за то, что в первый год войны от уничтожения он спас свою роту. Долго лежал где-то его орден. Был он уже на пенсии, когда в Кривом Роге вызвали его в военкомат, и торжественно вручили орден Красной Звезды, который «искал» его почти 30 лет.

Моя мама – Сорокобатькина (Мазанова) Мария Ивановна 1907 года рождения умерла рано, в 1952 году, когда об отце ещё ничего не было слышно. В Кривом Роге отец женился, и у меня потом, по отцу, появился родной брат Юрий. После того, как в 1977 году отец умер, мои новоявленные родственники отношения со мной «свернули», опасаясь, что я буду претендовать на квартиру в Кривом Роге, которая находилась в центре города.

Анатолія Тюлькіна після звільнення хутора знову призвали в армію. Родом він був із Удмуртії. З армії він писав нам листи, присилав фотографії, но зустрітися з ним нам більше так і не вдалося, хоча після демобілізації він обещав к нам приїхати. Що з ним стало – ми так і не узнали.

От автора. Начну с того, что, по словам Тамары Александровны, многое из того, о чём она мне поведала, являлось семейной тайной семьи Мазановых и разглашению до сегодняшнего дня ею не планировалось.

Время неумолимо отсчитывает отведённые нам годы жизни, которых с каждым прожитым годом становится всё меньше и меньше. Видимо, Тамаре Александровне и решать, чтобы её воспоминания стали достоянием памяти будущего поколения ещё при её жизни.

Вряд ли когда-нибудь мы узнаем о том, что на самом деле было плюсом и минусом в поступках Александра Мазанова. Интуиция мне подсказывает, что органы НКВД санкционировали его согласие на «работу» старостой станицы Нижне-Курмоярской, иначе никакие заслуги первого года войны его бы не спасли. Учитывать необходимо и то, что в начале 30-х годов органы ОГПУ его охарактеризовали с очень отрицательной стороны:

– Мазанов – кладовщик, из зажиточных казаков, отец жандарм, служил у белых подхорунжим, эмигрировал за границу.

(«Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД 1918-1939 гг.», том 4, стр. 99).

Получив такую «характеристику» в 30-е годы и приплюсовав туда работу старостой в военные годы оккупации – можно было «рассчитывать» как минимум лет на 25 и это при хорошем стечении обстоятельств. К Александру Яковлевичу никакие репрессивные меры приняты не были, а это говорит только об одном – его действия были под контролем «органов», и его отступление с немцами тоже входило в их планы.

Перевоорот 1917 года стал участника 1-й Мировой войны – Якова Константиновича Мазанова в польском городе Августове. Служил он во 2-м Донском казачьем полку, который с 1870 года здесь нес кордонно-пограничную службу, а Польша в то время входила в состав Российской империи. Вместе с Яковым Константиновичем находилась там и вся семья – жена Федосья Павловна (Болдырева), дети: Евдокия Яковлевна, старшая дочь 1903 года рождения, умерла в 1963 году в Цимлянске, сыновья: Александр Яковлевич 1909 – 1977 г.г. (умер в Кривом Роге) и Николай Яковлевич 1911 – 1980 г.г. (умер в Аксае).

Когда началась 1-я Мировая война, Яков Константинович сумел отправить свою семью на Дон, в свой родной хутор Бударин. Багаж, отправленный по железной дороге, пропал, а потому в родной хутор семья вернулась «налегке». Видимо, Яков Константинович не мог изменить данной им присяге и дезертировать с фронта.

Казак на Дону, если был он не лодырь и алкоголик, обязан был жить зажиточно, в крайнем случае, лучше, чем на территории остальной Российской империи. Было бы странно, если бы Тамара Александровна не коснулась темы голода, который является неотъемлемым атрибутом как военного, так и послевоенного времени:

– В июле месяце 1942 года со стороны Верхнего Курмана по «болдырёвской дороге» немцы гнали колонну военнопленных наших солдат в сторону станицы Хорошевской, где в то время уже действовал лагерь советских военнопленных. Человек двести было в этой колонне, а шли они под конвоем 6 немецких солдат, у которых в качестве помощников были собаки – овчарки.

Семён Кишенин. Война глазами очевидца. Начало войны и оккупация

Со стороны хутора Уткина колонна вошла в наш хутор. Прямо над дорогой, возле усадьбы Гали Костенко находился колодец, который ей и принадлежал. Колодец не имел сруба, а располагался между двух громадных вербовых деревьев. Ступеньками для спуска к воде служили корни этих самых верб. Вода в колодце была холодная и вкусная, но имела кремоватый оттенок.

Колонна остановилась, и пленные стали располагаться в тени этих верб на водопой, а к нам домой пожаловал немецкий солдат. Он попросил у мамы ведро и кружку. Русским языком владел он плохо, потому и объяснялся он больше жестами. Мама дала ему ведро и кружку. Спросила она у немца – можно ли пленным дать что-нибудь покушать. Немец кивнул утвердительно. Какой дома у нас был хлеб, у Гали Костенко и других соседей, мы отдали пленным, но этого оказалось недостаточно. Пленные были настолько голодными, что начали вырывать куски хлеба друг у друга. Во дворе у нас лежала большая куча тыквы. Урожай этим летом был отменный, поэтому куча эта предназначалась для скармливания птице и животным.

Уже построенные в колонну, пленные увидели кучу тыквы (кабачек).

– Тётя! Режь кабачки кусками и кидай нам, – попросили они.

Немцы ещё в самом начале поставили условие – продукты не давать в руки, а кидать в толпу. Возможно, что они опасались того, что в руки пленных может попасть и оружие. Пришлось нам резать тыкву на куски и бросать нашим солдатам. Ловили они куски тыквы и сразу начинали её грызть. Куча тыквы заметно убавилась, и вскоре пленные двинулись по «болдырёвской дороге в сторону хутора Пронина, а далее на Цымлу.

Румыны у нас в доме не квартировали, они жили в соседнем доме у Степановых Ивана Меркуловича и Василины Михайловны – это родители Валентины Ивановны Степановой (Токмачёвой).

Настоящий голодя узнала, когда в 1947 году училась в станице Константиновской, в техникуме на ветфельдшера. Голод был страшный, многие умирали голодной смертью. В нашей группе на начало занятий было 32 человека, а к концу учёбы осталось 18 человек – голод и смерть были причиной такого страшного отсева. Это время я и по прошествии уже многих лет не могу забыть и вспоминать без страха и содрогания. А мы-то сейчас критикуем свою жизнь, высказывая ей свои недовольства...

Постскриптум. Признаюсь, меня приятно удивила память Тамары Александровны. Казалось, что 86-летняя хозяйка дома как телетекст читала то, что произошло более 70 лет тому назад, ещё в пору её детства. Можно уверенно сказать, что своё «поле» Тамара Александровна перешла достойно, оставляя для будущего поколения добрую и вполне заслуженную память!

А.Константинов. «Цимла. Время выбрало нас», стр. 44-56.

В 1941 году мне исполнилось 10 лет, и в этом же году я окончил 3 класса Карнауховской школы. Война началась, но в нашей местности повода для беспокойства ещё не было. Ни у кого и в мыслях не возникало, что мы окажемся под оккупацией. Поверить в то, что немецкие войска дойдут до нас, нам пришлось уже в начале лета 1942 года, когда нас, мальчишек, начали привлекать к рытью окопов и траншей. Долго копать мне не пришлось по причине того, что на рытье окопов у меня произошел вывих ноги.

Детство брало верх, даже и в это, уже тревожное время. Мой одноклассник Иван Саранчин, догоняя, прыгнул на меня, и мы упали в уже вырытый окоп. Это падение обошлось мне вывихом ноги. Ногу мне «вправила» бабка Фрося-соседка, а вот воспользоваться нашими оборонительными сооружениями нашим отступающим войскам не пришлось – слишком стремительное было наступление немецких войск.

Уже в августе в нашем хуторе появились румыны. Двигались они к нам со стороны хуторов Каширкина и Ионова через Хорошевскую. Колонна их цыганских кибиток растянулась километра на четыре. Не ожидая от них ничего плохого, народ вылез из своих хат посмотреть на это войско, и напрасно, уже вскоре закудахтали куры, завизжали свиньи, заревели коровы – начался «цивилизованный» грабёж. Пробовали к ним обращаться, взывая к совести и состраданию – безрезультатно. Румыны, лопоча на своём, наставляли на нас винтовки.

Пятеро румын подошли к моей матери (Кишенина Акулина Денисовна 1888 года рождения, дочь атамана из хутора Великанов – Борисова Дениса Ефимовича), предлагая ей, чтобы она пекла им хлеб. Свой отказ печь румынам хлеб моя мать аргументировала тем, что выпечка большого количества хлеба ей просто непосильна. Надо ставить приделку, замешать тесто и несколько раз его перемешать, протопить печь и прочее, прочее.

Я и отец тоже пытались объяснить румынам, что Акулина Денисовна не может выполнить их заказ. Всё закончилось тем, что обзлётый румын ударил отца прикладом винтовки в грудь. От сильного удара отец упал на землю. Мы занесли его в хату, уложили на кровать, надеясь, что всё для него обойдётся благополучно, но всё оказалось гораздо хуже, чем мы думали. Отец не поднимался, а здоровье его стало с каждым днём ухудшаться. Немецкий врач, которого мать в отчаянии пригласила, пытался лечить отца, но безрезультатно.

– Пан! Помоги, вылечи, – просила она, обещая отдать немцу в подвале спрятанную гуску.

Немецкий врач, посмотрев на нас, шестерых детей, стоящих около отца, произнёс:

– Матка! Не надо – дети, дети... а пан твой капут!

Не призванный по «брони» и возрасту на войну Кишенин Алексей Андреевич 1894 года рождения умер 21 декабря 1942 года от нелепого по своей сути случая.

Румын, как это ни странно, наказание понёс. Когда он ударил отца прикладом винтовки в грудь, в это время в хуторе находились немецкие солдаты. Мы пожаловались им на румына, показали пострадавшего отца. Немцы приказали нам зайти в дом, а сами закрыли ставни и заткнули прогоны. Возле каждого окна нашего дома стоял немецкий солдат. Мы испугались, решив, что немцы задумали что-то недоброе. Мысль, что немцы могут поджечь дом вместе с нами, не покидала нас до тех пор, пока они не открыли дверь и закричали:

– Матка! Выходите, мы ему «дали».

Мы вышли. Румын, ударивший отца, стоит привязанный к забору, избитый плетьюми, он громко скулил или от боли, или от обиды. Без объяснений было видно, что союзники ему хорошо ввалили...

Гибель Цымлы

Началу оккупации нашего района предшествовала очень сильная бомбёжка станицы Цымлянской. Немецкие лётчики бомбили нашу станицу методично, их самолёты волна за волной накатывались, сбрасывая свой смертоносный груз. Безнаказанно разворачивались самолёты над нашим хутором и вновь сбрасывали бомбы на пылающую станицу. Началось всё это так: обоз сопровождения колхозного скота за Волгу стоял недалеко от хутора. Мой отец забыл дома плётку и послал меня за ней. С другом Мишкой мы побежали ко мне домой. Ещё не добежав до хутора, услышали какой – то гул. Озираясь, увидели в небе три немецких самолёта – один спереди, а два других за ним по краям. Самолёты блестят, как зеркало. Перевели мы взгляд с самолётов вниз, в сторону Цымлы, а там уже над станицей поднимаются чёрные клубы дыма. Через некоторое время донеслись звуки взрывов. Потом в небе прямо над обозом появился немецкий самолёт. В обозе находился политрук – откуда он и зачем он с нами был – не знаю. Политрук из автомата стал по нему стрелять. Развернувшись, самолёт дал очередь по обозу. Разбежались мы кто куда. Я с Иваном Саранчиным и его матерью оказались в глубокой балке, которая была неподалёку от хутора. Слышим опять гул немецких самолётов, которые летели в сторону Цымлы. Тридцать самолётов мы насчитали, а через некоторое время – ещё тридцать самолётов. Четыре волны по тридцать самолётов мы насчитали. Мы лежим на земле, а нам кажется, что бомбы падают неподалёку, а не километрах в десяти от нас.

Когда немного всё поутихло, стали мы выбираться из балки. Смотрим, а Цымла вся в огне и дыму. Начали собираться к обозу, там нашёлся и мой отец, живой и невредимый.

В небе появилась «рама», от которой полетели листовки. Отец мне:

– Беги сынок, принеси.

Бежал я долго, почти до самого хутора Калачёвского – километра три, не меньше. Поймал одну я листовку и несу её к обозу, там уже и председатель колхоза объявился. Текст листовки гласил:

– Граждане! Не бойтесь, мы вас не тронем! Готовьте курки, молоко – мы от вас недалеко!

Обоз никуда не пошел. Немцы кругом нас обложили, ни скот, ни технику гнать было невозможно. Весь скот немцы потом порезали и пожрали, а что не пожрали, то вывезли, возможно, под Сталинград.

Отступление наших войск

Июльским вечером через наш хутор шли отступающие наши войска. Мы катим качку (тачку), груженную необходимыми пожитками и продуктами питания, в сторону огорода. Идущие навстречу наши солдаты кричат нам:

– Куда вы катите?

– На огород.

– Да там танки немецкие, они вас подавят. Идите в свои дома.

Мы разворачиваемся по направлению к своим домам. Идут другие:

– Куда вы идёте?

– Домой, к себе, – отвечаем мы.

– Прячьтесь в балках, рвах, огородах. Немецкие танки идут, они ваши хаты раздавят.

Несколько раз мы туда-сюда то шли, то возвращались. Плюнули потом на всё, решив, что, если умирать, то в своих хатах. Спустились в подвал своего дома. Отец остался на улице, затем и я к нему присоединился. В ночном небе со стороны Цымлы «шарят» прожектора, выискивая немецкие самолёты. Без конца стреляют пушки (зенитки), охраняя переправу через Дон. Наши отступающие войска, стремясь попасть на переправу, разворачивались около Хорошевской МТФ, значительно срезая угол дороги, попадая на солончаки. Очень много машин и другой нашей техники застряло в этих солончаках. Застрявшие машины и другую технику наши взрывали или сжигали, чтоб не достались немцам. Мы с Сергеем Клевцовым потом после освобождения пасли колхозную скотину и обследовали эту брошенную технику, а до оккупации мы тоже там пасли крупнорогатый скот.

Однажды, заигравшись, забыли мы про своих животных. Слышим: Б-я-я-я! Смотрим, а волк уже сидит на телке. Подбежали. Сергей с чекмарём (палка с металлическим наконечником), а я свой не успел схватить. Волк, отпустив телка, метрах в пяти от нас стоит, оскалившись, но на нас не бросается. Этого волка мы отогнали, а Сергей за другим волком погнался. Встречаемся потом, а Сергей бледный как мел – оказалось, что он ещё несколько волков повстречал, но всё для него обошлось без тяжких последствий.

Скотина сбилась в кучу, веером выставив кругом рога. В стаде у нас был «гоняцкий» бугай. Выставив рога, он безбоязненно идёт на волков, а они от него убегают. Мы с чекмарями поближе к нему – так и отбились, угнав скотину к МТФ.

Волки появились у нас в большом количестве, когда ещё наши отступали. Они у нас всех собак порвали. Очень хитрое и умное животное. За такую опасную, с

риском для жизни работу нам доярки в обед давали по литру молока, да и сами мы иногда доили одну «дружелюбную» корову. Попьём молочка мы парного – и жизнь становилась милее...

Гнев румына

Осенью 1942-го года со мной произошел случай, который мог мне стоить жизни. У нас с Николаем Любимовым были рогатки, которыми мы пользовались, состязаясь в меткости, а иногда мы из них «обстреливали» друг друга. Однажды наша дуэль закончилась тем, что из рогатки я случайно попал под глаз румыну, которого я не заметил, когда он оказался в зоне наших состязаний.

Румын с перекошенным лицом бросился ко мне, но я, поняв, что со мною будет, чудом вырвавшись из его рук, пустился наутёк. Над берегом речки (балка Котлубань) я пробрался в свой сад. В саду залез на грушу, подкрепился уже поспевшими плодами, размышляя, что делать мне дальше.

Домой, опасаясь, что румын подкараулит меня, я решил возвращаться, когда уже совсем стемнеет. Стемнело уже давно, и я крадучись приблизился к своей хате. На румына я наткнулся в то время, когда решил уже, что быть в это время он никак не мог.

Схватил он меня за шиворот. Зная, что со мной может произойти, я взмолился:

– Пан! Прости меня, я не хотел. Я нечаянно!

– Видишь, что ты наделал. А если бы ты попал мне прямо в глаз? Если бы я тебя поймал тогда сразу – убил бы прямо на месте, – ответил мне уже «остывший» румын.

– Пан! Прости. Я не хотел, мы играли...

– Скажи спасибо своим старшим сёстрам. Это они меня уговорили, чтобы я тебя не трогал. У меня дома тоже такие сорванцы, как ты, есть.

Румын ушел, а я ещё долго после этого не смог уснуть, слишком велик был мой испуг.

Отступление немцев

Отступление немцев началось часов в десять вечера. Было это в конце декабря или в начале января 43-го. Ночь была тёмная, снега почти не было, да и было не очень холодно. Немец, который у нас жил, мне говорит:

– Чемодан, чемодан! Пошли!

Я чемоданы взял, и мы вышли на улицу. Там творилось что-то невообразимое. Одна за другой двигались мимо нас машины, ослепляя фарами, обдавая копотью выхлопных газов, забивая глаза песком. Дошли мы до балки (над ней жил Николай Некредин), а там стояла крытая грузовая машина.

– Лезь, лезь! – командует мне немец.

Хоть я и боялся, но в кузов полез. Немец подал мне чемоданы. Я поставил их в кузове и попытался слезть с машины.

– Сидеть, сидеть! – приказал мне отрывисто немец.

Притаился я в уголке у заднего борта кузова, а мысль не даёт мне покоя – куда

повезут, и что со мною будет? Решение пришло одно – бежать при первой возможности. Наша машина только тронулась, а тут и другие немецкие машины пошли – ничего не видать. Изловчившись, я прыгнул вбок от нашей машины и, кубарем в балку. Вдогонку мне прострочила автоматная очередь, но для меня всё это обошлось благополучно. Немцы думали, что я побегу, а я, притаившись, лежал в прошлогодней высокой траве.

Уже потом, когда немцы отступили, я пришел к выводу, что немец, наверное, хотел меня отправить в Германию.

Похоронная команда

Через некоторое время после того, как хутор Карнаухов был оккупирован, немцы стали привозить к нам для захоронения своих убитых солдат. Где они были убиты, мы не знали, но было ясно, что они были со стороны сталинградского направления. Убитых было много, человек триста, а то и более.

Немцы нас заставили копать могилы для своих солдат и производить их захоронение. Хоронили их без гробов, как были они в обмундировании, так и укладывали их в могилу, ничего не снимая. На могильный холмик немцы сами ставили свой крест. Были ли на них таблички или надписи – не помню.

Время шло, шло, и уже перед нашим наступлением хоронили мы погибших наших разведчиков – двенадцать бойцов. Моя мать ходила смотреть на место их гибели, а заодно поискать какие-либо трофеи (одежда или продукты питания).

После освобождения нам выделили быков с возилкой. Мы перевезли убитых наших разведчиков для захоронения их в общей могиле. Потом на этой же возилке стали вывозить на скотомогильник трупы немецких солдат. Скотомогильник находился за хутором – туда мы и свозили трупы немцев. Трупы мы не обыскивали, только один раз Сашка Семенцев пытался снять кольцо с пальца убитого немца. Кольцо не поддавалось, тогда отрубил он лопатой немцу палец и снял кольцо. Этот случай я помню, а были ли другие случаи – не знаю. Немцев, всех выкопанных, мы вывезли на скотомогильник, а могилы зачистили и закопали.

Когда хоронили наших разведчиков в братской могиле, я их всех обследовал. Если пуля попадала в грудь солдату, то спина была вся вырвана, а если пуля попадала в спину, то вырвана была вся грудь. Это значило, что стреляли немцы запрещёнными разрывными пулями, после которых шансов даже быть раненым у бойца не оставалось.

Бюст Ленина

Это было ещё до войны. Дед Иван Любимов, Иван Дервянкин и мой отец в нашем хуторе построили магазин. До самой оккупации в этом магазине велась торговля, а подвал использовался как склад. Когда немцы пришли, то и магазин, и подвал стали использовать под свои продовольственные товары. От ненужного, по их понятию, хлама они очистили помещение магазина, в том числе и подвал. Из подвала на улицу выбросили они и бюст Ленина (по пояс), который там лежал, видимо, давно.

Долго лежать «вождю мирового пролетариата» около магазина не пришлось. Мы, пацаны, подошли посмотреть – я, Генка Коновалов, Николай Клёнкин, Панкрат Семёнов и Сашка Матузков – и видим, что возле бюста стоят дед Стеша Белоусов и его старший сын Фёдор. У деда Стеши в руках был молот.

– А-а-а! Какая власть – такая и масть! – с такими словами дед Стеша долбанул молотом по бюсту.

– А-а-а! Какая власть – такая и масть, – это Фёдор приложился молотом к нижней части бюста.

Воспользовавшись тем, пока немцы угощали их шнапсом, мы неразбитую голову Ленина столкнули в балку, которая находилась почти рядом. Голова по склону укатилась в заросли, там она так и осталась лежать до самого конца оккупации.

После освобождения хутора от немцев Фёдора призвали в Красную Армию. Однако воевать ему не пришлось. Уже на сборном пункте, где-то под Ростовом, он или случайно, или намеренно угнал стоящий там мотоцикл, решив на нём покататься. На мотоцикле протаранил он ограждение из колючей проволоки. Весь ободранный, без мотоцикла явился он на сборный пункт, где и был арестован. «Органы» дали запрос в хутор, где им, по-видимому, дали «лестную» характеристику на Фёдора, припомнив и вандализм с бюстом Ленина. Скоротечный трибунал вынес приговор – расстрел, который был также скоротечно приведён в исполнение.

Голод

1943-й год, наряду с освобождением, принёс в нашу семью и ужасный голод. Голодали тогда многие, но у нас случай был особый. Многодетная семья, оставшись без кормильца, в полной мере испытала «прелести» голодного времени. В двенадцатилетнем возрасте, чтобы не умереть с голоду, мне пришлось освоить профессию попрошайки.

Побывать, прося милостыню, мне пришлось во всех окрестных хуторах. Довелось мне побывать в станице Новоцимлянской, в хуторе Ремизове и в хуторах, которые находились в Кучугурах. Мельник хутора Ремизов Басай Григорий Корнеевич поделился со мной мукой, а знакомство с ним пригодилось мне и значительно позже.

Когда на Дону открылась навигация, то из станицы Цымлянская на пароходе «Молотов» я отправился вниз по реке. Война ушла уже за Ростов, и некоторые жители хутора Карнауховского, прослышав, что в Раздорах был хороший урожай кукурузы, решили туда ехать – кто купить, кто на что-то обменять. Отпросился (голод выбора не оставлял) у своей матери и я.

– Езжай! Может, хоть ты живой останешься! – напутствовала меня моя мать.

Пароход на пристани Цымлянской уже был готов к отплытию. Денег на билет у меня не было – решил проситься ехать без билета. Возле трапа сидел старичок, принимающий у пассажиров билеты.

– Дедушка! Пусти меня на пароход, я в Раздорах хочу милостыню попросить!

– Беги сынок, беги, – сжалился надо мной сердобольный дед.

Пароход отчалил от пристани, и поплыли мы вниз по Дону.

– Дядя! А в Константиновке пароход будет долго стоять? – обратился я к своему соседу.

– А что ты там хочешь делать?

– Хочу я там милостыньку попросить. Я очень кушать хочу, – ответил я.

– Сынок! Пароход там будет стоять два часа. Смотри не опоздай, а то отстанешь, – ответил мне сосед-дядя.

В Константиновке за время стоянки парохода мне удалось выпросить продукты у сжалившихся надо мной людей. Кто-то дал несколько варёных картофелин, кто-то кусочек хлеба, домашнего сыра и так далее. Короче, в сумке у меня появился продуктовый паёк, который вселял в меня уверенность, что теперь с голоду я не умру.

В Раздорах была совсем другая жизнь. Играл духовой оркестр, а девки на пару с мужиками танцуют прямо на пристани. Пришлось задуматься над тем, где придётся мне ночевать? Увидев небольшой домик на кособоре отправился туда. Бабушке-хозяйке перед тем, как проситься на ночлег, объяснил – кто я, откуда и цель моего приезда в Раздоры. Выслушав, бабуся пообещала меня накормить, а с ночлегом посоветовала обратиться к её соседке. Налила она мне домашней лапши, которая оказалась необычайно вкусной. Даже по прошествии уже многих лет, мне и сейчас кажется, что вкусней той лапши я никогда в жизни ничего не ел.

Соседка, у которой я заночевал, посоветовала мне рано утром не идти просить милостыню.

– Сынок! Как только хозяйка управится со своими домашними делами, тогда и иди, – напутствовала она меня.

Подаяния были щедрыми. Кто-то давал котелок кукурузы, другие давали зерно, отруби, макуху и прочие продукты. В одном доме мне долго не открывали. В щель я увидел, что во дворе там играют в лото. Я уже уходил, когда меня окликнули:

– Мальчик! Ты что хотел?

Я объяснил, что хожу и прошу милостыню.

– Подожди! – сказала мне хозяйка.

Четыре ведра кукурузы высыпала она мне в мешок. Добрými словами отблагодарил я её, отправившись к бабуся, которая кормила меня лапшой.

Тяжелый мешок я еле до неё дотащил. Высыпав содержимое мешка на воловище, я вновь с пустым мешком отправился просить милостыню. Помимо кукурузы, на этот раз мне больше давали куски хлеба – всякие по размерам.

Больше трёх мешков продовольствия насобирал я, всё оно скопилось во дворе у бабуся. Вопрос о том, как перенести всё это на пристань – повис у меня в воздухе. Однако удача опять была на моей стороне. На пристани я встретил дядю Сашу – друга моего отца. Он специально ездил покупать кукурузу, поэтому с ним было человек пять помощников. Дядя Саша дал им команду, и весь мой груз ими был доставлен на пристань, а затем его перенесли и на подошедший пароход. С помощью дяди Саши я без билета оказался на пароходе.

Уже в Цымле у меня снова возник вопрос – как добраться до Карнаухова, до которого было десять километров. И вновь удача! Откуда ни возьмись, на пристани появилась Лена Евдокимова – подруга моей сестры Фаины (Анфисы). Лена возила из хутора в станицу Цимлянскую молоко. С ней перетаскал я свои мешки на возилку с быками. Из одного мешка захватил руками я куски хлеба и высыпал ей в подол.

– Спасибо, спасибо! – радостно благодарила она меня.

Я тоже, сытый и довольный, пешком отправился в свой хутор. Дома никого не было. Прямо на стол высыпал я кучу кусков хлеба и убежал играть.

Мать не поверила своим глазам, когда увидела такое добро на столе и в таком количестве, да ещё мешки с зерном и кукурузой. То с одной стороны подойдёт и отщипнет кусочек хлеба, то с другой стороны, ещё не веря в привалившее счастье.

Самое страшное время голода отступило от нашей семьи, а потом, помимо сусликов, стал ловить я для питания черепах. По берегу балки Котлубань, раздевшись, ходил я телешом. Под берегом в шмаре (тина), вижу, торчит голова черепахи, я её хватать и в мешок. Таким образом мне удавалось отлавливать до десятка черепах, которые были отличным подспорьем в нашем рационе питания. Старшие мои сёстры до самых морозов занимались отловом ракушек для нашего питания.

Мясо у черепах было очень вкусное, как курятина. Если бы и сейчас была – ел бы с удовольствием.

Когда немцы отступали, то, видимо, за ненадобностью бросили кусок металлической сетки. С её помощью, как волокушей, удавалось ловить мне и раков, и мелкую рыбёшку. Так и выживали мы в тех невыносимо тяжелых условиях. До сих пор мне непонятно, как тогда удалось побороть нам смерть голодную. Для меня это и сейчас – загадка необъяснимая.

От автора. Не буду комментировать я то, что мне рассказал Семён Алексеевич Кишенин. Всё им рассказанное тяжело поддаётся осмыслению – остановлюсь же на том, что дополнительно мне известно об этой семье.

Очень хорошо знал и помню Акулину Денисовну (1888-1982). Жила она в последние годы в Цимлянске – улица Ломоносова, 29, была соседкой моей старшей сестры Валентины Глебовой (Ломоносова, 36). Соседкой была (Ломоносова, 38) и Фаина Кишенина (1928-1989), но в похозяйственных книгах её имя значится – Анфиса. С Виктором Кишениным (1939-1991) мне пришлось работать в Цимлянском цехе связи с 1969 по 1991 год.

Анна Кишенина (Гордеева 1926-2002) жила в станице Калининской. Её сын Николай Витальевич – мой единомышленник по историческим исследованиям и краеведению.

Акулина Денисовна была дочерью атамана из хутора Великанов – Дениса Ефимовича Борисова (1851-1933). Тело убитого Дениса Ефимовича с пробитой головой было найдено в колодце, который был над дорогой между станицей Карнауховской и хутором Средним. Кто убил бывшего хуторского атамана, так и осталось нераскрытым, хотя были свидетели, которые в то время видели там ЧОНовцев в будёновках.

Первым мужем Акулины Денисовны был Савелий Абрамович Родимов, с кото-

рым она венчалась в 1912 году в церкви станицы Карнауховской. Было у них три сына: – Павел Савельевич 1913 г.р. (умер от оспы в младенчестве), Иван Савельевич 1915 г.р. и Николай Савельевич 1917 г.р. (умер в младенчестве). Первой дочерью Акулины Денисовны и Алексея Андреевича Кишениных была Мария (1923-1984).

Родной брат Дениса Ефимовича – Борисов Фёдор Ефимович 1840 г.р. был почётным судьёй в станице Чертковской (1910). Второй брат – Иван Ефимович Борисов за ратную службу имел три Георгиевских креста и две Георгиевские медали 3-й и 4-й степени. Третий брат – Василий Ефимович 1846 года рождения, два Георгия получил ещё в русско-турецкую войну, а его сын Филипп Васильевич был атаманом в хуторе Великанов в 1917, 1918 и в 1919 годах, сразу после Дениса Ефимовича.

Семён Алексеевич Кишенин, единственный из большой семьи Кишениных, в настоящее время проживает в Цимлянске – улица Ломоносова, 29. Это ему мы должны быть благодарны за то, что оставляет для памяти современникам воспоминания о времени более семидесятилетней давности.

А. Константинов. «Цимла. Время выбрало нас», стр. 138-149.

Оккупация

Хутор Челбин (с 23.07.1942 – 02.01.1943 гг.)

Автор рассказа – Галина Михайловна Тарасова (Гордеева) 1935 года рождения, жительница станицы Калининской.

– Когда началась оккупация нашего хутора, мне было 7 лет. Много моим детским умом ещё всерьёз не воспринималось, но то, что в наш родимый край пришла беда – это я отчётливо осознавала. К этому моменту моего отца – Гордеева Михаила Фёдоровича 1896 года рождения, уроженца хутора Бударин – в мае 1942 года уже призвали на фронт. Это была уже вторая война, в которой он принимал участие.

В составе 1-й Конной Армии он с весны 1920 года принимал участие в советско-польской войне. Демобилизован был в 1922 году.

В нашем хуторе сначала появились румыны, а через некоторое время и немцы. Дом наш имел 3 небольшие комнаты, они для нашей большой семьи излишеством не являлись. Следует отметить, что этот дом ранее нашей семье не принадлежал.

Урядник Фёдор Дмитриевич Лавренов 1881 года рождения (мой дед по материнской линии) воевал в составе Донской Армии и в январе 1919 года погиб под Царицыном. Это и стало поводом для того, чтобы осенью 1920 года его хозяйство подверглось полному разграблению. Продукты питания (даже полмешка отрубей), вещи, одежда, весь сельхозинвентарь и домашний скот были и конфискованы, и разграблены. Подворье Лавреновых практически стало непригодным для проживания. Жена деда – Лавренова (Железникова) Мария Викторовна 1881 года рождения, от сильного душевного расстройства сошла с ума и к лету 1921 года умерла, а до того семья Лавреновых заняла брошенный бывшими хозяевами дом и в нём поселились. Бесхозных в то время домов (наследие Гражданской войны) в хуторе было немало.

Для полноты ясности можно добавить и то, что родной брат Марии Викторовны – Пётр Викторович Железников 1893 года рождения, в 1923 году погиб около кургана Разлатный, когда был в составе повстанческого отряда Филиппа Лысова. Видимо, разграбление подворья, в котором жила его сестра, а также её трагическая смерть и стали причиной его вступления в отряд Филиппа Лысова. Был в семье Железниковых и ещё один брат – Василий Викторович, награждённый по итогам «германской» войны 2-мя Георгиевскими крестами, но иной информации о нём не имеется. Венчание Фёдора и Марии Лавреновых состоялось 31 октября 1899 года в церкви хутора Чувельдеева.

Из детей в семье Гордеевых, помимо меня, были: братья Пантелей 1924 года рождения (его сразу после освобождения хутора призвали на фронт), Виталий 1928 года рождения, Пётр 1940 года рождения и сестра Мария 1938 года рождения. Теснота румын не смутила, они нас «уплотнили» в летнюю кухню, а сами в дом набились, как селёдка в бочку. Не стесняясь, они сразу опустошили содержимое наших кастрюль, в которых наша мама – Анна Фёдоровна 1900 года рождения приготовила нам скромную по тем временам еду. «Баргером» за съеденную ими пищу было обещание, что они дадут нам поиграть на губных гармониках – их у них было изобилие. Однако съев нашу пищу и запив её взваром (компотом), румыны удалились в хутор по своим делам. Напрасно мы стали их дожидаться за двором, перед калиткой, потому что вскоре стали свидетелями иной картины событий.

Недалеко от нашего дома, прямо вдоль улицы, немцы построили румын в шеренгу, к которой подвели тётку Стёпу (Драгунова Степанида Андреевна 1904 года рождения). Это потом мы узнали о сути произошедшего, а в тот момент мы только догадывались, что тётка Стёпа стала участницей опознания. Узнали мы, что в этот день за ней по всей улице гонялся румын, явно намереваясь её изнасиловать.

Тётка Стёпа была не робкого десятка. Поняв, что это совсем не безобидный флирт, она на бегу рукой схватила «продукт» коровьей жизнедеятельности и пыталась ударить им наглого румына. Целилась она ему прямо в морду, но он увернулся, и удар пришелся уже по его спине.

Немцы румын недолюбливали, поэтому на жалобу тётки Стёпы среагировали быстро, решив найти его и наказать. Вдоль шеренги передвигалась она в сопровождении немецкого офицера, от одного румына к другому – пока не вспомнила:

– Да у него же спина коровьим говном вся измазана!

Немец шеренгу развернул, и у одного из румын на спине обнаружили коровьи «следы». Били они его, как скотиняку, мы уж думали, что он и живым не останется. С улицы мы в испуге убежали, продолжая наблюдать за «воспитанием» румына уже из открытых окон своего дома.

Взрослое наше население или знало, или догадывалось, что хутор будет оккупирован, поэтому для своей безопасности стало выкапывать на своих усадьбах ямы-окопы. Не остались в стороне и мы. Наша мама, Пантелей и Виталий в нашем саду тоже выкопали убежище-окоп. 23-го июля, играя на улице, стали мы свидетелями

того, как немецкая техника двигалась к месту Красный Яр (бывшее название хутора Челбин). Это место находилось от нас на противоположном берегу речки Цымлянки. Грохот и гул машин и танков разносился по всей округе, пугая и взрослых, и детей особенно. В страхе укрылись мы в окопе, но любопытство детское этот страх пересиливало. Мы видели, как наш солдат в нашем саду под старой большой яблоней стал стрелять из противотанкового ружья в сторону немецкой колонны. После нескольких выстрелов он закричал:

– Мать! Мать! Я попал, я попал...

Было нам видно из окопа, как от танка на Красном Яру повалил чёрный дым, а затем и огонь появился. Увидев, что мать принесла нам в окоп чашку с холодцом, он у неё попросил:

– Мать! Можно и мне «поисть», я так «исть» хочу.

– Ешь, ешь, – сказала она ему, подавая чашку.

Быстро поев, он забрал ружьё и удалился с нашей усадьбы. Мы же, от греха подальше, перебрались к тётке Саше Лавреновой (Лавренова Александра Фёдоровна 1903 года рождения) в погреб.

Этот же погреб стал для нас убежищем и 31-го декабря, когда наши войска после обеда стали освобождать наш хутор. Помимо нас в погребе были и соседи. Мать определила меня в самый дальний угол погреба, а сама пристроилась у выхода. На коленях у меня был двухгодовалый брат Пётр. Было тесно, а на одну мою ногу давила деревянная бочка. Счёт времени был уже потерян, а испугались мы оттого, что крышка (творило) погреба отворилось, и в неё заглянул немец. Матери он сказал:

– Матка! Забирай детей своих, и уходите отсюда. Скоро здесь будет большой бой.

Мы вылезли из погреба и пошли в сторону Кучугур. На улице нашей уже горели два дома. Один большой дом с подвалом принадлежал тётке Паше Грудиной (Грудина Прасковья Фёдоровна 1895 года рождения). В подвале этого дома были и наши солдаты. Немцы из орудий били по этому дому до тех пор, пока он не сгорел вместе с находившимися там солдатами. Неподалёку уже догорал большой дом Демьяна Яковлевича Савватеева 1887 года рождения.

Мы углубились уже в Кучугуры, когда увидели, что со стороны хутора Защымловского к нам бегут наши солдаты. Подбежав, они обратились к матери:

– Мать! Пусти с нами ребят, – сказали они, показывая на Пантелея и Виталия. – Пусть покажут они нам дорогу до Новой Цымлы (станция Новоцимлянская).

Мать стала им объяснять дорогу до Новой Цымлы. Пантелея с Виталием отпустить побоялась, объясняя это тем, что с малыми детьми до хутора Бударин она не дойдёт.

Мы шли долго. Где-то в пути Пантелей с Виталием от нас отстали, а мы вскоре вышли на займище. Там много было наших солдат, особенно раненых. Узнав, что мы идём в хутор Бударин, они нам подсказали:

– Мать! Ты подожди. Скоро туда поедет наша полевая кухня – она и вас туда подвезёт.

Уставшие, мы с Марией присели на брезент. Оказалось, что под ним лежал наш раненый солдат. Он громко застонал, и в испуге мы от него отскочили. Раненых было столько, что ими всё займище полностью было занято.

Узнали мы, что их командир повёл свой полк в атаку на хутор без разведки. Немцы кинжальным огнём из пулемётов косили ряды наступавших наших солдат. Раненого командира полка наградили потом орденом, а надо было за его преступную дурость отдать под суд – так об этом бое говорили раненые и в живых оставшиеся солдаты. Убитые остались лежать в снегу перед хутором, а раненых (их было много) стали за несколько километров перетаскивать в займище.

От автора. Архивные данные дают сведения о том, что хутор Челбин освободил 88-й гвардейский стрелковый полк. Командир полка Д.В.Казак в этой атаке получил пулевое ранение в руку. Наступали советские войска со стороны станицы Нижне – Курмоярской на Челбин и далее на Новозимлянскую.

– Мы подождали, а потом попутно на подводе доехали до Бударина. Пришли в родительский дом, а мачеха (жена моего деда Фёдора Ефремовича) говорит:

– Нюра! Ты детей привела, а чем мы их будем кормить? Пусть Пантелей с Виталием идут в Челбин и приведут сюда корову.

Пантелей остался с нами, а в хутор Челбин отправились моя мать с Виталием. Почти двое суток не было их, а потом за нами вернулся Виталий и забрал нас. Домой вернулись мы к вечеру 3-го января. Расстояние между хуторами было довольно приличное – километров 15, а может, и больше.

Виталий привёл нас домой к тётке Саше Лавреновой, а сам один хотел уйти домой. Мы в рёв – пришлось ему забирать и нас с собой. Домой мы пришли, а мать успела уже хату побанить (помыть). Переночевали мы, а утро встречали уже в мирном, освобождённом хуторе. Оккупация закончилась, и началась хоть и голодная, но мирная, со всеми заботами повседневная жизнь...

Ко всему этому остаётся добавить и то, что ущерб хутору, особенно при освобождении, был нанесён колоссальный. Много было разбитых и сгоревших домов, а оставшиеся почти все были без стёкол в окнах. Этому поспособствовало и то, что советская артиллерия то ли случайно, то ли с умыслом открыла огонь по хутору, когда в этом не было никакой необходимости. Стекло в то время было материалом дефицитным, поэтому в окнах хуторян ещё несколько лет торчали и подушки, и фанера, и досок куски...

Информация к размышлению. На фронтах советско-польской войны воевало большое количество и наших казаков-земляков. Были они и 1-й кавалерийской бригаде 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии. Командовал этой бригадой Маслаков Григорий Савельевич (1877-1921). В феврале-марте 1918 года поддался он на агитацию и пропаганду большевиков. Воевал активно, за что и был награждён 2-мя орденами Красного Знамени.

В 1920 году, на советско-польском фронте, когда к его казакам стали поступать тревожные сигналы из родных мест о расказачивании, о тяжелом положении на

Дону семей его бойцов, комбриг одумался, но было поздно. Непринятие мер на недовольство его бойцов членом Реввоенсовета 1-й Конной Армией Щаденко Ефимом Афанасьевичем подвигло комбрига Маслакова (Маслака) на то, что он с 8-го на 9-е февраля 1921 года организовал мятеж и увёл большинство кавбригады в сторону Павлограда. Там войска его соединились с повстанческим отрядом Бровы, у которого причины мятежа были аналогичными.

Эти события коснулись и Михаила Ефремовича Гордеева. Когда цымлянские власти узнали, что он является бойцом 1-й Конной Армии, дом семье его в хуторе Бударине вернули, но имущество частично уже было и конфисковано, и безвозвратно разграблено.

Хутор Кандауров

Сразу после занятия хуторов Протопоповского, Кандаурова и далее населённых пунктов по реке Цимле немцы в спешном порядке выбрали и подготовили площадку под полевой аэродром. Такая площадка нашлась неподалёку от хутора Протопоповского. С этого аэродрома немецкие бомбардировщики стали совершать вылеты для бомбометания на Сталинград и на Цымлянское направление. Аэродром этот находился на острие наступающих немецких войск и был самым ближним к объектам этих бомбометаний.

Курс немецких самолётов на Цымлянском направлении проходил прямо над хутором Кандауровым, этим же курсом отбомбившиеся самолёты возвращались на аэродром для дозаправки и пополнения боекомплекта. Жители сначала боялись пролёта над их хутором немецких самолётов, но потом постепенно стали привыкать к такой ситуации.

У стада личных коров, которые паслись на другом берегу Цымлянки, в основном, постоянным пастухом был житель этого же хутора Никанор Фёдорович Головков 1890 года рождения. Возвращавшимся после бомбёжки со стороны Цымлянской немецким самолётам он уже не придавал особого значения, и напрасно. В один из дней от одного немецкого самолёта отделилась авиабомба и оглушительно взорвалась неподалёку от коровьего стада. Звук взрыва удивил жителей хутора, но тем более их удивило то, что в обеденное время коровы, прибежав домой, вдруг стали ломиться на свои домашние базы.

Объяснений того, что произошло, хуторянам никто не дал, но разгадка путём анализа ситуации им пришла от тех, кто имел представление об авиации. Позже появилась и версия того, что немецкий лётчик по какой-то причине не сбросил бомбу, а обнаружил это уже на подлёте к аэродрому. Закон авиации любой страны гласит: – посадка самолёта с неизрасходованным бомбовым боекомплектом категорически запрещена.

Немецкий лётчик сбросил бомбу недалеко от стада коров, хотя вряд ли он понёс бы наказание, если б сбросил её и на хутор.

Действовал немецкий полевой аэродром почти до самого освобождения наших населённых пунктов от оккупации. Сейчас поле, в войну сеявшее кровь, разрушения

и слёзы, уже многие годы родит то, что на языке хлеборобов называется сельхоз-продукцией.

Примечание. Построить и оборудовать даже полевой (земляная взлётная полоса) аэродром в условиях военного времени – дело трудоёмкое и затратное по времени. Этого времени у наступавших на Сталинград немцев катастрофически не хватало, да и, видимо, у них возникли проблемы со строительной техникой. Привлекать к строительству аэродрома солдат регулярной армии в планы у них не входило, поэтому оставалось одно – строительство вести с помощью пленных красноармейцев.

Ближайший лагерь военнопленных находился около станицы Хорошевской (хутор Хороший). Отсюда по шляху была направлена большая колонна пленных в сторону хутора Протопоповского. Следует отметить, что эта конвоированная колонна пленных встретила Фёдора Михайловичу Шурыгину и его матери Александре Ивановне, когда они пешком шли в станицу Цымлянскую (стр.9). Стратегически важный для немцев прифронтовой аэродром был построен и в кратчайшие сроки вступил в «эксплуатацию».

Хутор Поздняков-Маркинский (Филипповский)

О кургане Разлатном, который находится почти на грани Новоцимлянского и Калининского сельских поселений, упоминание в моих книгах уже было. Это упоминание, в основном, было связано с тем, что осенью 1923 года отряд Филиппа Лысова около этого кургана потерпел первое серьёзное поражение от ростовских ЧОНовцев. В бою этом погиб и житель хутора Челбина Александр Линьков.

Вряд ли кто нам теперь объяснит точную родословную этого кургана, но есть предположения, что «изготовили» его сарматские племена. Им же приписывают и появление 9-ти курганов (5 километров от Разлатного), которые они насыпали, таская землю в головных уборах.

Однако вернёмся к кургану Разлатному, который в период немецкой оккупации содействовал гражданскому подвигу жителя хутора Поздняков – Маркинский – Недоморацкова Никодима Леонтьевича (1914-1999). На войну он был призван в самом её начале. Где-то под Харьковом, получив ранение, попал в плен, но сумел из него бежать. До районного центра Миллерово (Ростовская область) Никодиму удалось добраться на «товарняке», а оттуда до дома уже пришлось добираться пешком. Было это весной 1942 года.

«Органы», изрядно потрепав ему нервы, из Цымлянской отпустили домой, очевидно, по состоянию его здоровья и ранению. Вернувшись, домой, Никодим Недоморацков стал работать одновременно в колхозе имени Рябышева и трактористом, и бригадиром. Бригада номер 3, в которой он работал, осталась и после переселения на своём месте, и сейчас находится неподалёку от трассы Цимлянск – Сувоикино.

Коллектив этой бригады, по причине призыва мужского населения на фронт, был, в основном, женским. Немцы наступали стремительно, и оккупация Цимлянского

района уже ни у кого не вызвала никакого сомнения. Колхозный скот, технику была попытка угнать за Волгу, но не всё получалось так, как хотелось.

Свой трактор Никодим Недоморацков решил спрятать уже перед самым немецким приходом. Курган Разлатный в то время обладал большими зарослями терновника и кустарника, гораздо большими, чем сейчас. Загнав трактор в заросли, тщательно его замаскировал, забросав ветками терновника. В свои замыслы никого он не посвящал, но тайну его кто-то уже разгадал и доложил немцам. В хуторе, помимо немцев, хозяйничали и румыны, и поляки.

Арестовав бывшего бригадира, немцы стали его сначала допрашивать, а потом подвергли чудовищным пыткам. Пальцы рук Никодима поочерёдно стали они зажимать в дверном косяке. Крики, стоны заглушали хруст костяшек его пальцев, но истязания эти он выдержал. Немцы могли его и расстрелять, но этого не сделали, видимо, удивившись мужеству этого человека совсем небольшого роста. Чудовищно изуродованные пальцы рук очень болезненно и долго заживали, но уже весной 1943 года свой трактор Никодим Леонтьевич подготовил к весенним полевым работам.

В 1948 году у Никодима Леонтьевича и Марии Васильевны (Кондрашевой 1924-1969) родилась дочь Надежда (умерла в 2014 году), затем в 1950 году родился сын Иван. Дочь Вера родилась в 1953 году, а аккордом счастливой жизни семьи стало рождение в 1961 году дочери Любви.

От автора. Мне доводилось в своё время и встречаться, и общаться с героем этого рассказа, но о его гражданском подвиге услышать мне пришлось впервые. Данными о своём земляке и родственнике со мной поделились Николай Иванович Недоморацков и Александр Леонтьевич Забазнов. Некоторые незначительные расхождения в их рассказах присутствуют, но суть дела они не меняют. Удивление у всех знающих об этом вызывает то, что в родном хуторе Никодим выдержал пытки не за свою личную, а за колхозную собственность. Немцы об этом, видимо, знали, а жизнь ему оставили, удивившись его стойкости и МУЖЕСТВУ.

Станица Цымлянская

Вспоминает Лидия Афанасьевна Вноровская (Сахненко) 1937 года рождения, в настоящее время жительница города Цимлянска:

– Несмотря на то, что лет мне тогда было мало, но начало войны я помню хорошо. Известие о том, что началась война, нас застало в станичном клубе. Кино мы любили, поэтому на киносеансы ходили довольно часто. В тот день, когда мы вечером пришли в клуб, то оказалось, что там нет света. Не могла я тогда понять, почему я не увижу сегодня кино. Объяснять ситуацию мне стал мой папа – Сахненко Афанасий Стефанович: – Доченька! Война началась!

Прямо в клубе я стала капризничать, возмущаться. Отец меня взял к себе на руки, но я начала его кусать, поцарапала ему лицо.

Дома он меня «отходил» ремнём, а затем у него от волнения случился сердечный приступ. Уже на другой день в станице началась мобилизация. Из наших родствен-

ников, помимо папы, мобилизованы были Дмитрий Иванович Рябышев и его родной брат Александр. (Дмитрий Иванович Рябышев – бывший житель хутора Челбин и совсем полный тёзка генерал-лейтенанта Рябышева Дмитрия Ивановича из хутора Колотовка, – здесь и далее примечание автора).

23-го июня на пристани станицы Цымлянской со слезами на глазах мы их провожали, и для многих цымлян в этот день началась уже их война...

Июль 1942 года ознаменовался тем, что боевые действия докатились и до нашего края. Многие жители в станице на своих усадьбах стали выкапывать ямы и прятать в них посуду, ценные вещи и многое другое.

В детском садике днём я спать не любила, поэтому, когда меня ещё до обеда пришел забирать мой «няня Гриша», я сильно обрадовалась. («Няня Гриша» – Рябышев Григорий Дмитриевич, в последние трудовые годы жизни работал Председателем Цимлянского горисполкома). Обрадовалась я потому, что спать мне в этот день не придётся.

Мы пришли домой. Гриша ушел в свой дом, а меня, чтобы я не мешала и никуда не сбежала, бабушка замкнула в доме. Обидевшись, я стала на подоконник и начала выть. Дом наш и дом Рябышевых были совсем рядом, поэтому Гриша меня услышал и, прибежав к нам, вытащил меня через форточку. Вскоре стали прятать своё имущество и мы. Бабушка передавала нам с чердака посуду, другие вещи, а мы с Гришей таскали это к уже выкопанной яме.

В какой-то момент начался страшный гул, такой, что притолока в доме, возле которой я стояла, задрожала. Буквально через некоторое время раздался свист, и бомба через дорогу от нас попала в дом Заяровых. Стало очень страшно, и мы в панике начали бегать по дому. Бабушка стала мне советовать залезть под печку, которая находилась на улице, но 13-летний Гриша принял другое решение, и как потом оказалось, самое правильное. Он схватил меня и понёс в подвал, туда же отправилась и наша бабушка – Рябышева Анастасия Павловна.

В подвале было уже много людей, была там и взрослая девчонка, которая по возрасту была старше Гриши. Она орала, у неё случилась истерика, а я не понимала, чего она так орёт. После каждого взрыва у неё снова начинался приступ истерики. Неожиданно наступило какое-то затишье, и к нам в подвал спустился военный, который занёс туда раненого солдата. У того вся спина была в крови, а многочисленные ранки были похожи на фасолины. Вошедший военный нам говорит:

– Граждане! Выходите отсюда и спасайтесь, бегите в лес.

Лес был от нас недалеко, за речкой Цымлянкой. Когда мы вышли из подвала, то увидели, что печка, под которую бабушка хотела меня запихнуть, была вдребезги вся разрушена. Без стёкол в окнах горел наш дом, а рядом с ним горел и дом дяди Мити. Поперёк улицы стояла бричка, а лошадь из неё рвётся, стараясь освободиться. На земле валяются столбы, сломанные деревья.

Мы добежали до речки, но в лес войти не успели – начался опять налёт. Начал Гриша толкать меня в кусты краснотала, что росли над речкой. Где была в это вре-

мя бабушка – я уже не видела. Гриша, закрывая собой, толкает меня в кусты, а я ору – там размером с моё лицо сидела лягушка. Я упираюсь, а он меня уже силком толкает, и в это время самолёт немецкий на «бреющем» летит и стреляет в нашу сторону. Было до самолёта так близко, что в кабине была видна голова лётчика. Он смотрит в нашу сторону, а кто стрелял в нашу сторону – он или другой сзади, нам было непонятно. Самолёт пролетел над нами только один раз. Мы вбежали в лес и были там до самого вечера. Сначала была жара, а потом хлынул дождь. Стало холодно, а ливень льёт и льёт. Сгрудившись, мы стояли и смотрели на горевшую до самого утра Цымлу. Она горела так, что от горы, как от экрана, до нас доходило тепло горящих её домов.

Я не помню, как настало утро и как настал день. Дом наш сгорел, и мы пошли к нашей родственнице. Она приходилась свекровью моей двоюродной сестры Шуры Рябышевой. Бабушка попросила её: – Сваха, покорми детей.

Что она ответила бабушке – не помню, но бабушка ей опять сказала:

– Сваха! Мы же ведь родственники!

– Много вас тут родственников будет, – был ей ответ. Короче, нас она так и не покормила. В Карповской у нас жили родственники и, хоть расстояние туда было не менее 50 километров, бабушка приняла решение туда идти.

Дорога была дальняя, но иного выхода у нас не было. Не знаю, где она достала воду и ёмкость под неё, но в путь мы отправились с небольшим водным запасом. Жара стояла такая, какой она и должна была быть в июле. Бабушка сначала давала нам воды понемногу, а потом она просто смачивала нам губы и мою головку. Жара, пыль, а мы идём босиком по пустынной дороге. Если дорога действительно была для нас пустынной, то небо – нет. Где-то на полпути послышался гул, а потом мы увидели немецкий самолёт, который летел прямо на нас. Гриша первым оценил опасность, повалил меня в кювет, прикрыв своим телом. Пулемётную очередь слышно не было, но следы от пуль на дороге видны были.

Самолёт улетел, а нам были непонятны действия лётчика – или он нас пугал, или ему некогда было разворачиваться для повторной атаки. На руки бабушка меня не брала, а вот Грише довелось меня нести «на заливке», когда у меня уже не было сил.

К вечеру очень уставшие и голодные мы пришли в Карповку. Хозяйка дома – Прасковья Павловна Сахненко 1877 года рождения встретила нас и сразу усадила за стол. В большую глиняную чашку она налила мёду, поставила на стол два горшка молока и большую круглую буханку подового хлеба. Это невероятно, но всё, что было на столе, мы съели, абсолютно всё. Видя всё это, Прасковья Павловна как-то смущённо сказала:

– Сваха! Больше я вам кушать ничего не дам – это опасно, особенно детям.

Я уснула, проспав до следующего вечера. Проснулась и не пойму, солнце находится не там, где должно быть. В доме и во дворе никого не было. Я побегала, поорала и опять легла спать. Утром бабушка Паня (Прасковья) мне говорит: – Внученька, теперь ты будешь жить со мной.

Отец мой был на фронте, этим и объясняется, почему предстояло мне жить у бабушки Пани – его матери. Моя мама умерла, когда мне было всего 7 месяцев, и папа женился на фельдшернице Марии Васильевне Мележик. Чешская немка, она была его моложе на 19 лет. Своих детей у них не было, а для меня она матерью была исключительной, и чистой. До этого она жила в немецкой общине под Майкопом, где и свела их судьба. Специалист высокой квалификации, она и в станице Карповской работала по своей профессии, пользуясь отличными отзывами от жителей станицы. Из зала бабушкиной хаты Мария Васильевна сделала медпункт, а сама стала жить в другой комнате.

Немцы в станице Карповской появились неожиданно, но были они у нас не долго. Прибыло их много, почти весь двор они заняли. Во дворе был у нас колодец – они из него брали воду, обливались, купались. Слышу громкие голоса и смех, а любопытство заставило подойти меня к колодцу. Смотрю, а у одного немца от левого уха по голове и шее течёт кровь. Немцы льют ему на голову колодезную воду и гогочут. Баба Паня меня за шкуру тянет в хату, а я пытаюсь ей объяснить, что немец этот раненый:

– Этот немец полез в амбар, хотел снять яиц, а я там Полкана привязала, вот он и прокусил ему ухо, – объяснила она мне причину «ранения» немца.

Как это ни странно, но Полкан остался жив, а немцы ещё долго смеялись над своим товарищем. Вскоре немцев сменили румыны. С собой привезли они своего священника, который и стал служить во вновь открытой по этому поводу церкви. Когда Карповскую освобождали, то наши солдаты расстреляли священника прямо в церкви.

Увидев, как с пригорка спускаются кибитки румын, похожие на цыганские, бабы запаниковали, забегали. Стали они для «отпугивания» румын мазать свои лица сажей, придумывать мнимые болезни. Баба Паня свою крестницу и ещё двух девчат прикрыла в подвале, а на двери написала – «тиф». Это слово она писала и при немцах, но, слава Богу, пронесло, а румыны табором остановились в садах, особо нас не донимая.

Наступила зима. К нам домой пришли две женщины с газетой. Что-то они говорили о победе, о наступлении и ещё мне что-то непонятное. Потом в станице опять появились немцы, было их очень много. Отступали они от Сталинграда, прибыв к нам на каких-то повозках. В наш дом набилось их бигком, а возле порога часовой был поставлен. Возник вопрос, что в доме нашем остановились не простые немцы, а, по всей видимости, это был их штаб.

Девочка я была активная, и мне нравилось, когда меня ставили на стульчик, а я исполняла популярную тогда «Катюшу». На этот раз меня никто для прослушивания не ставил, что очень меня огорчило. Решила я сама проявить инициативу, а для этого залезла на тумбу от порога и запела во всю глотку. Немцы как-то странно засуетились, а один из них так сильно толкнул меня, что полетела я с тумбы в снег. Откуда мне в свои неполные шесть лет тогда было знать, что у немцев с песней «Катюша» были связаны свои, совсем иные «мотивы». Для меня могло всё

быть и хуже, но баба Паня подскочила и, схватив за шкуру, затащила в хату. После этого, опасаясь за моё поведение, бабушка «катапультировала» меня к тётке Поле Сахненко.

У тётки Поли в это время в доме находился приквартированный немец. Лежал он в комнате на сундуке, а я, думая, что он меня не видит, решила за ним понаблюдать. Оказалось, что немец тоже наблюдал за мной и, когда наши взгляды встретились, он поманил меня рукой к себе. Я испугалась, но, когда он улыбнулся мне, осмелилась и подошла к нему. Немец погладил рукой меня по головке, дал шоколадку, а потом достал из кармана фотографии. Что говорил он на непонятном мне языке, я не понимала, но догадалась, что на одной фотографии были его дети. Так и состоялось у меня знакомство с живым немцем.

Вскоре привели немцы к тёткиному дому наших пленных. Расположились они около нашего дома, прямо на земле. Я залезла на подоконник и начала рассматривать их. Тётка Поля дома отсутствовала, поэтому решила я пленных в её отсутствие покормить. Стала кидать им через форточку куски печёной тыквы, а когда она кончилась, то в ход пошел найденный в кладовке кусок сала, а затем варёные свекла и картошка. Всё съели наши голодные солдатики...

На улице уже стало темнеть, а тётки всё нет и нет. Пошла я на баз корову посмотреть, слышу, тёткин голос доносится – оказывается, она в погребе сидит. Немцы в погребе её прикрыли, а мне, показывая на погреб, говорят: – пук, пук... Я хоть и маленькая была, но поняла, что немцы хотят тётку расстрелять. Села на крышку погреба, да как начала выть – орала до тех пор, пока немцы тётку не пустили домой.

Наших пленных немцы угнали, а удивило меня то, что когда уже гнали немецких пленных, то жители им тоже кидали в колонну продукты. Значит, видимо, это наша религия нас учила не делить на своих и чужих людей, попавших в беду.

Когда немцы ушли, то остались от них алюминиевые котелки. Они были плоские, лёгкие и ими удобно было носить воду для полива тёткиного огорода. Из речки Россось котелками я таскала воду, поливая весь тёткин огород. Он находился над самой речкой, а я по мостику и вырытым в земле порожкам таскала воду для полива. Порожки были высокими, не по моему росту, но к вечеру я успевала полить весь немалых размеров огород, за что в награду получала каймак. Тётка для меня его не жалела. Хлеба практически у нас не было, да и не только у нас, а заменяли мы его кукурузной мамалыгой.

В доме у нас была большая керосиновая лампа, и это было основанием для того, чтобы каждый вечер у нас собирались женщины. Вязали в основном носки, варежки, которые собирались они отсылать на фронт. Керосин по составленной очереди приносили каждый вечер и, конечно, семечки. Шелуха от них падала на пол, и это было в порядке вещей.

Уходя утром на работу, тётка поручала мне подмести от шелухи пол, а затем у коровы из яслей выбрать остатки недоеденного сена и отдать их козам. Корове,

нашей кормилице, сено полагалось свежее. Всё это я выполняла, а потом любимым занятием у меня была игра с козлятами.

Самым большим недостатком и не только у нас – это было отсутствие соли и хлеба. Бабушка Прасковья за своё золотое обручальное кольцо выменяла полмешка проса. Следует добавить, что немцы наше население не объедали и конфискацией продуктов особо не занимались. В своих разговорах бабы отмечали, что скотину они не забрали и не порезали.

Дмитрий Иванович Рябышев и мой папа очень дружили. Когда у Дмитрия Ивановича умерла жена, то осталось у него двое детей – Александра 1920 года рождения и Григорий 1929 года рождения. Папа забрал к нам жить и Гришу, и бабушку тогда, когда работал в Нижнем Курмане. Гриша жил с нами до 4-го класса, и фамилию он в это время носил – Сахненко. Девять лет прошло уже, как его с нами НЕТ.

Дмитрий Иванович, окончив рабфак, работал агрономом, а его брат Александр Иванович в Молотовской (Пермь) области работал юристом. К нашему стыду, он участвовал в «работах тройки». Воевать Дмитрию Ивановичу и моему папе пришлось вместе на Миусе. У обоих медали за оборону Кавказа, а у папы ещё и медаль за взятие Будапешта. Когда началось строительство Цымлянской ГЭС, довелось папе работать в комиссии по переселению.

Время прошло. Кажется, что всё прошедшее – это какое-то забытое кино, и только память не даёт мне повод в этом усомниться.

Станица Цымлянская (дополнение)

16 – 17 – 18 июля 1942 года немецкая авиация станицу Цымлянскую бомбила интенсивно, хотя никакой особой необходимости в этом не было. Ещё до начала бомбёжки – 16 июля – ответственные лица Цымлянского райкома и райисполкома, «позабывшись» о своей безопасности и разобрав прикреплённые к ним средства передвижения (лошадей), спешно покинули станицу. 3 дня в станице царило безвластие.

Есть неподтверждённые предположения, что элеватор, томатный (консервный завод) немецкая авиация не бомбила. Руку к этому «приложили» органы НКВД, что, в принципе, так могло и быть. По логике здравомыслия, уничтожать то, что через несколько дней будет подано в целостности и сохранности, немцам не было никакого резона. Примерно в километре от станицы, в районе станичного кладбища были заросли дойника в человеческий рост. Приблизительно в это место с немецких самолётов 16 июля был сброшен десант числом менее одной роты. Опасаясь за свою безопасность, немцы вырыли окопы, подготовившись к отражению возможной атаки. Видимо, разведка им доложила, что станица для них не представляет уже никакой опасности.

19 июля бомбёжка станицы прекратилась, и в наступившей тишине жители увидели, как по каменному спуску, построившись в колонну, как на параде, в станицу вошел немецкий отряд. Впереди знаменосца с развёрнутым красным знаменем шел

*Цимлянская Молога.
Решение уже (1948 год) принято. Станица Цимлянская
должна судьбу Мологи (Рыбинское водохранилище) повторить*

Немецкий полевой аэродром около хутора Протопоповского. Отсюда во второй половине 1942 года немецкие самолеты летали бомбить Сталинград, станицу Цымлянскую

*Лето 1942 года.
В край донской оккупанты пришли.*

немецкий офицер. На середине спуска немцев с хлебом и солью встретила делегация станичных жителей и представители духовенства. Немецкий офицер принял из их рук атрибуты гостеприимства, но с русскими обычаями он, видимо, не был знаком. Нетронутый хлеб и соль офицер передал своему ординарцу, а отряд последовал к центру станицы. Перед тем, как десант ещё не рассредоточился и не занял здание райкома ВКП (б), раздались выстрелы. Оказалось, что стреляли два старших лейтенанта, одетых в форму НКВД. На вопрос немецкого офицера – по ком они стреляли – последовал ответ, что в здании райкома они застрелили видного райкомовского работника. Этим райкомовским работником оказался Иван Алексеевич Дюльдин, он пытался отстреливаться, но...

Читателю нет никакой необходимости объяснять, что два старших лейтенанта в форме НКВД на самом деле были немецкими агентами. Ещё 16 июля они проникли в станицу Цымлянскую. Задача у них была сеять панику, распространять ложные слухи, совершать диверсии и т. д. От них немцы (видимо, по радиции) узнавали важные сведения об отступающих наших частях.

3 дня немецкий десант не предпринимал никаких попыток, чтобы обнаружить себя, а бомбёжка станицы носила, видимо, отвлекающий манёвр. Авиация немцев разбомбила и переправу через реку Дон. По реке плыли 40-ведёрные деревянные бочки с винзавода, из которых и была изготовлена переправа. Отступающим советским войскам теперь надо было по правобережью двигаться в сторону станицы Терновской.

Убедившись, что кроме населения в станице никого не осталось, немецкий десант решился на такое показательное «шоу». Этот день и стал считаться днём начала оккупации станицы. Советская пропаганда о таких лицемерных фактах нигде и никогда не упоминала, но факт этот ещё сохранился в памяти жителей-очевидцев того времени. То, что некоторые населённые пункты нашего района немецкими войсками занимались без боя, имело какое-то оправдание по причине своей незначительности. Занятие же районного центра, да ещё таким способом – это выглядело уже, как издевательство.

Немецкое командование, видимо, не поверило в такую свалившуюся удачу и для подстраховки своего десанта направило из станицы Морозовской дополнительный отряд мотоциклистов. По тому же каменному спуску вскоре немецкие мотоциклисты прибыли в центр станицы. «Радужный» приём немецкого десанта станицей Цымлянской имел свои последствия. С 20-го января 1943 года органы НКВД «приложили» все свои силы к расследованию причин такого позорного явления. Весь 1943 год были и опросы, и допросы станичного населения, а также населённых пунктов в целом. Виновные понесли наказание, но материалы об этом недоступны, имея свою секретность. Горелое же зерно элеватора на несколько месяцев стало большим подспорьем в питании голодающего населения.

Информация к размышлению. Иван Алексеевич Дюльдин нам известен тем, что ещё в 1923 году стал он председателем коммуны, которая так и называлась – коммуна Дюльдина. Во время коллективизации на её базе в слободе Сметановка

был образован колхоз «Клич Ильича». За достигнутые успехи А.И.Дюльдин был с повышением переведён в станицу Цымлянскую. Почему он не эвакуировался к моменту оккупации района – ответа на этот вопрос нет. Его жена Ульяна Павловна и единственный сын Василий оккупацию пережили благополучно.

Выводы. Это всего лишь версия, но Иосиф Сталин станице Цымлянской отомстил сполна, утопив её и населённые пункты в водах искусственного водохранилища. Помнил Вождь и то, как в январе 1919 года именно цымлянские полки под Царицыном чуть полностью не изменили военную обстановку в пользу Донской Армии. Обороной «красного» Царицына тогда именно и руководил Иосиф Сталин. Может, здесь и кроется разгадка, почему от хутора Кумовского гидроэлектростанция была передвинута ниже ненавистной ему станицы Цымлянской с затоплением и станицы, и населённых пунктов с их плодороднейшими землями.

Видимо, по этой же причине Великий Вождь сначала дал согласие на личное присутствие при открытии в 1952 году Волго-Донского судоходного канала имени И.В.Сталина, а затем свою поездку отменил. Обида на донской край у него была настолько велика, что в последний момент каналу, по предложению самого же Сталина, дали другое имя – имени В.И.Ленина.

От автора. Этот материал основан на воспоминаниях и старожилов, и, к сожалению, так и не изданного материала Ивана Ивановича Дедова, писателя и исследователя исторических фактов нашего донского края.

Ермак

О непростой судьбе своего отца, жителя станицы Новочимлянской Кабанова Николая Тимофеевича (1910-1988) рассказывает его сын Михаил 1942 года рождения. Своё благозвучное прозвище – Ермак жило с ним до самых последних дней жизни его. Происхождение его напрямую связано с отчеством покорителя Сибири Ермаком Тимофеевичем. Кто присвоил ему прозвище и когда – сведений не осталось. Примечательно то, что оно не передавалось его сыновьям – Алексею (1937-2015) и Михаилу.

Со слов младшего сына Михаила, мы далее и узнаем об эпизодах жизни его отца в военные и послевоенные годы.

– Имея профессию механизатора и шофёра, старшина Кабанов Николай Тимофеевич, награждённый за воинскую доблесть орденами и медалями, войну закончил в Кёнигсберге (Калининград), но в число демобилизованных в 1945 году не попал. Видимо, причиной тому стало то, что в тех краях (Прибалтика) май 1945 года Победу не принёс. Многочисленные банды недобитых националистов – «лесных братьев» спокойной жизни Советской власти не обещали и не давали.

Латвия, Литва, Эстония не смирились со своей участью «добровольно» вошедших в состав СССР и повели подрывную борьбу за свою «самостоятельность». Порой сложившаяся обстановка в этих союзных республиках ничем не отличалась от боевых действий военного времени.

В задачу сформированного батальона спецназначения входило наведение послевоенного порядка и защита лояльного Советской власти населения от недобитых банд националистов. Привычной обыденностью становились постоянные стычки, в которых применялось не только стрелковое оружие.

Летним днём 1945 года от информатора поступило сообщение о том, что в одном из хуторов появляются подозрительные люди. Незаменимый для этой местности, по лесным дорогам и песчаным дюнам, студебеккер, водителем которого был старшина Кабанов, выехал на задание по указанному адресу. В кабине машины находился капитан – земляк из Ростовской области, а в кузове десятка два солдат.

Хоть и приближались к хутору с соответствующей осторожностью, но раздавшаяся пулемётная очередь всё же была неожиданной. Посыпались осколки разбитого стекла, и капитан начал заваливаться к рулю. Смерть его была мгновенной. В кузове тоже был убит солдат, а другой серьёзно ранен. Что спасло тогда старшину от неминуемой смерти, так и осталось загадкой.

Быстро окружив прилегающие строения и дом, военные, уже под командованием старшины Кабанова (остался старшим по званию), обнаружили хозяев хутора. Ими оказались муж и жена, примерно 50-летнего возраста. На вопрос о том, кто стрелял из пулемёта по машине, ответа не последовало. Включив «дурку», они начали изъясняться, что по-русски они не понимают.

Солдаты стали обыскивать все прилегающие строения и вскоре в одном из сараев обнаружили их 16-летнего сына и ещё не остывший пулемёт. Видя, что дело принимает совсем иной оборот, у родителей вдруг проявились знания русского языка, и уже без акцента они начали объяснять, что их сын вовсе не виновен, а по машине из пулемёта стрелял один из «лесных братьев», который успел сбежать в лес. Может, и поверили бы в эту легенду советские военные, но...

У каждого из нас, помимо нашего стрелкового оружия, в изобилии было оружие и трофейное. Почти у каждого за ремнём гимнастёрки был подоткнут немецкий «вальтер» – очень удобный и надёжный в бою револьвер. Солдатик, охранявший сына хозяев хутора, проявил беспечность и потерял бдительность, а тот умело этим воспользовался. Выхватив из-за пояса солдата револьвер, он моментально застрелил его хозяина и бросился бежать к спасительному лесу, на бегу отстреливаясь. Пришлось и нам по нему открыть огонь. Одна из пуль попала ему в ногу. Раненого молодого бандита подвели к дому.

– Ставьте его к стенке, – командовал Кабанов.

Без всяких слов и приговора из трофейного «вальтера» он всадил молодому бандиту пулю в лоб. Уже по дороге в расположение своего батальона обговорили нюансы того, что подростка старшина застрелил по причине явной угрозы жизни военным со стороны стрелявшего. Может, «особисты» и поверили бы в нашу легенду, но нашелся среди нас иуда-ефрейтор, который в своих показаниях написал, что подросток не представлял никакой угрозы, а старшина Кабанов застрелил его необоснованно.

Этих показаний хватило, чтобы «органы» арестовали старшину Кабанова. Дело принимало серьёзный оборот. Около года сидел под следствием арестованный, а быстро, как тогда практиковалось, решения вопроса не было принято по той причине, что особист-следователь тоже оказался земляком, из Ростовской области. Протянув время следствия до предела, он уже освобождённому из-под стражи Кабанову тогда сказал:

– Был бы ты из другой области, «червонец» в Сибирь я бы тебе точно обеспечил!

28 декабря 1946 года демобилизованный Кабанов прибыл в родную станицу Новодимлянскую. Разжалованный до рядового, лишенный всех своих наград, Николай Тимофеевич среди своих однополчан чувствовал себя незаслуженно обиженным, а потому для снятия стресса стал прикладываться к рюмке, но это до добра его не довело. Уже через несколько месяцев, находясь в помещении стансовета, не совсем трезвый Тимофеевич пошатнулся и случайно локтём разбил оконное стекло. Ущерб был мизерный, другому в этом случае сошло бы с рук без всяких последствий, но только не Кабанову. «Развенчанному» бывшему старшине припомнили всё. Припомнили, что во время оккупации он находился в станице, да и Прибалтику не обошли стороной. По совокупности всех этих «страшных» грехов перед Советской властью, осудили его на полтора года лишения свободы.

Теперь по поводу оккупации. Когда началась война, Николай Кабанов не был призван в действующую армию по причине того, что в это время он был самым титулованным трактористом, а потому имел «бронь», освобождающую его от призыва на войну. Когда же нависла угроза захвата немцами нашего края, участвовал в угоне сельхозтехники за Волгу. Догнав технику до Калач-на-Дону, они попали в окружение наступающих немецких войск. Часть тракторов успели утопить в речке, а с другой частью техники их немцы пригнали обратно в станицу.

Когда началось освобождение нашей станицы, опасаясь за жизнь своей семьи, пришлось от бомбёжек и обстрелов спасаться в погребе. Там их и обнаружили наступающие передовые советские солдаты. Разбираться с ним они бы не стали, сочтя дезертиром, и запросто могли поставить к стенке, но спас его уцелевший, спрятанный документ – «бронь». Старший по званию нашей передовой наступающей группы, возвращая ему документ, сказал:

– Давай, корми нас.

Видимо, потери у наших войск к этому моменту были колоссальными, а потому и «бронь» не спасла его от мобилизации, и вскоре война приняла его в свои ряды.

От автора. Для полной ясности того, что довелось испытать семье Кабановых, от себя добавлю то, что мне известно. Начну с хозяйки.

Любовь Евтеевна Кабанова, в девичестве Трофимова, родилась в 1911 году в хуторе Медведеве. В двенадцатилетнем возрасте испытала страшнейший стресс и ужас, когда на её глазах, на глазах её сестры и матери, в нечеловеческой ярости во дворе их дома Филипп Лысов убил отца и мужа – Трофимова Евтея Васильевича. Сначала он выстрелил в Евтею, а затем догнал и добил заострённым берёзовым колом...

Боль и страдания приносила родителям инвалидность их старшего сына Алексея.

*1970 год.
Фрагмент 2-этажного здания. До
1954 года здесь был роддом.
С 1945 года по февраль 1971 года
на 2-м этаже располагался
радиоузел.
На снимке: Людмила Борисовна
Хими́на (Маркина).
Фото из ее семейного архива*

*2016 год. Этот дом принадлежал Кабанову Николаю Тимофеевичу.
Практически в таком состоянии дом был перенесен в 1950 году.
В 1942 году в нём находился на излечении немецкий офицер*

*Алексей Матвеевич Додонов
в памяти нашей
остался самым
уважаемым человеком*

В этом незначительно измененном доме у Алексея Матвеевича и Гликерии Алексеевны в 1949 году родилась дочь, названная именем австрийской женщины - Нелли!

То, что принесли в эту семью и война, и послевоенное время, не всякому можно желать даже в порыве нелюбезных слов. В 2015 году старшего сына – Алексея Кабанова – НЕ СТАЛО. Об этом мне по приезду в станицу Новоцимлянскую в мае 2016 года сообщил его брат Михаил Кабанов. Он же и добавил сведения о периоде оккупации станицы в 1942 году:

– Моя мать – Любовь Евтеевна Кабанова работала в колхозе «Новая Цимла» прицепщицей на пахоте. После того, как мои родители в 1937 году поженились, и она родила сына Алексея, работу ей пришлось сменить на более лёгкую. В это время для работы в Новоцимлянскую участковую больницу был произведён набор медперсонала, в число их попала и Любовь Евтеевна. Возглавляла коллектив больницы, в которой были и хирургическое, и родильное отделения, Ольга Францевна Боровская 1909 года рождения. Еврейка по национальности Ольга Францевна со своим сыном Вадимом 1935 года рождения жила в помещении больницы. Вадима, несмотря на разницу в возрасте, я хорошо помню – он давал мне свои лыжи кататься, что было предметом зависти для остальных моих друзей.

Сейчас это выглядит как нонсенс, но в то время в сельской больнице и рожали детей, и делали операции. Кстати, 28 марта 1947 года в 8 часов вечера в этой больнице родился и автор этой и предыдущих книг. Перед войной в ассистентки Ольге Францевне прислали молодую медсестру-практикантку. В обязанности её входила помощь Ольге Францевне при проведении ею операций, сейчас эти обязанности исполняет операционная сестра.

Первый профессиональный «блин» для неё оказался комом. Увидев резаную рану и в ней кровь, молодая медичка упала в обморок.

– Люба! Становись на её место и подавай мне инструменты, – скомандовала Ольга Францевна.

Вот таким образом и стала моя мать исполнять обязанности операционной сестры. Молоденькая медсестра наотрез отказалась выполнять свои обязанности, соглашаясь на любую работу, вплоть до уборщицы, лишь бы не находиться у операционного стола. Вскоре её забрали в Цимлу, а Любовь Евтеевна стала главной помощницей.

Когда немцы заняли станицу, то в больнице на излечении находились несколько красноармейцев. Немцы в живых их оставили, но из палаты бесцеремонно удалили, поместив туда своих солдат.

Ольге Францевне и моей матери немцы поставили ультиматум – или лечение их раненых, или пуля в лоб. Хотя и мало Ольга Францевна походила на еврейку, но немцы про её национальность знали, а в живых оставили, видимо, по причине её профессиональной пользы.

Раненых наших солдатиков удалось переместить на левую сторону речки Цимлянки по деревянному мостику. Жители станицы по нему ходили в хутор Ремизов. Этот мостик был недалеко от больницы и совсем рядом с нашей усадьбой. В зарослях кустарника наши раненые «долечивались» почти до самых морозов, а затем тихо ушли в сторону Сталинграда.

Жили они в шалаше, укрываясь от дождей под брезентом, а питание им приносили жители станицы, жившие неподалёку. Также им доставалась часть продуктового пайка, которым немцы расплачивались за помощь в лечении немецких солдат.

Вскоре в станичную больницу поступил раненый немецкий офицер. Оперировал его немецкий врач, а уход за ним поручили моей матери. С солдатами его не положили, поэтому комендант станицы «поручил», чтобы уход за офицером был в нашем доме. Офицера к нам домой перевезли уже после операции. Любовь Евтеевна варила ему пищу, делала перевязки, убирала и ставила под него «судно». Русским языком немец владел сносно. Матери он давал шоколад, который почти весь доставался нам с Алексеем. Немец был моложе моей матери примерно лет на десять. Матери он говорил, что воевать у него желания не было, но это желание от него не зависело. В конце своего лечения, уже перед отъездом, он моей матери сказал:

– Война всё равно скоро закончится, если живой останусь, то я вас найду – приеду и отблагодарю. – Уже перед отступлением немцев к дому нашему подъехала легковая машина, которая офицера забрала от нас. Офицер уехал, и больше о нём не было ни слуху, ни духу. О судьбе наших раненых солдатиков тоже не было ничего известно, что с ними стало – не знал никто.

Немцы население станицы не обижали, чего не скажешь о румынах. У нас они себе на питание зарезали корову, а также и всех кур. Моим родителям, особенно моей матери, потом досталось от своих властей, которые пытались вменить ей в вину её уход за раненым немецким офицером. Ответ моей матери обвинителю был таков:

– А ты где был, почему не защитил нас? Я у немцев и йод, и бинты, и лекарства воровала, чтобы раненым и жителям станицы раздать, а вы чем им помогли?

«Органы» от матери отстали, а отцу, представившему им «бронь», сказали: – Готовься воевать!

Информация в качестве эпилога. Двухэтажное деревянное здание и больницы, и роддома было переселено на новое место в 1950 году. До 1954 года роддом на 2-м этаже здания функционировал, но в 1954 году половину верхнего этажа занял колхозный радиоузел, а во второй половине стала проживать семья заведующего радиоузлом, сына председателя колхоза – Назарова Александра Фёдоровича. На нижнем, первом этаже обосновался дом престарелых.

После отъезда А.Ф.Назарова из станицы, в конце 50-х годов, в его квартире стала проживать семья знатного колхозного механизатора Зеновьева Ивана Михеевича. После того, как семья Ивана Михеевича переселилась в построенный свой дом (ул. Мира, 32), сюда на временное проживание вселилась семья Забазнова Ивана Сергеевича.

С 1962 года по 1969 год в этой квартире проживала семья Антонова Анатолия Григорьевича, заведующего радиоузлом. С 1969 в этой квартире уже жил Иванов Анатолий Иванович с женой Клавдией Фёдоровной и сыном Сергеем. В конце 70-х годов здание было признано опасным для проживания. После того, как семья Ивановых переселилась в квартиру на улице Набережной, 11, а дом престарелых занял свой адрес, двухэтажное здание осиротело и уже стало действительно пред-

ставлять угрозу для проживающих соседей. Последним аккордом своей значимости стало то, что в 80-х годах было принято решение снять документальный фильм про пожарную безопасность. Здание решено было сжечь, засняв всё это на киноплёнку.

Режиссёром этого по сути драматического фильма стал Александр Фёдорович Гуртовой – в то время самый главный пожарный Цимлянского района.

Безветренным летним днём несколько пожарных автомашин прибыли в станицу. Прибыла и автовышка, и кинооператор. Смысл документального фильма был таков: беспечная хозяйка допустила в своём доме возникновение пожара. Пожарная служба вовремя сумела среагировать и вывела хозяйку из пылающего дома. Огонь был потушен, а хозяйке была оказана психологическая помощь.

У главной героини фильма (хозяйки) не всё заладилась в съёмке с самого начала. Её роль исполнила жительница Новоцимлянской станицы Евдокия Дмитриевна Евсева (Плахова) 1919 года рождения. Она должна была рыдать, причитая по поводу своего сгорающего дома, а Александр Фёдорович, выводя её по лестнице со второго этажа, – успокаивать.

Кинооператору что-то показалось неправдоподобным – пожарные машины моментально потушили пламя, а через некоторое время здание вновь было подожжено. Только с третьей попытки был достигнут эффект правдоподобности. Евдокия Дмитриевна так вошла в роль, так стала голосить и причитать, что у некоторых из многочисленных зрителей этого действия стали выступать настоящие слёзы. В третий раз здание бывшего роддома было потушено, но долго оно так не простояло. Безвозмездно оно было отдано соседям, как плата за риск и причинённые неудобства. Вскоре у их хрущёк появились весьма добротные домики из деревянных пластин. На этом знаковом месте вскоре построил настоящий кирпичный дом и сейчас в нём проживает со своей семьёй Кузнецов Сергей Иванович.

Ты мой папа, правда?

Все войны, и случившиеся, и действующие в настоящее время, и, к сожалению, ещё предстоящие ничего хорошего народам не несут, только горе, разорение и потери близких – таков лик и звериный оскал этого деяния.

Больше всего сиротами оставила война детей в 1941-1945 годах. Редкая семья территории Новоцимлянского сельского Совета не испытала потери близких в той страшной, кровавой войне. 246 (неточность допустима) защитников Отечества не вернулись к своим семьям, женам и оставшимся сиротами детям. Многие дети своего родного отца видели только на фотографиях. Время постепенно стирает память, лишь остаются факты: они не подвластны времени.

Мой рассказ основан на воспоминании жительницы г. Цимлянска – Нелли Алексеевны Самогеевой (Додоновой), работает она врачом – стоматологом в районной туббольнице.

– Мой отец – Додонов Алексей Матвеевич родился в хуторе Ремизове в 1918 году. В 30-х годах после окончания школы уехал он в Днепродзержинск к своему

старшему брату. Там поступил учиться в фельдшерско-акушерскую школу. После окончания учёбы вернулся работать домой, но долго работать ему не пришлось: в 1939 году был призван в армию, где и застала его начавшаяся война.

Нет необходимости объяснять, какой подвергались опасности на фронте санитары, которым необходимо было вытаскивать и оказывать первую помощь раненым на поле боя.

Из многочисленных фронтовых эпизодов, случившихся на войне, один случай Алексею Матвеевичу оставил неизгладимый след и повлиял на его дальнейшую личную жизнь.

Подбитый советский танк уже догорал, и казалось, что в живых из экипажа там никого уже не должно было быть. Механика-водитель с многочисленными ожогами, несовместимыми с жизнью, санинструктор Додонов вытащил из люка. Оказав ему первую помощь, пытался тащить до медсанбата.

– Браток! Не надо, мне уже не жить, – голос танкиста подтверждал его смертельный диагноз.

Слёзы текли у умирающего танкиста, но это были не слёзы от боли, а от отчаяния.

– Браток! Я умираю, а дома у меня двое маленьких детей – мальчик и девочка. Как они будут жить без меня, кто им поможет выжить?

Это были последние слова танкиста, и они подействовали на Матвеевича так, что он перед Богом дал себе зарок-обещание: если на войне останусь жив, то женюсь только на вдове погибшего в войне солдата и воспитаю его детей.

Уже к концу войны, вызволяя с поля боя очередного раненого, медбрат Додонов сам попал в плен. В австрийском лагере для пленных, где он оказался, советских пленных практически не кормили, а потому их смертность в этом лагере была настолько велика, что истощённый от голода Алексей Матвеевич уже не надеялся остаться в живых. Однако Ангел Добра не дал этому случиться. Этим Ангелом явилась женщина – австрийка, которая стала подкармливать его картофельными, свекольными очистками, иногда и хлебушком, не дав умереть ему от голода.

Имя этой австрийской женщины было – Нелли!!! Война в 45-м для Додонова не окончилась. После освобождения из плена начались перепроверки, а потом по непонятно какой причине ему пришлось дослуживать. Демобилизован был он ранней весной 1948 года.

Дети не вернувшихся с войны солдат ждали своих отцов до тех пор, пока, повзрослев, стали понимать, что отца война отняла навсегда. Были и исключительные случаи, когда война, словно смилостивившись, давала шанс «безотцовщине» (самое обидное прозвище) стать ребёнком полноценной семьи.

Дети без отцов держались и играли обособленно, а любимое место их было около хуторской плотины через речку Цымлянку. От шляха сюда вела дорога, и, по детскому разуму, именно здесь они могли встретить возвратившегося с войны долгожданного «папку».

Играя около плотины, дети заметили приближающегося к ним солдата с вещ-

мешком за плечами. Стали предполагать, кто это мог быть? Шестилетняя Клава Плотникова (1942-1996), не дожидаясь, первая побежала вперёд. Широко раскинув свои ручонки, она кинулась на шею к солдату, обхватила прижавшись:

– Папка мой пришел! Ты мой папа, правда? Пойдём домой, папа, я тебя поведу!

– Ну, веди меня, – только и смог белокурой девчужке ответить Алексей Матвеевич. Не мог он в тот момент отнять радость у истосковавшегося по отцовской ласке и поверившего в счастье ребёнка.

Следовавшая за ними старшая сестра Света (Ионкина-Плотникова Светлана Анатольевна, 1939-2011), помнившая своего отца видимо, по фотографии, держалась настороженно.

Открыв двери небольшого дома (он и сейчас в малоизменённом виде находится в станице Новоцимлянской – улица Набережная, 34), Клава радостным детским голосом прокричала:

– Мамка! Папка наш пришел! Я его тебе привела!

– Луша! Это ты? – удивлённо произнёс Алексей Матвеевич, увидев свою одноклассницу.

– Я! – ещё больше удивилась Луша (Плотникова-Авилова Гликерия Алексеевна, 1918-1982).

Стараниями Клавы, не отпуская своей долгожданной папку, к своим родителям Алексей Матвеевич в тот день так и не попал. На следующий день, с «поху-девшим» вещмешком, он, представ перед своими родителями, заявил:

– Я женюсь на Луше Плотниковой!

В феврале 1949 года у них родилась дочь, а назвали они её – Нелли!!! В мире и согласии прожили бывшие одноклассники им Свыше отпущенную, жизнь. Любил своих дочерей врач Новоцимлянской участковой больницы Алексей Матвеевич Додонов, однако, предпочтение отдавал он больше Клаве.

Родной отец Светланы и Клавы, политрук Плотников Анатолий Михайлович, 1916 года рождения, в 1942-м году пропал без вести. В 50-х годах из Ростова на имя Гликерии Алексеевны пришло письмо, в котором сообщалось, что её бывший муж жив, и она должна прибыть в Ростов для встречи с Анатолием Плотниковым. Встреча состоялась, но это был не её муж, а полный по паспортным данным тёзка. Окончилось всё тем, что пенсию на детей офицера-политрука (весьма отличительную) сняли, и получать теперь пришлось солдатскую пенсию до совершеннолетия детей.

Уже в конце своей недолгой жизни, вызывая на откровенность, коллеги-учителя без зависти спрашивали Гликерию Алексеевну: – Луша! У тебя дети от отцов разных и мужа было два, кого же ты любила больше?

– Толик – это любовь моей молодости, а Алёша – эта моя любовь навсегда...

Болезнь прогрессировала, не оставляя шансов на благополучный исход. Умирая, последнее слово, которое Луша произнесла, было: -Алёша...

От автора. Начну с того, что моей первой учительницей (1954-1958) была Гликерия Алексеевна, а потому память и все слова благодарности искренне относятся к ней.

В нашей станице семья Додоновых пользовалась и уважением, и огромной репутацией. Отработав всю свою трудовую жизнь, прихватив с избытком и пенсионные года, Алексей Матвеевич оставил о себе память, свойственную человеку, которого любили и уважали все! В отдельные годы он возглавлял Новоцимлянскую участковую больницу. В 1999 году его не СТАЛО!

Мой друг уехал в Магадан

Герой знаменитой песни Владимира Семёновича Высоцкого (название рассказа заимствовано из названия его песни) сам уехал в Магадан – не по этапу, не по этапу...

Наши земляки – жители Новоцимлянского сельского Совета туда ехали не по своей воле.

Из хутора Медведев по разнарядке со своим отцом в Хабаровский край «загрел» Василий Стефанович Полунин, а из ссылки вернулся один, оставив могилу отца на чужбине.

Додонов Мефодий Иосифович 1906 года рождения из хутора Ремизов десять лет провёл в Магадане за то, что «приметил» на портрете косолазие Вождя народов И.В.Сталина.

Десять лет в ссылке отбывала семья Шворобей Николая Ананьевича 1930 года рождения. Из Тернопольской области их семью депортировали за то, что его отец был дьячком в сельской церкви. Только в 1956 году им позволили вернуться домой. Поженившись с Шобуховой Клавдией Яковлевной 1937 года рождения, они вернулись на её родину и стали жить в станице Новоцимлянской.

Не по своей воле попали в Магадан Мазанов Трофим Константинович 1916 года рождения из хутора Протопоповский, Писковацков Никита Васильевич 1903 года рождения из хутора Кандауров и другие.

Этот рассказ построен на воспоминаниях Марии Никитичны Текутьевой (Писковацковой) 1937 года рождения и Константинова Николая Платоновича (1940-2017) – это ему в конце 50-х и начале 60-х годов пришлось работать с Никитой Васильевичем в сфере животноводства в колхозе имени Орджоникидзе. Это ему он говорил о хитросплетениях своей трагической судьбы, ничего не утаивая.

Рассказывает Николай Платонович Константинов: – Нам, молодым работникам животноводства, комсомольцам (Виктор Андреевич Кубеков-Кабанов 1938 года рождения), было приятно работать под руководством человека, который прошел школу тяжелых жизненных испытаний, поэтому о многом мы его просили сами рассказать, а что-то Никита Васильевич нам рассказывал по собственной инициативе, а рассказать ему было что.

После освобождения советскими войсками его из плена, как и другие, не понравившиеся Власти, он по этапу отбыл в Магадан не по своей воле. Суровый, неласковый Магадан принял его на долгие 6 лет. Попал он, правда, что было для него удачей, в тюремный лазарет исполнять работу санитаря.

Руководили лазаретом муж и жена (евреи), которые входили в окружение врачей, лечивших И.В.Сталина, попали под подозрение, а этого было достаточно, чтобы оказаться на Колыме.

«Врачиха» заужала Писковацкова, ласково называя его Никитушкой, а поэтому в лазарете ему многое дозволялось. Однажды утром он понёс в овраг, который был недалеко от лазарета, выбросить пищевые отходы. Было очень холодно. Высыпав отходы, он увидел, что в овраге сидит в рваной одежде человек и грызёт картофельные очистки. Что-то знакомое ему показалось в нём, поэтому, спустившись в овраг и приглядевшись, Писковацков в этом человеке узнал своего земляка из хутора Протопоповский – Трофима Мазанова. Был он худым, заросшим, но Писковацков угадал его всё равно:

– Труша! Это ты?

Трофим кивнул головой, даже не подав голоса. От его вида у Никитушки аж слёзы потекли. Обнялись земляки, а потом он повёл его в лазарет. Трофим остался, а он отправился в кабинет к «врачихе» просить её содействия.

– Никитушка! Что с тобой?

– Встретил земляка. Он в овраге ел картофельные очистки!

– Никитушка! Веди его сюда, мы его в лазарет положим.

Увидев, в каком состоянии находится Мазанов, она сказала:

– Никитушка! Веди его в баню, искупайте его, а одежду сожгите.

Искупанного, приведённого в «божеский» вид Мазанова переодели и положили в лазарет. Начал земляк за Трофимом ухаживать, почти не отходя от него. Стал каждый день кормить его рыбьим жиром.

– Ребята! (говорил он нам). Когда я его потом раздел в бане, то мне показалось, что у него на спине появились признаки рыбьей чешуи, – в шутку сказал Никита Васильевич.

Поправив своё здоровье, Мазанов остался работать при лазарете подсобным рабочим. В Магадан попал он тоже не по своей воле, с такими же статьями. Освободился он чуть позже Писковацкова. После освобождения Трофим работал в колхозе имени Орджоникидзе. В конце 50-х годов, благодаря усилиям бригадира 2-й бригады Ивана Петровича Киреева, стал работать на тракторе МТЗ-5 (без кабины).

Писковацков в это время работал скотником на 2-й МТФ, на откорме телят. Зимовка в тот год была очень трудная – уже в марте месяце от отсутствия кормов стадо телят ожидала голодная смерть. Правлением колхоза было принято решение гнать стадо в Кучугуры.

Желающих гнать телят не было. Согласились комсомольцы Кубеков и Константинов, которые должны были помогать Писковацкову.

Был март – снег уже почти весь потаял, поэтому на реке Цимле половодьем смыло плотину. Гнать решили через хутор Нижний Гнутов (Волгоградская обл.) – там, в районе маслозавода, был брод. Скот был тощим, поэтому совсем ослабевших призывали верёвкой и лошадьми перетягивали на другой берег. Пришлось в ледяной

мартовской воде открыть «купальный» сезон – иначе было никак нельзя. С горем пополам стадо переправили и погнали в сторону бывшего хутора Пронин.

В Кучугурах для скота даже в то время был хоть какой-то корм: прошлогодняя трава, ракета, камыш. Скот спасли, да и бригадир 6-й бригады Поляков Александр Петрович нам оказывал в этом всяческую помощь, и всё же в апреле появились первые потери.

В районе хутора Линьки отбились 4 телёнка, а может, им «помогли» отбиться, это потом этих телят списали на волков, а в то время у нас появилась возможность эту недостачу погасить. По пути в хутор Пронин к нашему стаду прибилося 5 бычков – удача.

Утром около базы объявился всадник. Было довольно прохладно, но на нём по пояс никакой одежды не было. Татуировки «украшали» его мощный торс, да и арапник (кнут) внушал нам опасения.

– Отец! В вашем стаде нет лишних телят?

– Нет!

– Точно?

– Точнее не бывает!

Не поверил незнакомец. Как выстрел, раздался хлопок арапника и громкий свист. Всадник повторил хлопок, свист и перед его очами предстали 5 прибившихся телят. Это было не цирковое представление – телята таким образом были им тренированы.

– Отец! Кнута хочешь?

Никита Васильевич молчал – молчали и мы. Всадник пришпорил коня, а за ним побежали и телята. Придя в себя, Писковацков только и произнёс: – Твою мать! Ну, чисто соловей-разбойник, весь в орлах...

Правление колхоза оценило наш трудовой героизм, а секретарь парткома Александр Александрович Байгаринов дал нам рекомендацию для вступления в партию. Из животноводства я ушел в механизаторы, но о своём наставнике у меня сохранились только хорошие воспоминания.

Рассказывает Мария Никитична Текутьева (Писковацкова):

– До переселения мы жили в хуторе Кандаурове. Семья у нас была большая. Помимо отца и матери (Анны Никандровны, 1907-1986) в семье было четверо детей – Александр 1926 года рождения, Наталья 1930, я и сестра Алевтина 1939 года рождения.

Когда началась война, отца призвали в армию вместе с Леонидом Пантелеевичем Ивановым из хутора Ильин. Вскоре отца отпустили домой – причина нам была не известна. Во второй раз – часть, в которую его направили, окружили немцы и он попал в плен. Лагерь военнопленных, в котором он находился, Советская Армия освободила в самом конце войны. Начались проверки и допросы, по итогам которых он был осуждён на 6 лет, а затем ещё два года «поселения» в Магадане. Домой вернулся в 1953 году.

Трофим Мазанов, которого он встретил в Магадане и спас от неминуемой смер-

ти, до конца его (отца) жизни тепло, с благодарностью о нём отзывался.

До войны отец работал садоводом, был бригадиром. Сажали сады, лесопосадки. В станице Карповской (в лучке) посадили сад – был очень хороший. После освобождения работал в хуторе Ремизове скотником (животноводом), а в последние годы – водовозом. Умер от онкологии в 1977 году. В 1-ю Мировую войну, в 1914 году, погиб его отец. Сейчас в хуторе Богатырёве проживает его младшая дочь – Широкова (Мазанова) Вера Трофимовна 1942 года рождения.

Трофим Мазанов пережил своего спасителя, но после смерти жены Мазановой Дарьи Васильевны 1912 года рождения он до конца своих дней жизни проживал с Мезенцевой Домной Мироновной 1913 г.р.

Сейчас уже мало кто знает о том времени, в котором жило наше старшее поколение. Пройдёт с десяток лет – вообще всё уйдёт в забвение, поэтому всё мной написанное – для тех, кто будет (даст Бог) жить дальше, и для памяти будущих поколений.

Примечание. Трофим Константинович Мазанов доводился родным дядей Александру Яковлевичу Мазанову, описание о котором пойдёт в следующем рассказе.

Отступил с немцами...

Кому-то из читателей может и не понравится то, что из архивных похозяйственных книг мною взяты данные о наших хуторянах и станичниках, которые в начале 1943-го года отступили вместе с немецкими войсками. Обстоятельств тому, что тогда было, может быть несколько:

На службу к немцам могли пойти кровно обиженные на советскую власть, которая, в своё время, незаконно отняла годами всёжитое имущество, а также жизни их близких родственников.

Могли пойти служить к немцам и от безысходности, когда не устраивала их перспектива того, что семьи их могли банально погибнуть от голода.

Были и те, кто этой службой пытался оказать помощь советской власти, подрывая мощь германской армии.

Сейчас уже нет возможности определить и выявить – с какой целью и по какой причине наши земляки оказались на службе у немцев, но на третьей категории наших земляков остановимся более подробно. Обратимся к воспоминаниям Раисы Ивановны Ажнакиной из книги А.А.Константинова «Цимла. Время выбрало нас».

– Пленных в лагере (ст. Хорошевская) было много, но были из него и побегии. Летом мы ночевали на крыльце и иногда ночью к нам в хутор Средний приходили беглецы. Баба Нюра их кормила, давала кое-что из продуктов, а провожая, говорила, куда им идти.

В хуторе со своей матерью жила женщина-калека, она очень хорошо шила. Сбежавший из концлагеря солдатик, «прибившись» к ним, так и остался – ночью спал у них в доме, а днём отсиживался в подвале. Стало уже холодать, и хозяева посоветовали ему обратиться к хуторскому старосте – может, он что-нибудь по-

советует, поможет. Староста Гавриил Худяков «посоветовал» ему убраться с его глаз долой, пообещав пристрелить. Солдатик ушел, а в хуторе он вновь появился уже с наступающими советскими войсками. Самым удивительным было то, что он оказался у нас за столом с нашими солдатами, которых баба Нюра стала кормить бараниной. Это был тот солдат, которому староста Худяков «посоветовал» убраться с его глаз долой, пообещав пристрелить. От этого солдата мы узнали, что скрывался он и пару месяцев жил у Веры Терентьевны – это она хорошо шила. В знак благодарности за своё спасение, отнёс он ей самое дорогое в то время – новые портянки. Этот же солдат пообещал пристрелить старосту Худякова. Пытался найти его в хуторе, но безрезультатно.

Информация от автора (А.К.)

Староста хутора Средний – Гавриил Григорьевич Худяков, 1912 года рождения, перед войной работал трактористом в сельхозартели «Новый путь». От призыва на войну его освобождала «бронь» механизатора. Перед оккупацией Цимлянского района немецкими войсками районный отдел НКВД оставил его в тылу врага.

После освобождения станицы Карнауховской и хутора Средний со 2-го на 3-е января 1943 года в течение двух месяцев Худяков составлял отчёт о проделанной работе в период оккупации, а «органы» перепроверили, что он делал на занятой немецкими войсками территории.

2-го марта 1943 года призван он был в РККА. 4-го февраля 1944 года казак Худяков Гавриил Григорьевич умер от полученных ран на фронте. Отец троих сыновей: Михаил 1936 г.р., Владимир 1939 г.р., Иван 1941 г.р.

Можно лишь догадываться, какую помощь у старосты хутора мог просить сбежавший из Хорошевского лагеря военнопленных бывший красноармеец. Очевидно, староста Худяков увидел в нём добровольного пособника врага, потому и пообещал пристрелить его. Что могло случиться с Гавриилом Худяковым, если бы солдат отыскал его в хуторе...

Обратимся из этой книги мы и к воспоминаниям Тамары Александровны Мазановой, которая в год оккупации проживала в хуторе Бударин:

– Мой отец – Мазанов Александр Яковлевич, 1909 года рождения, был с незаконченным офицерским образованием. Причина этого была в том, что в начале 30-х годов в наших краях, в том числе и в хуторе Бударин, свирепствовал жесточайший голод. Мать Александра Мазанова (мою бабушку) привлекли к уголовной ответственности за то, что уже после уборки зернового поля она собирала для семьи колоски – в то время это было страшным преступлением. Делу был дан ход, а результатом этого стало – мать отправили в тюрьму, а отца отчислили из военного училища (школы красных командиров).

Несостоявшийся лейтенант в родном колхозе имени 17-го партсъезда сначала был завхозом, а затем был избран и председателем. Колхоз в то время включал в себя три хутора: Бударин, Аксёнов и Епифанов.

На войну отца забирали одного. 1-го июля 1941 года на колхозной лошади, он

был в обмундировании кавалериста, которое также было справлено за счёт колхоза, на прощанье заехал в помещение правления колхоза. Развернувшись в зале, направил коня к выходу и галопом поскакал на войну. Правление колхоза размещалось в казачьем доме хозяина из хутора Епифанов, которого в годы коллективизации раскулачили.

С призывного пункта станицы Цымлянской до Персиановки своим ходом он ехал с Алексеем Козловым и Семёном Сипливым. Там формировалась армия, с которой осенью 1941-го отец попал под Миус. Там со своей ротой он вскоре попал в окружение, но роту ему удалось вывести почти в полном составе, получив серьёзное ранение в правую руку. В апреле 1942 года по инвалидности отца комиссовали. Он был уже в хуторе, когда на него пришел документ, что считается он без вести пропавшим. Была у него попытка отступить с колхозной техникой за Волгу, но и это у него не получилось.

Хутор вскоре заняли румыны, а затем и немцы. Отца вызвали в станицу Нижне – Курмоярскую, откуда домой он вернулся уже на лошади. Новость, которую он привёз, для нас была очень неприятной. Немцы ему поставили условие – или согласие быть в станице старостой, или пуля в лоб. Нам объяснил, что, находясь при должности, он мог оказывать помощь населению и, в какой-то мере, собирать и передавать нашим информацию о немцах.

Мне было 12 лет, и я уже кое-что понимала в сложившейся обстановке. Однажды к нам домой пришли два солдата, точнее двое мужчин, одетых в нашу солдатскую форму. Они спросили у меня:

- Мазанов здесь живёт?
- Да.
- А где он?
- В Нижнем Курмане.
- Девочка, это твой отец?
- Да.

– Как только твой папа придёт домой, ты скажи ему, что мы приходили. Только об этом никому больше не говори. Отцу скажи, что мы его постараемся повидать.

Я всё рассказала отцу – он ушел в Кучугуры, а вскоре вернулся. Маме сказал, чтобы испекла она хлеб, и что у нас в огороде будут подкапывать картошку, но никто об этом не должен знать.

Уже ближе к Новому году стала слышна канонада наших стреляющих пушек. Отец вскоре приехал домой верхом на лошади. Нам сказал, что ему придётся отступать с немцами. Мы в слёзы, сидим и плачем. Он нам говорит:

– А вам легче будет, если на ваших глазах меня пристрелит любой солдат с передовой, и ему за это ничего не будет? Я вернусь! – это были последние слова, которые он нам сказал перед тем, как уехать.

После того как хутор был освобождён, с нашей семьёй начались разборки. Ответственность за грехи отца Власть переложила на мою мать. Ещё долгое время

мы были объектами травли и насмешек. Только после смерти Сталина появилась информация об отце. В станицу стали приходиться запросы о нём из Украины, а в 1956 году, когда мамы уже не было в живых, отец приехал домой.

— Как же тебе удалось уйти от ответственности за то, что ты был станичным старостой? — спросила я его.

Отец рассказал мне, что с немцами он отступал до Харьковской области, а потом, сбежав от них, явился в ближайший военкомат. Оттуда его отправили в Москву на сборный офицерский пункт, где он 3 месяца ждал своего «покупателя». С его ранением он оказался никому не нужным. Предложили ему работать учителем в школе, а после отказа направили в освобождённую Днепропетровскую область работать председателем РайПО. Уже значительно позже, в Кривом Роге «отыскал» его орден Красной Звезды за то, что в первый год войны он спас свою роту от полного уничтожения. Орден ему торжественно вручили в военкомате — он его «искал» почти 30 лет. Умер Александр Яковлевич в 1977 году в Кривом Роге...

Это рассказ Тамары Александровны о том, что она знает, но есть информация, которая для неё оказалась невероятной, не поддающейся для её возраста новостью. Информация эта в данный момент неофициальная, но она даёт ответы на многие вопросы — почему староста станицы Нижне-Курмоярской не понёс от советской власти никакого наказания. Объяснение этому есть, как и есть объяснение, за что в торжественной обстановке ему в конце 60-х годов был вручён орден Красной Звезды за номером 3590525 от 8 июля 1967 года. Номер удостоверения — Ж — 002304.

По данным исследования обстоятельств прошедшего, выясняется то, что изначально и предполагалось. По этим данным становится ясно, почему Александр Яковлевич избежал наказания за то, что был и старостой, и за то, что отступил с немцами. За такие грехи у советского «гуманного» правосудия полагался, как минимум «четвертак». Назвать советскую власть лояльной и сердобольной — язык не поворачивается, тем более некоторые и за куда меньшие грехи приговаривались к длительным тюремным срокам, а некоторым и «лоб зелёной мазали».

Дело с Мазановым обстояло иначе. Орден Красной Звезды в послевоенное время он получил не за то, что в 1941-м году ему удалось вывести из окружения роту красноармейцев. В эту легенду должны были поверить наиболее любопытные земляки и даже близкие родственники. То, что будет далее излагаться в расследовании событий почти 75-летней давности, практически выглядело так.

Не вызывает сомнения то, что санкцию работать станичным старостой он получил от органов НКВД. Ясное дело — немцы уже доподлинно знали, за что его «уволители» из школы красных командиров, за что посадили в тюрьму его мать. Знали они, что в роду Сорокобатькиных (по материнской линии), к которому он имел прямое отношение, было несколько хуторских атаманов и много, много интересного ещё...

Всё это давало немцам полагать, что перед ними «свой в доску» закоренелый противник советской власти. Доверить даже станичный полицейский архив во время отступления немцы кому-либо вряд бы позволили.

После того, как Мазанов попрощался со своими родными, он верхом на лошади вернулся в Нижне-Курмоярскую. Оттуда в составе колонны отступающих ехал он один в бричке, в которую был загружен весь оккупационный архив населённых пунктов станицы. Под Харьковом колонна эта попала под бомбёжку советской авиации. Начались неразбериха и паника, в результате которой ему каким-то образом удалось оторваться от основной группы отступающей колонны. По его рассказу, ему удалось переждать, пока фронт продвинулся на запад, и явиться в ближайший занятый советскими войсками населённый пункт.

Контрразведка сразу оценила, что перед ней находятся очень ценные архивные материалы, в которых было очень много бесценной информации. По этим материалам были раскрыты и агентурные сети на территории населённых пунктов, находившихся под оккупацией. Данные этого архива помогли документально выявить и осудить добровольных помощников немецких властей, в том числе и нескольких жителей хутора Челбина.

Этими обстоятельствами можно и объяснить, почему к Александру Мазанову не были применены репрессивные меры. Вскоре на освобождённой территории был он трудоустроен, а в послевоенное время, в центре Кривого Рога получил хорошую квартиру. Там и «нашел» его орден Красной Звезды. Однако после освобождения земли Цимлянской, «органы» временно не советовали ему возвращаться домой. Неизвестно было, как воспримут его появление в родных местах непосвящённые в эту тайну и земляки, и завистники.

В марте 1943 года, когда архив оказался в руках НКВД, в нашем районе образовалась закрытая зона. Перемещение населения на этой территории было практически запрещено. Началась тотальная проверка (фильтрация) каждой семьи, каждого населённого пункта на лояльность и сотрудничество с немецкими оккупационными властями, тем более что основания для этого имелись веские. Органы пытались выяснить, почему погибли диверсионные группы, которые во второй половине 1942-го года десантировались с самолётов, так и не выполнив поставленной им задачи. По некоторым данным, таких групп было около 10. НКВД пытался выяснить, кто же «помогал» немцам в ликвидации этих групп...

Тему, связанную с оккупацией нашей местности продолжаю, а объектом исследования станут станица Новоцимлянская и хутор Колотовка.

Из всех тех, кто сотрудничал с оккупационными властями, только одному в наших краях пришлось за эту службу заплатить своей жизнью, хотя особо реальных оснований для этого не было. Во второй моей книге «Цимла» на странице 103-ей об этом есть небольшая информация. Придётся её вспомнить и «привязать» к этому материалу, чтобы понять — почему Александр Мазанов, по сути, получил «добро» от советских органов на отступление с немцами.

У жителя станицы Новоцимлянской, который на службе у немцев был рядовым полицаем, ситуация была почти аналогичной, но он не отступил, считая, что вред и урон от его службы был незначителен. Эта недооценка ситуации с ним сыграла

роковую роль в его жизни. Отношение у передовых советских частей к таким, как он, было иное – расстрел.

Иван Васильевич Кандауров 1901 года рождения в станице был соседом семьи Алфёровых. Глава этой семьи – Алфёров Пётр Николаевич 1903 года рождения во время оккупации станицы воевал на фронте (пропал без вести в апреле 1943 года), а дома у него остались жена Нина Филипповна 1903 г.р. и сын Николай 1929 года рождения. Николай Петрович хорошо помнил то, что было в оккупированной станице, и в своих воспоминаниях о своём соседе Кандаурове ни одного плохого слова не сказал. По его рассказам, Иван Кандауров своей жизнью расплатился за предвоенный конфликт.

Примерно за год до начала войны у Ивана Кандаурова и Кузнецова Ивана Васильевича на мельнице хутора Ремизов произошел спор за очерёдность помола зерна, который перерос в банальную драку. Времени прошло после того случая довольно много, но Иван Кузнецов этого не забыл. Сразу после освобождения станицы, он заявил на Кандаурова и дал на него «хорошие» показания.

Иван Кандауров был арестован у своей сожительницы Таисии Белоусовой 1897 года рождения, а так как военной комендатуры в станице ещё не было, то приняли решение доставить его в только освобождённую станицу Цимлянскую. Конвой повёл бывшего полицая, но утруждать себя 25-километровой «прогулкой» не стал. За станицей, на пути к хутору Колотовка они его застрелили без суда и следствия, оставив труп в снегу около дороги.

Окоченевший труп Ивана Кандаурова нашла Полякова (Харитонова) Ефросинья Ивановна 1900 г.р., которая с ним долгое время была в «отношениях». Погрузив тело на санки, она привезла его домой к Таисии Фёдоровне. Многие станичники ходили смотреть (в том числе и моя мать) на покойника. Лежал он в доме на голой сетке кровати, животом вниз. На деревянный пол, через сетку, уже накапала лужичка оттаявшей сукровицы.

Казалось, что можно бы и точку поставить над биографическими данными Ивана Кандаурова, но даже почти столетний отрезок времени может вновь напомнить о себе и преподнести новые неожиданности, так называемые сюрпризы.

В июне 2017 года неожиданные сведения поступили от жителя города Белгорода – Калмыкова Геннадия Анатольевича 1943 года рождения, родного племянника расстрелянной ЧОНовцами в 1923 году Калмыковой Анны Александровны. Эти сведения проливают свет на более ранние события из жизни Ивана Кандаурова, но и они не дают ответа на главный вопрос, как могло такое случиться, и где правда, а где её версия?

По последней информации выясняется, что в 1923 году Иван Кандауров был в составе отряда милиции ЧОН (часть особого назначения) и принимал самое активное участие в расстреле Анны Калмыковой. (А.А. Константинов. «Цимла. Время выбрало нас». Стр. 64,65). Возникает вопрос, как такое могло случиться, что боец специального отряда милиции почти через два десятилетия мог поступить на службу к немцам полицаем? Если он получил «добро» идти на эту работу от советских

«органов», то слишком рисковал – немцы его просто обязаны были разоблачить. Возможно, не произошло это по той причине, что гестапо не дошло до станицы Новоцимлянской и остановилось на линии хуторов Черкасский и Чекомасьев. На территориях Новоцимлянского, Маркинского и Нижне-Курмоярского сельских Советов находились только передовые подразделения немецких и румынских войск. Вопросов много, но ясных ответов на них нет. Далее – почему Кандауров не отступил в январе 1943 года с немецкими войсками, боялся, что немецкие «органы» всё же доберутся до него и «отфильтруют» его прошлое? Если он был у немцев «засланным казачком», то почему об этом он не проинформировал командование 91-го стрелкового полка, который освобождал станицу.

Возможно, что эту информацию он мог бы дать в станице Цымлянской, куда его конвоировали советские солдаты, но они его «не довели», застрелив между станицей и хутором Колотовка. Их можно было тоже понять – конвоировать полицая зимой за 25 километров – удовольствие малоприятное. Вот и получается так, что вопросов в этом деле гораздо больше, чем ответов, да и иллюзии, что когда-нибудь у нас эти ответы появятся – равны нулю.

Эту тему невозможно обойти без дополнения.

Теперь нам можно только догадываться, смог бы бывшему ЧОНовцу оказать реальную помощь командир 91-го стрелкового полка гвардии майор Епанчин Александр Дмитриевич, если бы Иван Кандауров обратился лично к нему. Но не до него было командиру этого полка. Дело в том, что при освобождении станицы Новоцимлянской, благодаря его командирскому «таланту», 91-й стрелковый полк понёс очень большие, неоправданные потери личного состава.

Под утро 1-го января 1943 года, в темноте приняв темнеющий за станицей лес за позиции немцев, полк «атаковал» этот лес с криками «Ура!» Потери от этого «боя» были таковы, что уже после освобождения станицы убитых наших солдат несколько дней свозили в центр станицы. Двое больших саней, в которые были запряжены по 4 быка, возили убитых наших солдат. На санях они лежали поперёк штабелями, раздетые до нижнего белья.

Только этими потерями беда 91-го стрелкового полка не закончилась. Уже за МТСовской нефтебазой, днём этого же дня, в чистом, едва заснеженном поле немецкие танки гусеницами давили наших солдат. Танки появились со стороны хуторов Сизова и Богатырёва. Гонясь по полю за нашими солдатами, немецкие танкисты, экономя патроны, давили их. На земле, вперемешку со снегом валялись оторванные руки, ноги, головы и раздавленные внутренности наших солдат. Более 150 советских солдат и офицеров погибло за освобождение станицы.

Герой Советского Союза А.Д.Епанчин после войны продолжил службу и в звании генерал-лейтенанта в 1970 году ушел в запас. Его военный «талант» оценён был в 1958 году. В том году у него состоялась поездка в ФРГ. Она была приурочена к празднованию какого-то немецкого национального праздника и в какой-то мере – к примирению бывших участников Отечественной войны.

За праздничным столом один совсем пожилого возраста немец задал Епанчину вопрос:

– Скажите, а за что Вы имеете звание Героя Советского Союза?

– Эту награду я получил за удачное деблокирование группировки войск Манштейна в период Сталинградской битвы, – ответил ему Епанчин.

– Понял. Значит за бессмысленные лобовые атаки, с ужасающими потерями, – с саркастической улыбкой заметил собеседник.

– Простите, а с кем я имею честь разговаривать?

– Эрих фон Манштейн, – последовал ответ пожилого немца.

Это был не протокольный разговор, который в течение многих лет мог быть в значительной мере видоизменён. Эрих фон Манштейн, задавая свой вопрос, явно знал, кому он его адресует.

Как под копирку были действия и другого «стратега» – командира 88-го стрелкового полка Д.В.Казака. Его полк наступал на хутор Челбин и также понёс несопоставимые и аналогичные потери. Только командир 84-го гвардейского стрелкового полка Корида Леонтий Дмитриевич оказался действительно талантливым командиром. Его полк наступал со стороны станицы Нижне-Курмоярской на станицу Хорошевскую и далее. Налаженная разведка позволила ему незаметно, по балке провести свой полк. Освободил его полк и 500 военнопленных, которые находились в Хорошевском концлагере. Пополнения от военнопленных полк не получил – их «особисты» угнали в неизвестном направлении. Соответственно и потери в полку составили всего 2 солдата.

А далее был Миус-фронт. То, что было в наших краях, с потерями в 88-м и 91-ом стрелковых полках – это была «репетиция». На Миусе были уже совершенно «настоящие» потери. Там от двух этих полков осталось по полроты личного состава. Видимо, за эти «настоящие» потери командиры 88-го и 91-го стрелковых полков и получили звания Героев Советского Союза.

Отступил с немцами (дополнение)

Не думал, не гадал я, что к материалу, связанному с оккупацией наших мест, в самый последний момент поступят сведения, причём очень интересные. Следует отметить, что отношение к тем, кто в период оккупации состоял на службе у немцев, было не совсем хорошее, особенно со стороны тех, у кого погибли на фронте их близкие и родственники.

Информация о том, что Андрея (Алексея) Сухова настигла справедливая кара за предательство, в нашей местности разнеслась быстро и сочувствия к нему со стороны его земляков не имела. После освобождения хутора Колотовки, во время переселения семья Суховых сменила место своего жительства, а когда из газеты «Молот» хуторяне узнали о казни предателей, многие этому безоговорочно поверили.

По прошествии многих лет земляки об этом уже стали забывать, пока не появились свидетели и очевидцы, которые стали утверждать, что в посёлке Дубравном

Цимлянского района видели Андрея Сухова живым и невредимым. Эти слухи можно было подвергнуть сомнению, если бы не стали поступать сведения о том, что в 70-е годы Андрей Сухов стал посещать своих бывших хуторян. То, что это действительно было так, утверждает моя одноклассница, а сейчас жительница города Таганрога – Тамара Григорьевна Пономарёва (Сирота):

– В одно лето – семидесятые годы – я была в станице Калининской у моих родителей – Сирота Григория Максимовича и Ольги Фёдоровны. Мы были во дворе нашего дома, собирались готовить ужин. У калитки появился незнакомый для меня человек, был он не из калининских жителей.

Мама пошла к нему навстречу и вернулась вместе с ним к порогу нашего дома. Она так сильно волновалась, что трудно было представить, что же за человек пришел к нам. Ей он уже сказал, что он Андрей Сухов, что отсидел много лет за свои преступления во время Великой Отечественной войны. В паузах между репликами мама восклицала: – Так ты жив? А мы считали, что тебя уже давно нет в живых! Что же ты хочешь?

– Я езжу по местам жительства наших переселенцев, ищу тех, кто знал меня в годы войны и прошу у них прощения. Простите и вы меня! – Он несколько раз повторил эти слова.

Мама в сильном волнении проговорила ему слова прощения и стала рассказывать, в какие дворы ему нужно идти, чтобы найти бывших жителей хутора Колотовки. Сухов ушел, наше волнение потихоньку улеглось, но на десятилетия у меня так и осталась память об этих минутах, об извинении Андрея Сухова, который для нас был предателем Родины! Что заставило его на закате своей жизни принести хуторянам свои извинения, видимо, произошло у него какое-то осознание своей вины и боязнь кары Небесной...

Далее придётся мне ознакомить читателя с материалом, поступившим по интернету от Ольги Антоновны Белым (Садковой) из областного города Донецка. Подавляющее большинство её родственников проживали в хуторе Колотовка, в том самом хуторе, который на стыке веков стал родиной семьи Суховых. Семья Устина Сухова и его жены Лукерьи Иосифовны, 1865 года рождения, в составе которой было 12 детей, ранее проживала в станице Есауловской, а затем переселилась в хутор Колотовку. То, что станица Есауловская является родиной семьи Суховых, говорит и тот факт, что в составе этой семьи в 1907 году в хутор Колотовку переселился и Сухов Дмитрий Устинович. Георгиевский кавалер, награждённый по итогам 1-й Мировой войны орденами и медалями, в годы Гражданской войны, произведённый в сотники (старший лейтенант), воевал в Донской Армии. Дальнейшая судьба сотника Сухова неизвестна. Всплывают данные и о том, что Андрей Сухов не являлся отцом Владимиру Алексеевичу Сухову 1940 года рождения, а был его родным дядей. Об этом поведал его друг детства – Николай Иванович Недоморацков из хутора Богатырёва (А.А.Константинов. «Цимла», страница 115). Знакомимся с воспоминаниями Ольги Белым (Садковой):

– В октябре месяце 1963 года в Краснодаре судили девятерых предателей Великой Отечественной войны, среди которых был и Андрей Сухов из хутора Колотовка Цимлянского района. 24 октября всем подсудимым был вынесен смертный приговор, но расстреляли не всех, в том числе и Андрея Сухова. Причина, по которой он остался жив, неизвестна. После войны он, по всей вероятности, жил в Молдавии, а в 1956 году местом его жительства стала Большая Царевщина Куйбышевской области.

В первой серии художественного фильма «Ошибка резидента», по ходу сюжета показан отрывок Краснодарского процесса 1963 года. На этом процессе Андрей Сухов показан крупным планом, он сидит в наушниках с опущенной головой. Андрей Устинович был мужем моей тётки Татьяны Васильевны, в девичестве Садковой. Из родственников тогда никто не знал, чем он занимался в годы войны. Это потом, когда его арестовали, я помню разговоры на эту тему. Помню, как действительно говорили, что в хуторе Колотовка он ходил в немецкой форме. Потом мы уже жили в одном посёлке Куйбышевской области, но его я не помню, мне в то время было лет 6 – 7. В 1956 году мы уехали в другой город этой же области, а через год переехали в город Сталино (Донецк). Частая смена мест жительства имела свои причины, на верное, Андрей Сухов догадывался, что его ищут.

Моя тётка промучилась из-за него всю свою короткую жизнь, а умерла она ещё до его ареста. Знаю, что отсидел он неполный свой срок, а вышел по амнистии, якобы из-за недоказанной вины. Знаю, что в Дубравном он жил с Евдокией Полубедовой, там она его 7-го октября 1978 года и похоронила...

Когда вышел фильм «Ошибка резидента», Сухова я узнала не по памяти, а по фотографии. Когда проходил Краснодарский процесс, мне было 14 лет, но я уже ничего не помню, о чём тогда говорили мои родственники. Совсем недавно отыскала в интернете сведения о том процессе, в котором был и Андрей Сухов. Там есть сведения о том, как их допрашивали, что они говорили, как объясняли свои действия. Прочитав всё это, я долго не могла отойти от ужаса, но вот о Сухове там мало информации, больше о его других «товарищах». Где его «нашли» – не знаю, но знаю то, что семья его в 1956 году вернулась в Ростовскую область, вероятно, что там его и арестовали. Почему была информация, что его казнили, а на самом деле нет – не знаю, но психика его была очень подорвана. До самой своей смерти вёл он себя неадекватно и всё время пил...

От автора. Вряд ли мы когда-нибудь в жизни этой узнаем о тех, кто, оказавшись в оккупации, не изменил своему народу и вёл борьбу за спасение государства Российского, в то время называвшегося СССР. Они запросто могли погибнуть от наступающих передовых частей, которые могли не утруждать себя в определении их виновности. Все и праведные, и грешные предстанут перед Судом Господним, и всем им воздася по их заслугам и деяниям...

Вопросы к этому материалу есть и будут, особенно надо разобраться, как Андрей Сухов в некоторых данных превратился в Алексея – то ли это одно и то же лицо,

*Кладбище посёлка Дубравный.
Здесь грешная душа Андрея Сухова нашла место своего вечного упокоения.*

*Фёдор Андреевич
Константинов.*

то ли два брата из очень большой семьи. Жизненный путь Андрея Сухова окончился 7 октября 1978 года. В этой дате есть какой-то мистический смысл и парадокс: именно в этот день в Цимлянском районе отмечалась «грандиозная» дата – первая годовщина брежневской Конституции.

Сам хутор Колотовка состоял как бы из нелогических противоречий. Наряду с жителями, прославившими этот хутор – генерал-лейтенант Рябышев Дмитрий Иванович и Герой Советского Союза Наборский Иван Савельевич, из этого хутора во время войны отступили и девять его жителей, в том числе и Андрей Сухов...

Подведём итоги. Не будем спешить огульно обвинять в предательстве наших жителей, оказавшихся в войну на так называемом перепутье. Для этого есть доказательства и основания, о которых мы или не знали, или под впечатлением внутреннего голоса не хотели знать и замечать. А ведь было и то, что называется – безвыходное положение. Это как? А так!

Всё дело в том, что не все поступившие на службу к немцам были явными предателями. Были и те, кого «органы» конспиративно оставляли для работы в тылу врага. Были и те, кого оставшийся в оккупации народ выбирал на сходах на должности старост и полицаяв.

Дело всё в том, что вместе с наступающими в наши края немецкими войсками шли и их добровольные пособники в лице жителей Западной Украины. В случае, если в занятом населённом пункте согласных выполнять работу старост, полицаяв немцы не находили, то к таким обязанностям приступал этот «западэнский» контингент. Примером этому был и хутор Кандауров, куда с немцами пришли и их два пособника-добровольца.

На сходах жители занятых станиц и хуторов имели возможность выбирать старост и полицаяв из числа своих земляков, надеясь на какую-то их лояльность и взаимопонимание, не исключались и родственные связи. Конечно, немцы рисковали, но использовать свои вооруженные силы для поддержания внутреннего распорядка на занятых территориях они не могли.

Прибывшие в хутор Кандауров расквартировались: один у Головковой Анны Сергеевны 1902 года рождения, другой в доме Хохлачёва Ивана Васильевича 1895 года рождения, участника Великой Отечественной войны. Этот год призыва на войну был последним годом призыва по возрасту. Если «квартирант» Головковых был вмняем, то квартирант Хохлачёвых был самой законченной тварью. Вот и ответ на вопрос, почему население не хотело «пришлых», хотя впоследствии, некоторым поступившим к немцам на службу их новые должности вскружили головы. Эти должности открыли и скрытые доселе не свойственные нормальному человеку пороки, но это уже совсем другая история...

Казак уходил, уходил на войну...

*На вольном, на тихом и славном Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил, уходил на войну,
Невеста его провожала...*

И хотя слова этой песни относятся ко времени Великой Отечественной войны, а ниже описанные события – 1-й Мировой и Гражданской войн, суть дела от этого не меняется, всё случилось у нас, на нашем казачьем Дону.

О трагической судьбе своего деда – Константинова Фёдора Андреевича с нами делится его родной внук Николай Иванович Недоморацков из хутора Богатырёва:

– У моего родного деда Фёдора Андреевича Константинова 1883 года рождения и его жены Евдокии Киреевны 1886 года рождения, в девичестве Рыбниковой, было четверо детей. Первенец Василий 1907 года рождения умер, когда ему не исполнилось и года. В 1909 году родилась моя бабушка Евдокия. В 1913 году – Евгения (Рыкунова), она потом с семьёй проживала в Цимлянске. Дочь Валентина родилась в 1922 году, уже после смерти своего отца. Долго жить Валентине Фёдоровне не пришлось: подхватив туберкулёз, она умерла в 1944 году. Ещё при немцах (оккупация) она сильно простудилась. Пасла быков и коров в лучке, а немцы, уже по холоду, заставили её оттуда их выгонять. Болела она долго, но отсутствие надлежащей медицины привело к трагическому исходу.

Родом моя бабушка была из хутора Рязанкин, который во время переселения стал частью хутора Нижний Гнутов (Волгоградская область). Родственников у нас в хуторе было много, в том числе и мой дядя Саша, которого я ещё хорошо помню.

Евдокия Фёдоровна Константинова замуж вышла в 1929 году за Ивана Анисимовича Недоморацкова 1906 года рождения. В 1930 году у них родился сын Иван, затем в 1933 году – сын Пётр, а третьим сыном у них в 1937 году стал я.

Служба деда Фёдора началась ещё в 1903 году. Данных о том, пришлось ли ему участвовать в русско-японской войне, у меня нет, но 1-я Мировая война, после повторного призыва, ему досталась от начала и до конца. Георгиевский крест явно говорит о том, что в тылу деду отсиживаться не пришлось, а награждён он был за непосредственное участие в боях с австрийцами (немцами).

Жизнь деда окончилась в 1921 году и виной этому явилась Гражданская война, кровавым катком прокатившаяся по территории бывшей Российской империи. Своей присяге, как и часть донских казаков, дед не изменил и служил только в Донской (белой) армии.

Гражданская война принимала уже очертания скорого окончания, но не в пользу Донской армии. Армия отступала по нескольким направлениям, одним из которых оказалось и Львовско-Яворовское направление. Казачий полк лихого есаула Фролова,

в котором служил мой дед, вместе с войсками генерала Бредова перешел границу Польши с намерением двигаться в сторону Венгрии. Своё отступление полк начал ещё от Новочеркаска. Почти по всей Украине в спину им «дышали» отряды батьки Махно, который в то время ещё принимал участие в боях на стороне Красной Армии.

В Яворове, перед переходом польской границы, войска Донской армии получили некоторую передышку, но для деда Фёдора она оказалась, увы, роковой – он подхватил сыпной тиф. Почти полгода пролежал дед в лазарете, но выздоровление к нему так и не пришло. Как и других умерших казаков, его похоронили на отдельно образованном казачьем кладбище.

Служил с дедом Фёдором и его кум, который был из наших цимлянских мест. Когда дед находился ещё в памяти, то написал он своей жене Евдокии Киреевне письмо, которое после его смерти кум и переслал нам с оказией. От себя кум написал Евдокии Киреевне, что Фёдор умер, а также описал местонахождение кладбища, на котором его похоронили.

Сразу два горьких письма получила Евдокия Киреевна. Вволю поплакала, погоревала, а затем стала собираться в дорогу. Выпросила у кого-то из хуторян быков и телегу, приготовилась к поездке.

– Львов, он от нас тут недалеко, – упрямо твердила она. – Поеду, привезу Федю и похороню его у нас, на родной земле!

Откуда ей было знать, что ехать до Западной Украины надо было полторы тысячи километров. Никакие уговоры о том, что ехать не надо, что это очень опасно, на неё не действовали. Поехала. Доехала до Морозовской (город Морозовск), а там её остановили чекисты из батальона ВЧК, который в то время был расквартирован в станции Морозовской.

– Куда едешь, тётка? – допытывались они у неё.

– Да вот еду за своим мужем Федюшкой, он умер во Львове. Надо мне его забрать и привезти домой, похоронить в земле родной.

– Тётка! Ты езжай домой, туда ты не доедешь, а по дороге тебя могут или ограбить, или убить!

После долгих раздумий развернула Евдокия Киреевна своих быков и опять поехала в свой хутор Пронин, в котором она тогда проживала, а её Федя так и остался лежать на казачьем кладбище, на далёкой львовской земле...

От автора. Начну с того, что Фёдор Андреевич мне являлся прямым родственником. Моему родному деду Никите Лукьяновичу Константинову он доводился двоюродным братом. Сейчас мой двоюродный брат Александр Константинов проживает в этих местах. Просьба Николая Ивановича Недоморацкова отыскать могилу его деда и нашего родственника пока ему не под силу. По его словам, там несколько кладбищ с такими захоронениями. Много там и могил с фамилией Константинов, но имя и отчество на них или не совпадают, или отсутствуют совсем. Обидно, но надежда не должна нас покидать, ведь человек на неё надеется до самого последнего конца!

Кучугуры

Донская территория вследствие отсутствия лесов и гор была наименее применима для действия партизанских отрядов, оставляемых советской властью в тылу немцев. Но всё же каждый, даже незначительный глухой уголок при помощи иногороднего населения, навсегда оставшегося враждебным к казачеству, даже несмотря на то, что при атамане Каледине Войсковой Круг предложил им, иногородним, встать в казачьи боевые ряды на равных правах с казаками, использовался для партизанской борьбы. Одним из таких мест был во 2-м Донском округе на границе с 1-м округом песчаный массив, по своему почвенному составу пригодный для выращивания винограда, не уступающего по качеству винограда французской Шампани. Эта будущая донская Шампань – так определила учёная комиссия перед Гражданской войной значение той маленькой донской «Сахары» – осталась и поныне не обработанной, за исключением малой части на окраинах, использованной для бахчей и опытных посадок клещевины.

Рельеф этой пустыни – песчаные дюны, «кучугуры», как испокон веков их называют казаки, и совершенная безлюдность (частичное заселение после Булавинского восстания) во все времена года давали возможность скрываться здесь казакам – партизанам (повстанцам) в течение многих лет после Гражданской войны, наводившим в округе страх на партийные органы всей местности.

В этих же местах, по бегству-отступлению нашей армии, были оставлены красные партизаны во главе с известным всему населению чекистом Сашкой Поповым. Много казачьих семей осиротил этот зверь, пользуясь законами советских джунглей, много кровавых слёз народа выпил этот свирепый хищник. Теперь его заданием было – через агентуру из иногородних следить за действиями казаков для будущей расправы над ними и наблюдать за движением немецких частей, шедших по старому казачьему шляху на Сталинград.

Казаки хутора Рязанкин (во время переселения стал частью хутора Нижний Гнутов), судя по поведению иногородних, чувствовали что-то неладное. На что-то и на кого-то надеялись их исконные внутренние враги – иногородние. Охотничье чутьё подсказывало – что-то недоброе затаилось в Кучугурах. Тёмными ночами стали ходить казачьи дозоры вдоль и поперёк пустыни и выследили: два десятка чекистских головорезов обосновались в песках с радиопередатчиком и боевыми припасами. Действительно, до последнего времени, искателям попадались схроны с добром как времён Гражданской, так и Отечественной войн.

Тишина и покой в маленькой песчаной пустыне. Кучугуры надёжно скрывают от всех проезжих дорог, население сюда не ходит, для скота пастбищ нет. Но Сашка Попов – чекист не верит этому покою, в этой тишине он чувствует затаённую ненависть, как чувствовал, когда был всеильным владыкой этих мест, и теперь эта ненависть может стихийно превратиться в народную месть. Недаром он не спит по ночам и всегда лежит в сторонке от землянки, не доверяя бдительности часового. Партизаны его отряда мест не здешних и потому не знают, на каком вулкане они находятся.

Предутренняя прохлада и мягкая теплота ещё не остывшего от дневного жара песка успокаивают тревожные мысли, и кажется ему, что лежит он на песке черноморского курорта НКВД, отдыхает после перевыполнения плана по уничтожению «врагов народа» и набирается сил для новых подвигов на своём кровавом поприще. Весело пожил, нечего сказать. И вспоминается ему лихое веселье, когда он в 1921 году, в Нижне-Чирской, в отделении ЧК, плясал на досках, положенных сверх пытаемых казаков. Так, говорит история, татары пиروвали на телах русских князей, так пируем мы при свете факелов из живых людей. Как хорошо держать в смертельном страхе людей и отправлять их по очереди в «штаб Духонина», но вот затем оживают они и встают, как эти ночные призраки...

Га-га-га – рванули ручные гранаты, подняв над землёй песчаный смерч.

– Ура-а-а! – ожили призраки.

Сашка нажал на спуск автомата. Несколько призраков исчезло. В образовавшуюся брешь стал он уходить что есть мочи от этого страшного сна наяву.

Короткие очереди, отдельные выстрелы, и бой у землянки закончен.

– Уходить, уходить, – стучит в висках чекиста ужас возмездия.

– Скорее, скорее, – шумит под ногами песок.

– Не уйдёшь! – всё явственнее выговаривает топот погони.

– Не уйдёшь, братьев убил, сынов убил. Бог дал мне силы перебороть 12 лет концлагерей для отмщения тебя, извергу рода человеческого.

Перекосилась вся фигура чекиста от звериной злобы отчаяния и напряжения, косо идёт последняя очередь из опустошенного диска.

Казачий конь сбил его на всём ходу и втоптал в песок, а железные тройчатки вил пронзили насквозь аспида и змия. Никто не захотел предать земле убитого чекистского зверя.

– Не будем осквернять казачью землю, пусть карги растаскивают эту большевистскую падаль, – сказал старый казак, исполнивший священную месть. Так – «око за око, зуб за зуб» – расплачивалось казачество со своими палачами, намеревавшимися продолжать свою кровавую деятельность.

НКВД предвидел, что казачество в станицах быстро расправится с их партизанщиной, не имеющей поддержки населения, а потому «лесными дебрями», где обычно были становища партизан, в казачьих землях стали города, имеющие не казачье население, как Ростов, Батайск, с их первостепенным стратегическим значением. Где были созданы тысячи обученных диверсантов всех специальностей, организованно заполнивших аппарат администрации нового порядка, вводимого немцами через своих комендантов.

Пётр Донсков. «Трагедия казачества». 1994 г.

Информация к размышлению. К этому материалу можно отнести с подозрением в правдоподобности, если бы не было некоторых отголосков этих фактов, которые имели место в нашей местности ещё не по совсем далёким временам от этих событий. Ещё в пору моего детства от нашего старшего поколения проскальзы-

вали разговоры о том, что перед самой оккупацией немецкими войсками наших хуторов и станиц Кучугуры буквально кишели и дезертирами, и уголовным элементом, и другим людом, бывшим не в ладах с законом.

Рассказывалось, что спецгруппы НКВД без суда и следствия расстреливали мужское население, которые им попадались вне населённых пунктов. Этот контингент подозревался в том, что они явно могли бы сотрудничать с оккупационными властями. Этого беглого, а также непредсказуемого в своих поступках люда в Кучугурах по даже скромному подсчёту было столько, что хватило бы для формирования не менее одной кадровой дивизии. Так это было, или нет, вряд ли когда-нибудь эта информация будет обнародована.

Насчёт кучугурных схронов. Поделюсь информацией 30-летней давности, которую мне поведал бывший житель хутора Кулалы, семья которого в период «переселения» переехала в хутор Черкасский. Это – Иван Петрович Мартынов 1929 года рождения, с ним мне в 80-х годах прошлого столетия довелось вместе работать, когда хутор Черкасский обслуживался и относился к Новоцимлянскому радиоузлу и АТС. Он рассказывал о том, что в Кучугурах с самого начала 1942 года начались закладываться базы для партизанских отрядов. Это было странно, это не вязалось с заявлениями Сталина о том, что враг будет разбит ещё на границах нашего государства, и о нашей быстрой победе над ним. То, что возможна оккупация наших мест, можно было бы считать сущим абсурдом.

Базы ГСМ, продовольствия, возможно, и оружия закладывались скрытно от посторонних глаз, к тому же население и без этого боялось углубляться далеко от своих населённых пунктов, опасаясь последствий и для своего здоровья, и для своих жизней. Иван Петрович называл мне фамилию своей хуторянки – она за давностью лет в моей памяти не сохранилась. Эта хуторянка однажды далеко удалилась в глухомань от своего хутора. Было это весной 1942-го года. Весеннее время, когда заканчивались продовольственные припасы, было всегда голодным, потому и пошла она в поисках съедобных корней и первой зелени.

Около одной из кучугурин её внимание привлекла торчащая в осыпавшемся песке металлическая труба. Начав разгребать руками песок, она обнаружила и кран-вентиль. Почувствовался запах керосина. Это была удача – керосин уже в то время считался стратегическим, «на вес золота» материалом.

Принесла она из дома два бидона. Наполнив, отнесла их домой. На следующее утро она пошла уже с посвящённой в её тайну соседкой. Затем эта тайна стала доступной для других соседей и родственников. Кончилось всё это тем, что уже на второй день этого радостного события около керосиновой «лавки» стоял вооружённый часовой, который за малым не открыл по ним стрельбу.

Уже после освобождения многих хуторян, в том числе и Ивана Петровича, захлестнуло желание найти что-нибудь ценное «в песках» для своих хозяйств. Иван Петрович нашел то, отчего на всю жизнь остался без одного глаза. Что-то заинтересовавшее его взорвалось в руках, навсегда лишив его зрения и подарив ему чёрную

повязку на всю оставшуюся жизнь. Недавно мне стало известно, что мой друг и коллега уже давно умер от онкологии...

После всего этого прочитанного о Саньке Попове, который в 1921 году был начальником продотряда, затем начальником милиции, а далее начальником ОГПУ – эта информация из станицы Нижне-Чирской уже не кажется такой выдуманной и фантастической. Кучугуры ещё хранят столько тайн, о которых мы даже и не подозреваем...

Правда обязана быть только правдой

Попробовал бы кто-то ещё лет 30 тому назад усомниться в героизме Цымлянской дружины – неприятностей возникло бы у него хоть отбавляй. Мы всецело верили советской пропаганде и, если она нам говорила, то обсуждению и недоверию это не подвергалось.

Времена, однако, к лучшему это или нет, но меняются. Шквал информации на нас обрушивается такой, что, поди, разберись и отличи правду от вымысла. И всё же из глубин прошлого пробиваются ростки памяти тех дальних лет, которые в своё время по секрету передавались своим близким родственникам, предки которых и являлись участниками тех страшных событий столетней давности.

Однобокость советской пропаганды сводилась к тому, что права была только одна сторона, это к ней были направлены симпатии со стороны советской власти. Другая сторона считалась закоренелым врагом, со всеми вытекающими отсюда обвинениями и последствиями.

В центре города Цимлянска расположен памятник красной дружине, погибшей 2-го апреля 1918 года под хутором Щегловым. Ничего плохого в этом нет – память о наших жителях быть должна, и спорить по этому поводу необходимости нет. Одновременно считаю, что рядом должен стоять и другой памятник, посвящённый противоборствующей стороне, они тоже стали жертвами братоубийственной войны, и это не их вина, что оказались они по разные стороны баррикад. Нам теперь уже не выяснить, кто из этих сторон больше любил свою Родину и желал ей добра, это тот вопрос, ответ на который не может быть готов и по сей день.

Советские пропагандисты не сочли нужным и возможным ответить на самый главный волнующий вопрос: почему из 130 дружинников станицы Цымлянской власть Советов «защитать» отправилась только половина (68) дружинников? Остальная половина практически самораспустилась. Ответ здесь может быть только один – остались те, у кого руки не были замараны кровью безвинно убитых. Информация о том, что дружина покидает станицу, разглашению не подлежала, а потому и держалась она в секрете. Возникает вопрос, как при отсутствии телефонной связи казаки самой отдалённой станицы Генерало-Ефремовской (Новоцимлянской) узнали об этом и организовали со всеми погоню за далеко уже ушедшими дружинниками? Значит, кто-то им «настучал» о планах и намерениях дружины.

Самыми активными участниками этой акции были казаки Генерало-Ефремовской

станицы. Именно они приняли решение: «догнать, отобрать, наказать!» Отобрать обязаны они были всё то, что награбила так называемая «народная» дружина в станице Цымлянской и её округе. Это ею были ограблены цымлянские церкви, касса спиртового завода, томатного завода и др.

За эти деяния цымлянская дружина понесла вполне заслуженное наказание, но дело на этом не окончилось. Главным подстрекателем к грабёжам и карательным акциям в нашем краю была станица Морозовская. «Знакомство» казаков станицы Цымлянской с морозовскими «интернационалистами» произошло 20-го января 1918 года, когда из Морозовской прибыл отряд красных интернационалистов, которые приступили к массовым карательным акциям. Расстрелу подверглись купцы, дворяне, юнкера, бывшие офицеры, которые отказались служить новому режиму и вступать в формируемую дружину. Эти действия имели главную цель – разжечь на Дону «настоящую» Гражданскую войну. На Дон, в особенности со стороны Украины, потянулись полубандитские формирования – так их охарактеризовал политический и государственный авантюрист Лев Давидович Троцкий. Численность этих отрядов доходила до 1000 и более человек.

Морозовским гарнизоном командовать в то время пришлось одному из командиров такого отряда – Ефиму Афанасьевичу Щаденко (1885-1951), впоследствии ставшему членом Реввоенсовета 1-й Конной армии. Под «ружьём» в станице Морозовской находилось от 2,5 до 3-х тысяч штыков разных мастей наёмников. Наши хутора и станицы постоянно испытывали угрозу от этого гарнизона, потому и было принято решение «выкурить» или в какой-то мере уничтожить этих «интернационалистов». Поводом для такого решения стало и то, что 24-го марта (6-го апреля по новому стилю), освобождая захваченных большевиками местных партизан (казаков), восстаёт станица Баклановская. В это же время начинаются волнения в столице Войска Донского – Новочеркасске.

(ГАРО фонд 3440, опись 1, дело 2, лист 78).

Объединённые казаки дружины (дивизионы) станиц Генерало-Ефремовской, Терновской, Чертковской в мае 1918 года выдвинулись в сторону станицы Морозовской – рассадника интернациональных наёмных банд, основу которых составляли китайцы, латыши, австро-венгры и др. Дивизион Генерало-Ефремовской хоть и считался пешим, но в нём было и незначительное количество конных казаков. Чертковский и Терновской дивизионы были полностью конными. Командовал этим объединённым войском Авчинников (данные о нём отсутствуют). Помощь к цымлянам пришла и от казаков верхнедонских станиц.

28 мая 1918 года (10 июня по новому стилю) Терновская конная дружина (дивизион) взяла станицу Морозовскую. В плен попали 1000 наёмников, одурманенных лёгкой наживой. Остатки гарнизона красных «интернационалистов» в количестве 1300 человек отступили в Чернышковое (30 км.) Казаки их настигли и взяли в плен ещё 1000 человек, а также много военного имущества и техники, в том числе и 7 тракторов.

В приказе Всевеликого Войска Донского № 197 особенно была отмечена Генерало-Ефремовская пешая дружина, а также Чертковская и Терновская конные дружины. Остатки интернационального «войска» отступили в Котельниково. Поводом для зачистки станицы Морозовской от этого «интернационала» стало то, что в феврале-начале марта в станицу Цымлянскую оттуда прибыл вооруженный отряд, который и стал участвовать в репрессиях и разграблении более богатой станицы, чем захудалая, не имеющая особого значения, степная станица Морозовская. Угроза со стороны Морозовской и Котельниково присутствовала постоянно, поэтому после разгрома Морозовского гарнизона, очередным объектом у казаков намечался Котельниковский гарнизон. Этого не случилось по причине изменившейся обстановки – Дон уже запылялся пламенем Гражданской войны.

Не могу закончить на этом материал потому, что в боевых действиях Генерало-Ефремовской дружины участвовал и мой прадед по материнской линии – Калмыков Фёдор Феофанович. До самых последних лет нам, родственникам, об этом ничего не было известно. Информация об этом передавалась только узкому кругу родственных лиц, которые из-за опаски держали доверенные им сведения втайне. Носителем этой семейной тайны в нашем роду являлся мой родной дядя – Сергей Григорьевич Калмыков (1912-2010 гг.). Уже на закате своей долгой жизни, о трагических событиях и о своих близких родственниках он поведал, что знал, своему сыну Ивану 1950 года рождения:

– Семья атамана хутора Гугнинского – урядника Калмыкова Фёдора Феофановича в своём родном хуторе считалась в числе зажиточных, 6 лет хуторского атаманства (1902-1907 годы) и ещё 4 года (1913-1916 годы), вплоть до Октябрьского переворота, давали повод семье на безбедное проживание. Родился Фёдор Феофанович в начале 1850 годов, а потому к 1918 году он уже соответствовал статусу пенсионера. Конечно, в силу своего возраста прадед мог и не пойти в поход на Морозовскую, но тогда бы потерял он и авторитет, и уважение своих казаков-земляков.

В поход на Морозовскую казаки Генерало-Ефремовского юрта (ст. Новомылянская) собирались со всех населённых пунктов, в том числе и из тех, которые находились в Кучугурах.

Местом сбора «кучугурных» был хутор Медведев. От него уже предстояло держать путь на станицу Генерало-Ефремовскую. Провожали казаков и конных, и пеших члены их семей, явно осознавая, что, возможно, они своих близких и родственников видят в последний раз.

Дед Фёдор меня нёс от хутора Пронин до хутора Медведев (3 км.). Помню, что сидел я у него на плечах, хотя шел мне уже 6-й год. Дед Федя меня очень любил, считая, что со мною судьба обошлась очень жестоко. Свою инвалидность я получил на перелазке – это своего рода калитка между забором из плетней.

Вывих от падения с перелазки я получил, когда мне было всего несколько лет от роду. Были костоправы, знахари, но мой тазобедренный сустав они спасти уже не могли. Стал он неправильно срастаться, а моё непоседливое детство не способство-

вало моему излечению.

В хуторе Медведев мой дед передал меня родным, крепко обняв и поцеловав меня, никто тогда ещё не знал, что видел я его в последний раз: – Деда, деда, не уходи! – кричал я, словно предчувствуя беду. Не знал тогда и я, что больше своего деда я не увижу никогда...

По сохранившимся скудным, устным сведениям, под Морозовской Фёдор Феофанович был серьёзно ранен, а потому поправлять своё после ранения здоровье ему посоветовали уже у себя дома. Выделили ему в сопровождение и казака, значительно его моложе, из станицы Генерало-Ефремовской – Фёдора Харитоновича Маркина 1897 года рождения. По дороге домой прадеду стало совсем плохо, и в пути от Морозовской он неожиданно умер. Фёдор Харитонович своего земляка похоронил около ближайшего тернового колка, забрав оставшуюся без хозяина лошадь себе. По прибытии в хутор Кандауров родственникам он объяснил, что урядник Калмыков ему эту лошадь продал...

Беда не приходит одна. Почти в те же времена в развязанной большевиками с помощью американского еврейства Гражданской войне вместе с отступающей Донской армией ушел и мой дед – Григорий Фёдорович Калмыков. Участник 1-й Мировой войны, он уже в 1917 году стал отцом 5-х детей: Иосиф 1906 года рождения (пропал в 1943 году без вести), Мавра 1909 года рождения, Сергей 1912 года рождения, Евдокия 1914 года рождения и Анна (моя мать) 1917 года рождения. 1-я Мировая война для Григория Фёдоровича «плавно» переросла в Гражданскую войну, из которой он так живым и не вернулся. В отличие от гибели своего отца, судьба Григория Калмыкова для нас так и осталась загадкой.

Семейные корни Калмыковых были подрублены настолько, что через несколько лет семья, жившая до этого в достатке, стала уже влачить нищенское существование. Тимофей Андреевич Хохлачёв – родной брат моей бабушки Александры Андреевны Калмыковой (Хохлачёвой, 1884-1964), спасая семью родной сестры от голодной смерти, переселил её из хутора Пронин в хутор Кандауров, где проживала и его семья, и другие близкие родственники. Он единственный из многочисленной родни Хохлачёвых оказал семье своей родной сестры посильную помощь, которая и спасла семью Калмыковых от неминуемого голода с непредсказуемыми последствиями.

Время прошло. Каждому из нас отпущено это время и для покаяния, и для того, чтобы освободить свою душу от жизненного негатива. Не каждому это дано, но человек для того и СОЗДАН, чтобы отличать то, что зовём мы ДОБРОМ, и то, что зовём мы злом, которого иногда заслуживать мы вовсе не обязаны!

ФИЛИПП ЛЫСОВ. Последний атаман казачьей вольницы

Бой у станицы Новоцимлянской

В том, что тема о Филиппе Лысове и его повстанческом отряде небезынтересна для читателей «Придонья», я убедился сразу после выхода субботнего номера от 27.08.2011 г.

Жительница г. Цимлянска Холодкова (Самодурова) Клавдия Ивановна позвонила и сообщила, считаю, очень интересные данные о бое, произошедшем почти 90 лет тому назад возле станицы Новоцимлянской. Очевидцем этого боя стала её мать – Давыдова Анна Андреевна 1905 года рождения. Судьба Анны Андреевны в то время была связана с семьёй старшей дочери Корнея Лысова – Клавдией.

Родилась Клавдия Корнеевна Лысова (Ефремова) в конце 60-х годов 19-го века. После замужества жила в хуторе Антонов. Бездетность, отсутствие своих детей позволяла ей вести свою жизнь, особо не соблюдая принципов супружеской верности.

Анна Андреевна работала у нее по найму, а если точнее – батрачила. Кстати, от неё не раз слышала, что в отряде Фильки был предатель. Знал об этом и Филипп, но «вычислить», кто был предателем, при жизни ему так и не удалось. А теперь о главном – о бое. Было это после Покрова (14 октября 1923 года)

– Моей маме пришлось пасти коров. До Покрова стадо хозяйских коров пас нанятый пастух. После праздника его функции заканчивались, и пасти коров по очереди доводилось уже хозяевам.

Маме пришлось пасти коров с соседским мальчишкой недалеко от их гумна, где уже были сложены к зиме стога сена и соломы, стояли телеги (возилки). На одной из них они сидели и кушали (полднели). Место, где было их гумно, называлось Грачки.

Стрельба началась неожиданно. Паренёк, приподнявшись, увидел, что прямо на них мчится конница.

– Это Филька! Нюрка, быстрей под возилку!

Спрятавшись, они увидели, как несущиеся всадники, перемахнув через попадающиеся на пути возилки, устремились к стогам сена и соломы, на ходу отстреливаясь от преследовавших их ЧОНовцев. Среди отступающих увидели двух женщин в «будёновках», причём одна из них сидела на коне задом наперёд. Стреляла она очень метко, убив за короткое время лошадь и ещё нескольких милиционеров. Кто были эти женщины? Есть версия, что одна из них была любовница Филиппа, а другая его сестра. Насчёт любовницы – может быть, а насчёт родной сестры – маловероятно. Дело в том, что Клавдия Ефремова 1868 г.р. и Матрёна Малюгина 1870 года рождения уже по возрасту вряд ли годились к боевым действиям, а самая младшая сестра – Акулина Беляевская 1889 г.р. в 1923 году родила сына. Это был у неё уже пятый ребёнок. После дочери 1908 года, сына 1909 года, сына 1912 года и сына 1918 года.

ЧОНовцы по стаду коров, среди которых укрывались «повстанцы», не стреляли, но под одним убили лошадь. Оставшись без лошади, повстанец начал кричать:

– Братцы, братцы, не бросайте!

Филипп, на полном скаку вздыбив коня, остановившись, закричал:

– Мишка! Держись за стремя!

Благо, что в отряде были заводные (запасные) лошади, Мишке дали коня и они, отстреливаясь, начали уходить в сторону шляха по направлению к хуторам Сизов и Богатырёв.

Первоначальное намерение – через Россошинский мост, а затем через хутор Кандауров уйти в спасительные Кучугуры – пришлось изменить. Это спасло отряд от повторного уничтожения. Как потом выяснилось, у моста через реку Россось милиционеры устроили им засаду. В отряде насчитывалось человек 15. Было слышно, как Лысов кричал:

– Нас предали. Откуда они (ЧОНовцы) могли знать о нашем передвижении.

Оторвавшись благодаря меткой стрельбе от поредевших ЧОНовцев, отряд Лысова через речные заросли камыша и чакана добрался до шляха, затем, скрываясь за многочисленными терновыми колками, сделав огромный крюк, ушел в сторону хутора Кандаурова. Был ли среди них в этом бою Куликов – неизвестно.

О гибели своего брата Филиппа его сестра Клавдия рассказывала, что погиб (а точнее пристрелен) он в хуторе Зацмловском. Раненый, он лежал в хатёнке вооруженный, никого к себе из членов банды не подпуская. В комнате с ним была его любовница и сын от первой жены. Кто добил его в этой хатёнке – версий много.

По одной из версий, когда он лежал на кровати, его через окошко пристрелил Куликов. По другой версии его пристрелили или любовница, или сын. Есть и третья версия, но она почти маловероятная – Филипп застрелился сам.

Как известно, командир ЧОНа Востриков ранил его в ногу. В иных случаях рана не представляла бы опасности – не смертельная. Здесь же обстоятельства сложились так, что и лечить его было нечем и некому, да и, видимо, необходимости такой уже не возникало – приближалась расплата за совершенные злодеяния. Отряд, состоявший в основном из набранных по принуждению, уже не питал любви к своему атаману. Все эти факты, в том числе и предательство, могли не оставить Филиппу шансов на дальнейшую борьбу и жизнь.

О том, как набирал «бойцов» в свой отряд Филипп Лысов и каким способом, говорят следующие факты. Своего племянника Лысова Зеновея Ивановича решил он «зачислить» в отряд добровольно-принудительным порядком, но в это дело вмешалась его жена Лысова Прасковья Григорьевна 1903 года рождения, которая, не опасаясь за свою жизнь, наотрез отказала Филиппу в мобилизации своего мужа.

Филипп, затаив обиду, спустя некоторое время по-своейски отомстил ей. В один из вечеров, проезжая по хутору Ремизов мимо дома своей племянницы, через окошко он увидел, что ухватом она ставит в печь чугунок с едой. Не раздумывая, он выстрелил ей в спину. Пуля, пробив окно, попала родственнице в лопатку. Прасковья

Григорьевна осталась жива, но «памятью» о дяде у неё ещё на полвека остался горб и пуля в спине. Об этом мне рассказал её сын Лысов Сергей Зеновеевич:

Однажды Филипп заглянул на подворье Давыдовых. Глава хозяйства – Андрей Давыдов ещё на Кавказской войне с горцами получил ранение, поэтому простреленная рука функционировала не так, как надо было. Когда Лысов повёл разговор о его мобилизации в отряд, Давыдов показал ему большую руку. Увидев это, Филипп его спросил: – Где твои отпрыски (сыновья)?

Получив ответ о том, что они работают в поле, Лысов с досады взмахнул на него плетью, но жена Александра Фёдоровна перехватила и вырвала у него плеть.

– Вот бы такую мне в отряд! Жаль, что детей у тебя много.

На тот момент в семье Давыдовых было восемь детей. И всё же беда не обошла стороной эту семью. В то время, только узнав о приближении банды, всё мужское население хуторов и станиц старалось схорониться – кто где сможет. На работу в поле в одиночку, вдвоём никто не выезжал. Яков Андреевич Давыдов 1900 года рождения и ещё трое односельчан в поле за соломой поехали на быках. Как на беду, попали в ситуацию, когда с одной стороны появилось Филькино войско, а с другой стороны – ЧОНовцы (часть особого назначения). Попав в эпицентр перестрелки (надо сказать, что Лысов любил прикрываться «живым щитом»), односельчане залегли под возилками в ожидании, чем может для них это закончиться.

Когда перестрелка закончилась, Яков со всеми вместе вернулся домой. Разгрузив солому, уже в доме почувствовал себя плохо, а на следующий день умер. Врач, который был у ЧОНовцев, констатировал смерть от разрыва сердца – сейчас это называется инфаркт.

Вот такое было тогда время. Война для нашего старшего поколения тогда ещё не закончилась, как ещё не заканчивается рассказ о Лысове и его «повстанцах».

Прошлое отошло в вечность. С незапамятных, далёких лет возник мало-за-метный хуторок Медведев. Место под жительство хутор занял, вплотную приблизившись к песчано-овражному массиву на восток, а вокруг него раскинулись сенокосные угодья.

В хуторе насчитывалось дворов 30-40. Уклад жизни казачий, а обычаи старины остались прежние – земледелие с преобладанием животноводства. По лугам разбросаны были озёра – большие и малые, заросшие камышом, кугой, реберкой и осокой. От снеговой воды в этих озёрах и лиманах набиралась вода, которая оставалась до августа месяца, а благодаря близости подпочвенных вод они практически не пересыхали никогда. Пернатая дичь буквально кишела в озёрах, где ей удобно было гнездиться и выводить свои выводки. Жили по старинке, большинство совсем неграмотные. Единственным грамотным человеком в хуторе был казак Полунин Пётр Иванович. Середняк, почти бессленно избирался поселковым атаманом. Он вершил все хуторские общественного порядка дела. Атаман Полунин Пётр Иванович честно исполнял перед обществом свои обязанности, но всем угодить было невозможно. На пути ему встал враг – зажиточный казак Лысов Корней Филиппович, получивший

звание урядника на праздновании трёхсотлетия Дома Романовых. Этот новорождённый урядник объявил атаману Полунину войну – не на жизнь, а на смерть. Лысов действителен, а Полунин на бумаге пером, благо, что был грамотным – с этого и началась «война» (вражда) между соперниками. У Лысова полные базы крупнорогатого скота, лошадей, овец. Мета у скота разнообразная – трудно разобраться в ней. Чабаном в хуторе в то время был Евграф Петрович Онуфриев – бедняк, имеющий большую семью, а поэтому нужда гнала его в пастухи. Ежегодно, собирая с близлежащих хуторов овец, он выпасал их с весны и до глубокой осени.

Корней Лысов своих овец выпасал отдельно. При разборке овец оказалось, что у пастуха Евграфа Онуфриева в стаде не хватает овец. Одна из них принадлежала бедняку Трофимову Фёдору Семёновичу. Проживающий в этом же хуторе Трофимов пошел к Лысову узнать – не находится ли овечка у него на базу с его овцами. Корней Лысов категорически отказал ему зайти на баз, да ещё и высказал:

– Умняк! На чужой баз явился чужих овец считать!

Фёдор Трофимов, глубоко оскорблённый и возмущённый, пошел домой, презирая Лысова, а повод для этого у него был. Овца у Лысова прибавилась, но попробуй, докажи – наживёшь опасного врага на всю жизнь. Был ещё случай. Понадобилось Корнею Лысову на домашние обиходы продать две пары волов. Для этого их надо было подкормить до 29 июня (Петров день) и на ярмарке, которая ежегодно была в станице Филипповской (Маркинской), продать.

Вечерняя зорька потухла, а Корней Филиппович своих быков гонит со двора в луга, а на утренней зорьке пригонит их на свой скотный двор – они и подзарюют. Объезчик лугов Василий Трофимов выследил потравщика и волов Корнея Лысова пригнал к атаману на баз, выставив у ворот охранение.

Лысов утром на лугу волов не нашел, поэтому сообразил, что волы угнаны объездчиком. От пришедшего за волами Корнея атаман потребовал оплату за потраву общественного луга, согласно решению станичного сбора. Лысов открыл яростную «пулемётную» брань:

– Платить я не буду, передавайте в суд!

Атаман Полунин, взяв понятых, идёт на место, где учинена потрава, и определяют убытки. Составляют акт для общества о потраве луга на время запрета выпаса скота, исчисляя убыток в копнах с переводом в денежное выражение. Сумма ущерба в девяносто рублей (очень большие деньги по тем временам) была передана станичному суду. Вражда между двумя сторонами началась тяжкая. У Корнея Лысова в резерве было подкрепление из пяти сыновей: Ефрем, Александр, Иван, Мефодий и Филипп. Последний – фигура весьма вредная и опасная.

Когда было оглашено решение царя Николая Второго об отречении от престола и устранено Временное правительство Керенского, а власть в свои руки взяли большевики, управляя огромной страной, то эта власть Корнею Лысову с его чадами встала поперёк горла. За хулиганские проступки и неподчинение Советской власти Новоцимлянским стансоветом было принято решение об аресте Филиппа Лысова,

который должен был состояться в его хуторе – Медведев. Филипп оказал сопротивление, сел на коня и, отстреливаясь, отступил в Кучугуры. Преследовать его не стали, наблюдение за ним не вели, а потому через несколько дней он явился ночью в свой хутор и принудительно забрал с собою молодого парня – Трофимова Ивана Фёдоровича, вооружив его охотничьим ружьём. Разъезжая по хуторам, он из молодёжи собрал «повстанческий» отряд в несколько человек. Зимой с Задонской стороны к нему влился отряд Куликова со своими бандитами такой же марки. В отряд Лысов забрал и своего малолетнего сына. Со своей бандой он разграбил сельпо в хуторе Нижний Гнутов. Через несколько недель, ночью заехал в хутор Ремизов, где проживал иногородний постовал под кличкой Василий Шипаный. Он когда-то давно валял валенки Корнею Лысову и его работа Корнею не понравилась.

На почве мести Филипп вывел постовала на окраину хутора и застрелил. Окоченевший труп утром был обнаружен и похоронен на хуторском кладбище.

В декабре 1923 года отряд Лысова объявился в хуторе Чепурин станицы Верхне – Курмоярской. В хуторе проживал иногородний, бывший торговец Шишов Евгений Ефимович – ограбил, забрав ценности и тёплые вещи. С собой забрал двух дочерей (девушек) и малолетнего сына. Этой же ночью въехали во двор казака Нефедова Ивана Афанасьевича, избили его до полусмерти, ограбив и забрав ценные вещи: часы карманные серебряные, двуствольное ружьё центрального боя и другое.

На восходе солнца заехали во двор казака Самохина Якова Фомича, выставили охранение. Заказав готовить завтрак, Лысов лёг вздремнуть.

Не доезжая до хутора Ильин, юношу Шишова расстреляли, а девушек привезли в хутор Ильин. Отдохнуть в хуторе им не удалось. Отряд ЧОНовцев (часть особого назначения), преследуя банду Лысова, нагнал их в хуторе Ильин, завязалась перестрелка. Лысов, учитывая ограниченность боеприпасов, предпочёл отступить по направлению к хутору Пронин, отстреливаясь с коня.

Пуля ЧОНовца ранила его, попав в ступню ноги. Преодолевая боль, въехали в хутор Пронин, сделав перевязку и конфисковав сани, уложили Лысова, продолжив движение до хутора Заподной. В хуторе устроили ночлег. Ночью Лысов сидел за столом напротив окна. Раздавшийся через окно выстрел поразил его насмерть.

Утром Куликов объявил, что он принимает командование на себя, кто желает, может с ним ехать, а остальные могут быть свободными. Куликов увёл свою банду в Сальские степи. Там же, у хутора Заподной, отряд по льду перешел Дон и ушёл прямо в левобережный лес. Трофимов Иван Фёдорович возвратился в свой хутор Медведев и поведал мне всю правду. Рассказал он мне и ещё о двух случаях, достойных внимания:

– У Ивана Фёдоровича была лошадь, с виду неказистая, но очень быстрая. Устраивая своим членам отряда учения – скачки, Лысов предупреждал, что будет стрелять по тому, кто окажется впереди него на более 100 метров, возможно, опасаясь, что кто-то может сбежать из отряда.

Скачки начались и лошадь Трофимова, оставив позади всех, начала ускорять бег. Филипп заорал, а потом выстрелил, правда, вверх. Лошадь у Трофимова конфиско-

вал, выдав «тихоходного» коня. Желая быть справедливым, он опрашивал членов отряда – кого, когда и кто несправедливо обидел. Когда Трофимов сказал, что его никто не обижал, он не поверил. Пришлось вспомнить, что Яков Медяников в детстве снимал у него «тропари» (силки) для ловли мелкой дичи.

Медяников жил в хуторе Кандауров. Нашли его быстро и Лысов учинил ему допрос: – Ты воровал «тропари» у Трофимова?

– Дык это было давно, еще в детстве, – ответил Медяников.

– Снимай рубаху! – последовал приказ.

Ослушание было смерти подобно, поэтому Яков быстро снял рубаху. Дав кнут (плеть) в руки Трофимову, Филипп сказал:

– Ты будешь идти (Медяников) по хуторской улице, как только кого увидишь из хуторян, так будешь говорить: «Я, Яков Медяников, воровал у Ивана Трофимова «тропари», и за это он меня сейчас бьёт!» А ты (Трофимов) будешь стегать плетью по его спине. Пошли!

Увидев, что Трофимов стегает Медяникова в полсилы, Лысов в гневе заорал:

– Ты что, мух у него со спины сгоняешь? Я на тебе покажу, как надо плетью работать! Хочешь?

Пришлось Трофимову стегать по-настоящему. По прошествии многих лет Медяников его за это не упрекал. Отомстил Филипп Лысов за унижение своего отца и семье объездчика лугов Василия Трофимова. Сын объездчика лугов – Евтей Васильевич Трофимов примерно был одного года с Филиппом. Проживал он в хуторе Медведев со своей женой Трофимовой Христеей Васильевной (умерла от голода в 1933 году). Были у них две дочери: Ольга Евтеевна 1908 года рождения и Любовь Евтеевна (Кабанова) 1911 года рождения. С ними проживала и его сестра – Трофимова (Гордеева) Варвара Васильевна, которая потом стала проживать в станице Новоцимлянской.

Евтей от начала и до конца 1917 года воевал в I-ю Мировую войну, вернулся домой и живым, и здоровым. Надоевшую войну заменил на тяжелый крестьянский труд. Филипп Лысов осенью 1923 года со своим отрядом прибыл в хутор пополнить провиант и произвести мобилизацию. О вражде своего отца с Василием Трофимовым он знал, поэтому со своим отрядом он сразу явился на подворье Евтея Трофимова. От вышедших жены, сестры и детей потребовал он продукты. Женщины собрали всё, что смогли. Посчитав, что Трофимовы пожадничали с продуктами, обиженный Филипп потребовал, чтобы хозяин отправился с ними бить «краснопузых». Вышедший из дома Евтей ответил:

– Я своё отвоевал! Здесь мне воевать не с кем. Разговор закончен!

Повернувшись, он хотел войти в дом, но не успел. Лысов выстрелил ему в спину. Евтей сразу не упал, а согнувшись, сделав несколько шагов, попытался убежать.

– Я об этого гада шашку марать не буду!

Схватив валявшийся на земле заострённый берёзовый кол, Филипп в два прыжка догнал Евтея и ударил колом в спину. Уже упавшего на землю Евтея на глазах

детей, жены и сестры он добил колом. Расправившись с хозяином подворья, Лысов забрал строевого коня, и бандиты удалились. Похоронили Евтея Трофимова на кладбище хутора Медведев.

14 марта 1965 года. Бурунин Никандр Фёдорович (рукопись)

Добавить к этой рукописи у меня ещё есть что. Начну с того, что «историю» Ивана Фёдоровича Трофимова 1905 года рождения и Якова Андреевича Медяникова 1905 года рождения я уже слышал до прочтения рукописи от моего двоюродного брата Трофимова Николая Георгиевича 1937 года рождения. Родился он в хуторе Кандауров, а сейчас проживает в станице Новоцимлянской. В городе Шахты проживают два внука Евтея Трофимова – Михаил Николаевич, 1942 года рождения, и Алексей Николаевич, 1937 года рождения, Кабановы. В конце мая 2012 года Михаил Кабанов, находясь в гостях у своей дочери Ткачёвой Ольги Михайловны, поведал мне жуткий рассказ о гибели своего деда. То, что он мне рассказал, полностью соответствует рукописи деда Никаши.

Стараясь докопаться до сути событий почти девяностолетней давности, я оказываюсь меж двух «огней». С одной стороны меня упрекают, что я в мягких тонах делаю описание действий отряда «повстанцев» и самого Лысова, а с другой стороны – летом 2011 года мне поступали звонки от «инкогнито», который буквально требовал, чтобы я этой темы не касался.

Может, для тех, кто пострадал в то время, или для их родственников «тона» действительно мягкие, но! Суда над Филиппом Лысовым ни очного, ни заочного не было, поэтому даже назвать его бандитом мы совсем не вправе.

Официальных данных о том, что случилось 90 лет тому назад, нет, поэтому будем довольствоваться тем, что имеем. Это для истории, для того, чтобы это никогда не повторилось, чтобы Америка и Англия, сотворившие в России ужас братоубийственной войны, наконец – то обломали свои поганые зубы.

Мне остаётся продолжить описание того, что, со слов бывших очевидцев того времени, мне известно. На фотографии, Филипп Корнеевич Лысов (слева) и Бакланов Фёдор Семёнович из хутора Ремизов. Сфотографированы они в 1914 году в городе Барановичи.

Как воевал Лысов в первые два года Империалистической войны – неизвестно. Известно, что он имел награды и офицерский чин – хорунжий. Также известно, что летом 1916 года в Восточной Пруссии он попал в плен. Немцы (видимо, было за что) Филиппа и его друга повели на расстрел. Была очень жаркая погода, поэтому конвоирам (расстрельной команде) захотелось искупаться в речке, мимо которой они проходили. Винтовки были поставлены «в козлы», пленники связаны – можно и расслабиться. Каким образом им удалось освободиться от пут – неизвестно, но пока немцы купались, пленники бежали. Доля везения была и дальше – местные жители помогли им сесть на товарный поезд и через несколько дней они уже были в Петрограде.

«Смерша» в то время не было, поэтому через некоторое время Филипп

уже служил в лейб-гвардии Его Величества полку (по нынешним временам – Президентский полк).

Данные об участии его в Гражданской войне скудны, поэтому останавливаться на этом периоде времени смысла нет, выходит, к тому, что написал Михаил Луночкин в книге «Цимлянская сторонка», пока добавить нечего.

По окончании Гражданской войны Лысов был в хуторе Медведев в должности уполномоченного. Хулиганский поступок, упомянутый в рукописи Никандра Фёдоровича Бурунина, имел место быть. Заключался он в том, что, получив от властей винтовку и патроны, Филипп всё это начал использовать не по назначению. Применяя свои снайперские способности стрельбы, он в хуторе почти на всех печных трубах «пострелял» глиняные горшки, о чём было сообщено в станицу Новоцимлянскую.

Решение стансовета было однозначно – отнять винтовку и освободить от должности. Прибывшие с этой целью представители комсомольского актива им были отпороты плетью, и с этого момента попал он в немилость властей. Совсем другие «люди» прибыли в хутор и уже с другими намерениями – арестовать. Что могло быть с ним в этом случае – он понимал, поэтому, «на языке разведки», он перешел на нелегальное положение.

Поначалу власть его всерьёз не приняла, но когда пошли грабежи, а затем и убийства – власть «проснулась». Прибывшие из Ростова ЧОНовцы его тоже всерьёз не восприняли. Дмитрий Иванович Рябышев (отец Григория Дмитриевича Рябышева, будущего председателя исполкома г. Цимлянска) из хутора Челбин предупредил командира ЧОНовцев о возможной опасности со стороны Лысова и его отряда. Командир ЧОНовцев хвастливо заявил, что Фильку и его «войско» они без труда поймут. На деле получилось всё иначе. Есть основание верить в то, что местонахождение Лысова ЧОНовцам «заложил» Куликов, и они его погнали от Черкассов до хутора Калинин (сейчас на этом месте расположена станица Калининская). Лысов отстреливался. Стрелял он на ходу, из-под живота коня, причём настолько метко, что практически не делал промахов.

Понеся большие потери, ЧОНовцы приотстали. Роман Николаевич Мягков 1888 года рождения, проживающий в хуторе Челбин, ехал домой с Чертковской мельницы. Мельница славилась хорошим помолом муки, поэтому жители хуторов и станиц старались молоть зерно на этой мельнице. Не доезжая до хутора Калинин, Филипп Лысов догнал Мягкова и поменял у него своего заморенного коня на свежего, обещав ночью вернуть. На свежем, обмененном коне Лысов направился в сторону хутора Калачёвского. Через брод переехал он речку Цимлянку, а там его уже ждали «повстанцы». Организовали засаду и практически почти весь отряд ЧОНовцев уничтожили.

Дмитрий Иванович Рябышев спросил у оставшегося в живых командира отряда:

– Ну! Споймали Фильку?

– Споймали, почти весь отряд положил!

Ночью к Роману Мягкову постучали в окно.

– Кто?

– Свои! Я пригнал тебе твоего коня, – сказал Лысов.

Разменявшись конями, Лысов собрался уже уезжать. Мягков предложил ему мешок муки – Филипп не отказался, взяв муку на питание своему отряду. «Цимла» вызвала новый отряд милиции. Отряд прибыл из Ростова с пулемётом. Засаду сделали возле моста через реку Россось возле станицы Новоцимлянской и «нагнали» туда отряд Лысова. Пулемёт сделал своё дело – от отряда практически в живых никто не остался. Филиппа загнали в реку Россось. У него кончились патроны, поэтому вместе с конём в зарослях камыша, куги он ждал до позднего вечера. Милиционеры его не нашли, а может, и не искали, решив, что он погиб или утонул.

Обо всём этом мне рассказал Владимир Леонтьевич Овчинников из станицы Калининской. В шестидесятых годах ему об этом рассказал один из плотников, строивших дом ему и его отцу Леонтию Овчинникову. Плотник был очевидцем и участником тех событий.

Рассказал Владимир Леонтьевич и о том, что комсомольцы, возглавляемые Власом Ивановичем Андриановым 1902 года рождения, пытались «взять в плен» Филиппа Лысова. Это было возле кургана Разлатный. (Сейчас он находится на границе Новоцимлянского и Калининского сельских поселений)

Филипп в одиночку испорол их кнутом – убежали они от него по пахоте. Вообще, комсомольцы к нему были «неравнодушны». Лысов был любвеобильным, поэтому вычислить местонахождение его можно было, зная, с кем у него в хуторах были «амурные» отношения. Недалеко от хутора Ремизов, на лугу, где была скирда сена, Лысов встречался со своей «азнобой». Бдительность он не терял никогда – комсомольцев, осторожно окружавших его, он уже давно заметил. Приподнявшись, он погрозил им кнутом. Через некоторое время опять заметил он их движение – и погрозил им снова. Терпение его кончилось, вскочив на коня, он с помощью кнута их разогнал. Меткая, снайперская стрельба была у него и достоинством, и превосходством.

После того, как в Гражданскую войну в хуторе Медведев красноармеец из отряда разведки отрубил руку, а затем голову Хохлачёву Никону Андреевичу, его вдова – Евдокия Андреевна вышла замуж за Александра Корнеевича Лысова (брата Филиппа) и стала ему кумой. Однажды, когда Филипп был в хуторе, она ему пожаловалась:

– Кум! Заяц в леведе почти всю капусту погрыз – спасу от него нет!

Лысов пошел в леведа. Вскоре прозвучал выстрел из карабина, а затем Филипп вернулся. В одной руке у него был карабин, а в другой – убитый заяц, причём пуля ему попала прямо в глаз.

Евдокия Андреевна до конца дней своих проживала в семье младшего сына – Лысова Александра Александровича, который был женат на моей двоюродной сестре Лысовой (Калмыковой) Марии Иосифовне 1936 года рождения.

Рассказывая снохе о том времени, она так и не могла поверить в злодеяния Филиппа, считая его культурным и вежливым человеком. Говорила она, что он и жадным не был. Зная прижимистость и жадность его отца, он, наведываясь домой, говорил Корнею Филипповичу:

– Надо на питание отряда резать пару баранов – завтра заберу!

На следующий день, появившись дома, он и не вспоминал о «заказе».

– Мясо почему не берёшь?

– Своих дома корми, нечего жадничать! – был его ответ отцу.

Вот такая судьба была уготовлена поколению, жившему в то время, когда, казалось, весь мир сошел с ума, когда Россия, вступив на Голгофу, оказалась в шаге от полного истребления и уничтожения.

Господь спас нас, отвернувшись от него, а затем терпит нас, пытающихся покаяться, – надолго ли?

Рассказывает Клавдия Ивановна Самодурова (Холодкова) – жительница г. Цимлянска:

– После боя у станицы Новоцимлянская, свидетельницей которого стала и моя мама Давыдова Анна Андреевна 1905 года рождения, и её братья. Когда мама пришла домой, то вскоре домой пришли и братья – Давыдовы Лаврен Андреевич, 1908 года рождения, и Михаил Андреевич, 1914 года рождения. Они с яру рыбалили у Сухарёвской леведы (стойло), и им была слышна стрельба, а когда увидели скачущих с наездниками лошадей, поняли, что это Фильку «гоняют». Было видно, как с горы по балочке до Грачиковского брода скачут три всадника – их никто не преследовал. Когда всадники добрались до Грачиков, то один из них приотстал, а затем выстрелил из винтовки (карабина) в одного из двоих.

Всадник замертво рухнул с коня на землю. Второй всадник успел оглянуться, но раздавшийся выстрел сразил и его, но не насмерть. Братья видели, как стрелявший слез с лошади, как подошел к убитому, а затем к всаднику, который ещё был жив, и зарубил его шашкой. Видели они, как он спрыгнул с яра и стал отходить от того места по камышам – камыши ходили «ходором». Мальчишки испугались и убежали домой. На следующий день, взяв баркас, они переплыли Цимлянку с Ремизовской стороны. Лошади были около убитых, но их было только две – третьей не было. Трупы лежали на земле – один вниз лицом, а у другого живот был распорот до «кишок». Они (пацаны) взяли весло и прошли по камышам, отыскивая след. След стрелявшего вёл на берег. Очевидно, он вернулся за лошадью, а на ней мог перейти через брод (в Кучугуры) или поехать на Ремизовскую плотину, чтобы скрыться в Кучугурах.

То, что двоих всадников застрелил Куликов, сейчас уже не вызывает никакого сомнения, как и то, что он был организатором восстания и тогда был вне подозрения. Филипп Лысов знал, что в отряде есть «крот» (предатель), во время боя он кричал:

– Нас предали! Измена!

Сейчас можно только делать предположение, почему Куликов – лжебелогвардей-

ский офицер (так он себя представлял), убил своих «повстанцев»? Видимо, в этом бою у них появились улики его предательства, а, значит, живыми они для него стали представлять смертельную опасность.

Куликова спасали доверие к нему Филиппа Лысова и, по всей видимости, отсутствие логического мышления. Это привело его и «дело», за которое они боролись, к трагедии и позору на земле Цимлянкой.

Последний атаман казачьей вольницы (продолжение)

В книге Михаила Луночкина «Цимлянская сторонка» есть описание того, как Андриан Кривов добил из карабина в санях раненого Филиппа Лысова, как бывшие повстанцы, похоронив своего вожака, вернулись в свои хутора и разошлись по домам, а поутру сдались местной власти. Но есть и другая версия о последних часах существования этого отряда (банды).

Евгений Фёдорович Подскребалин (в 60-70 годах участковый инспектор Цимлянского РОВД по Новоцимлянскому и Калининскому участкам), по рассказам жителя хутора Харсеев Назара Кузнецова 1900 года рождения, сообщает следующие данные:

-После того, как убили Филиппа Лысова (точных данных, кто убил его, нет) появилась версия, что добил его сам Куликов, и, посоветовав повстанцам сдать власть, сам скрытно покинул отряд. Повстанцы не разбрелись по своим хуторам, а все (12 человек) уже днём следующего дня прибыли в станицу Нижне-Курмоярскую, зашли при оружии в помещение сельского Совета, где в это время проходил исполком (или сессия) сельского Совета. Можно лишь догадываться, что чувствовали члены исполкома и актив при виде этого «войска», и, по всей видимости, мысленно начали прощаться со своими жизнями. Ещё более их удивило (но уже к радости), когда отряд повстанцев начал снимать с себя и сбрасывать в кучу оружие и только после этого объявил о своей добровольной сдаче местной власти.

Иван Аденинсков уже на закате своей жизни рассказывал своему сыну Владимиру о том, что после ранения Филиппа Лысова отряд имел намерение идти в хутор Харсеев, где в это время находился другой белогвардейский офицер – Киселев, но неожиданная смерть атамана изменила их намерения. По словам Назара Кузнецова, на встречу с Киселевым в хутор Харсеев в одиночестве прибыл только Куликов. Ночевали они у женщины-одиночки (в отношениях с ней был Куликов), а днём скрывались по разным местам раздельно. Куликов отсиживался в сарае на окраине хутора, в котором была огромная куча кизяка. На вершине кучи было углубление – там и проводил он дневное время. Однажды, когда Куликов был ещё в сарае, туда пришли Назар Кузнецов и ещё три комсомольца, которым ЧОНовцы (милиция) поручили наблюдать за дорогой, ведущей мимо сарая к хутору. Выдали им и оружие – одну винтовку на четверых. Стемнело, но ярко светившая луна помогала следить за дорогой, да и в сарае было не так уж и темно. Дозорные, сидя под кучей кизяка, вели разговор (себя подбадривая) о том, что бы они делали, если бы обнаружили

Куликова. Все сошлись на том, что, конечно бы, связали, на худой конец начали бы по нему стрелять. Неожиданно, ловко прыгнув с верха кучи и выхватив у опеших дозорных винтовку, Куликов произнёс:

– Ну, и кто меня собрался связывать и стрелять по мне? Снимайте шапки. Если кто до утра выйдет из сарая – отдам ваши шапки бандитам, они по ним узнают, кто вы, и потом с вами разберутся.

С этими словами, забрав шапки и затвор от винтовки, он вышел из сарая. Утром осмелевшие комсомольцы вышли из сарая и недалеко от него обнаружили свои шапки и в одной из них затвор от винтовки. ЧОНовцы выследили дом женщины-одиночки и ультимативно предложили ей сотрудничать с ними. Ночью, когда в доме будут Куликов и Киселев, она якобы по «нужде» должна была, открыв дверь, выйти. Так оно и случилось, но Куликов, опередив и отодвинув её в сторону, открыл дверь и вышел первым. Одет он был в её халат, а голова его повязана платком.

ЧОНовцы, посчитав, что это хозяйка, пропустили его, пытаясь ворваться в дом, но Киселев, видимо, догадавшись, начал отстреливаться. Воспользовавшись суматохой, Куликов сбежал – и теперь о нём больше ничего не известно. Женщину из дома милиционеры выпустили, а дом подожгли. Киселев, отстреливаясь, сгорел вместе с домом, женщине спустя некоторое время Советская власть построила новый дом.

По словам Назара Кузнецова, белогвардейский офицер Куликов на самом деле был агентом ОГПУ (чекистом). Вот вам, бабушка, и Юрьев день! Меня во всём этом постоянно настораживало невероятное везенье двух членов банды – Куликова и Лысова, но додуматься, что Куликов являлся чекистом, было выше моего воображения. Теперь становится ясно, почему при набеге на станицу Новоцимлянскую около моста через реку Россошь скрытно установленный пулемёт «Максим» скошил весь отряд, а Куликов и Лысов остались живы и вскоре вновь собрали новый отряд, и снова невероятное везение. Выходит, они не подлежали уничтожению, а жесточайший приказ был брать живыми. Знал ли Лысов об этом? Вряд ли. Ведь, используя авторитет Фильки, Куликов, по сути, организовывал восстание на Дону уже по окончании гражданской войны.

Конечно, это бездоказательная версия, но она имеет своё право на существование. Видимо, «революционеры» – Лейба Давидович Бронштейн (Лев Троцкий) и Ешуа Соломон Мовшевич (Яков Михайлович Свердлов) не могли успокоиться. Слишком ненастоящее «расказачивание» (уничтожение) народа, по их мнению, было на Дону. Необходим был новый красный террор и уничтожение казачества, а для этих целей отличную роль сыграл хорошо законспирированный лжебелогвардейский офицер Куликов, и эта роль «засланного казачка» ему отменно удалась.

Может, если б Соломон Ешуа (Яков Свердлов) не «кинул кони» в 1919 году, а Лейба Бронштейн (Лев Троцкий) к 1923 году не начал терять свою власть и популярность, то тандем двух этих негодяев для населения (казачьего) мог иметь самые катастрофические последствия. Что-то не «срослось» у последователей идеологии «расказачивания» Дона. Может, подготовленное на Дону восстание было вялотеку-

шим, не удалось расшевелить и раздуть «пожар» на большей части Области Войска Донского, а затем послать туда «мастера по усмирению» – Михаила Тухачевского с авиацией, танками, отравляющими газами, а может, наоборот – Советская власть побоялась далее экспериментировать, ведь между «Доном» и тамбовскими крестьянами разница была огромная. Да и как расшевелить, Дон это не Кавказ – здесь кровавая месть за убитых не практиковалась.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, когда и как Куликов «заарканил» в свои сети Филиппа Лысова. То, что роль «попа Гапона», которая ему отводилась, была выполнена, теперь не вызывает уже никакого сомнения. Не исключено, что об истинной цели и назначении Куликова и Лысова знали только высшие чины ОГПУ, для остальных они были бандиты и враги Советской власти. Абсурдом выглядит и факт, почему вооруженный Куликов в сарае оставил в живых 4-х комсомольцев – по логике вещей, он обязан был их уничтожить, ведь он же «засветился».

В бою у Россошинского моста Филипп Лысов потерял из виду Куликова, так как сам скрывался от милиционеров в зарослях куги (камыша). Кругом были ЧОНовцы, но умный конь ни разу не заржал и таким образом не выдал местонахождение своего хозяина. Неизвестно, где в это время был Куликов, и каким образом они потом встретились. Также не безынтересен факт – как понять действия Советской власти по отношению к женщине, которая явно сотрудничала с бандитами, и за какие заслуги ей через несколько месяцев построили новый дом взамен сожженного?

В 2025 году будут раскритикованы факты из жизни легендарного разведчика Николая Кузнецова – уже объявлено в прессе. Может появиться надежда, что раскритикуют и дело Филиппа Лысова, и мы узнаем о том, что было в действительности, а не складывать мозаику из отрывочных рассказов, порою малоправдоподобных.

Тема не закрывается – ещё есть материал и ещё есть чем удивить читателя – ждите.

Золото

Золото – металл драгоценный и благородный. Степень богатства любого государства определяется количеством этого металла в государственной казне и наличием его у населения.

Множество цивилизаций сменяли на Земле друг друга, но интерес к этому химическому элементу не пропадал никогда.

Наряду с несомненной пользой, которую золото приносило человечеству любой цивилизации, оно также приносило и беды, и неисчислимые бедствия народов, и кровопролития.

По оценкам учёных (в чём можно сильно сомневаться), нынешняя цивилизация добыла на Земле чуть более 160 тысяч тонн этого металла – источника почти всех войн, преступлений и убийств. По каким критериям произведён подсчёт – не знаю, но уверен, что добытого его гораздо больше.

Гибель Российской империи в результате Переворота 1917 года, организованного

американскими «друзьями», две кровопролитнейшие войны в 20-м веке, рукотворный голодомор, «сработанный» И.В.Сталиным с целью «освобождения» советского человека от металла, чуждого строителю коммунизма, – звенья одной цепи, если точнее, то «золотой» цепи...

Два невыдуманных рассказа из жизни наших земляков о тех давних событиях дадут нам представление о том, как это у нас тогда в действительности было.

Рассказывает житель станицы Новоимлянской – Николай Платонович Константинов:

– В середине 60-х годов мне довелось работать на пилораме колхоза имени Орджоникидзе. Пилорама находилась на месте, где сейчас усадьбы Владимира Никитовича Гуляева и Владимира Петровича Безуглова. Рядом была сельповская пекарня – сейчас на этом месте расположено поместье Рябышева Николая Григорьевича.

На пилораме со мной работал мой троюродный брат, селькор газеты «Коллективный труд» Иван Георгиевич Трофимов из хутора Ремизов.

Летом 1966 года пилорама при невыясненных обстоятельствах сгорела, а до своей «кончины» изрядно поработала. Дело в том, что к этому времени в станице и в хуторах начался строительный бум. Большинство домов, что попало в своё время под переселение, к этому времени представляли собой распотрошенный переселённый хлам, и поэтому с помощью колхозных ссуд колхозники (они составляли подавляющую часть населения) стали потихоньку перестраивать свои дореволюционные халупы.

Работы у нас было много, специалисты в дефиците, а потому мы пользовались и почётом, и уважением.

Необходимость посещения Новоимлянского сельского Совета у меня возникла по причине того, что решил я менять место своего жительства – перебраться из хутова Ремизов и строить собственный дом на отведённом участке в станице Новоимлянской.

После переизбрания в 1964 году бывший председатель колхоза имени Орджоникидзе Сергей Григорьевич Сорокобатькин стал работать председателем Новоимлянского сельского Совета. Так уж случилось, что мой визит пришёлся на 9-е Мая – День Победы.

Официально в то время День Победы не был праздничным днём, а неофициально – все участники войны считали за честь отметить Победу.

Сергей Григорьевич был на своём рабочем месте, но в гостях у него были, как и он, фронтвики – Павел Савельевич Калиниченко (бывший председатель СельПО), Фёдор Григорьевич Виноградов (прораб) и Пётр Фёдорович Азаренков. Повод, чтобы отметить праздник, был – на столе была закуска и уже опустевшие бутылки из-под спиртного.

Вопрос, кому идти в магазин за спиртным, не вызывал ни у кого сомнения. Снабдив (я тоже сделал взнос) меня деньгами, отправили в магазин.

Застолье продолжилось. Разговоры переходили с одной темы на другую. Кто затронул тему золота – не помню, но она, видимо, задела хозяина кабинета. Может, в другое время Сергей Григорьевич и не поделился бы личной информацией о его семье, но здесь, видимо, случай был иной. Возможно, что мы внушали ему уважение, а может, и время – прошло более сорока лет с той поры, о которой он нам поведал. Затаив дыхание, с интересом мы слушали его рассказ:

– Мне было лет десять – одиннадцать. Это было время, когда Гражданская война уже заканчивалась. В стране голод и разруха. Наша многодетная семья жила очень бедно. Надвигавшаяся зима 1922 года не сулила нам ничего хорошего.

Через дом от нас жила наша родственница. Жила она с мужем (детей у них не было), который слыл в округе и не только очень профессиональным плотником-краснодеревщиком. Заказов у него было – хоть отбавляй, поэтому с ранней весны и до глубокой осени уходил он на заработки-шабашки.

Сколько лет это продолжалось – не знаю, но тяжелый труд, в конце концов подорвал его здоровье. Умер он не от старости, оставив жене неплохой, по тем временам, семейный достаток.

После похорон своего мужа, родственнице нашей стало боязно одной ночевать в своём большом, по тем временам, и в скромном, по нынешним временам, доме. Уже в конце дня, после похорон, пришла она к нам домой:

– Серёжка! Пойдём ко мне ночевать, а то я одна боюсь! Я тебя пышками с каймаком и арбузным мёдом накормлю.

Хоть вкус предлагаемых деликатесов я уже подзабыл, но от предложения тётки-родственницы решил отказаться, отнекиваясь. Вмешался отец: – Иди, Серёжка! Не надо тётке отказывать, да и пышками она тебя накормит.

Дом у нашей родственницы (Сорокобатькина Елизавета Антоновна 1882 г.р.) был большой, высокий с балюстрадами. От высоких окон в комнатах было светло. На божничках было много красивых икон – они сияли золотом в окладах.

Накормив меня, тётка сказала:– Пойду я корову доить...

Взяв молочное ведро (дойник), отправилась она на баз к корове своей.

Начал я дом обследовать. Как кот, пролез я по всем углам-закоулкам. За одной из икон обнаружил я кожаный мешочек с золотыми червонцами – тяжелый на вес. Монеты блестят (я впервые увидел золото), и два золотых червонца перекочевали в карман моих штанов, а завязанный кожаным шнурком мешочек вновь оказался на своём месте.

Ночью я плохо спал, а рано утром босиком, по уже холодной земле, побежал домой. Монеты решил спрятать я на базу, закопав под обшивку сарая. Подкопав землю, я положил монеты, пригвоздив их прикопать. Тяжелая рука отца легла мне на плечо.

– Ты что тут делаешь? – спросил он, забирая монеты. – Ты их у тётки взял? Их у ней много?

Пришлось признаться.

– Сынок! Будет тётка снова звать – иди! Иди опять к ней ночевать, понял? Перепуганный, молча я ему кивнул. К вечеру тётка снова пришла за мной.

Всё повторилось вновь – и пышки с каймаком, и ночёвка, но мешочек с золотыми монетами на месте не оказался. Утром прибежал домой – отец встречает:

– Ну, что, Серёжка?

– Ничего не получилось, мешочек на месте не было!

– Значит, заметила. Значит перехоронила, – с досадой сам себе сказал отец.

– Ты, Серёжка, ходи к тётке ночевать, ходи – может, найдёшь!

Ещё недели две ходил я к тётке ночевать, но поиски мои так и не увенчались успехом. Потом тётка перестала за мной приходить, но от неё о её догадках даже и намёка не было.

Прошло ещё немного времени, уже потянуло холодом. Отец запряг быков, в возилку положил для них сена и уехал, ничего нам (детям) не сказав.

Долго его не было дома. Мать переживала (время было беспокойное), но нам ничего не говорила – куда отец уехал, и когда он будет дома.

Примерно через месяц отец вернулся домой. В возилке, насыпом и в мешках, находилась точёная кукуруза, которая была укрыта сверху соломой. Оказалось, что отец ездил на быках на Кубань – оттуда он и привёз такое драгоценное добро, сменяв два золотых червонца на кукурузу.

Семья наша, можно сказать, ожила. Страшный голод, который свирепствовал в то время в нашей местности, нашу семью обошел стороной.

В заключение своего рассказа Сергей Григорьевич как бы подвёл итог под своим рассказом, сказав:

– Знаю, что поступил я тогда нехорошо, изъяв два червонца у родственницы, которая подкармливала меня, уже тогда познавшего, что такое голод. Время тогда было такое, да и на мой возраст можно было сделать скидку. Кукуруза спасла нашу семью – это было очень вероятно – от неминуемой гибели. – Мы с ним сочувственно согласились, продолжив общение.

Из рассказа Василия Стефановича Полунина (1907-1977 гг.) своим детям:

– Дед мой, Полунин Пётр Иванович, в хуторе Медведев, по отзывам хуторян, был единственным грамотным человеком.

Небедный, но и небогатый, он пользовался авторитетом и неоднократно избирался хуторским атаманом (последний атаманский срок был в 1902, 1903, 1904 годах), честно исполнял свои обязанности перед обществом. Единственным его недостатком можно было считать хозяйскую прижимистость, которая к старости приняла почти форму скупости.

Детей было у него много, а одна из дочерей его стала женою Корнея Филипповича Лысова, которого особо он не жаловал. Близкие родные знали, что у небедного деда водилось золотишко, которое копил он годами.

Однажды, купаясь в лимане, увидел я, что дед Петя что-то копает в винограднике. Шел мне пятый год, а любопытство было уже как у взрослого – оно-то и взяло

верх. Дождавшись, когда дед Петя направится к дому, я быстро оказался на том месте, где он только что был. В песке, который я разгрёб, показался горшок, при вскрытии которого я увидел золотые монеты.

Подойдя к дому, дед решил проверить созданную им сигнализацию. Подёргав за протянутую к горшку проволоку, он определил, что горшок «не стучит». Возвращающегося деда я увидел, когда рука моя была уже в горшке. С монетами в руке я дал «дёру». Дед меня не увидел, но «взлом» тайника был им обнаружен. Искать похитителя дед не стал или, избегая огласки, не захотел, но горшочек с этого места перекочевал в более надёжное место.

Одиннадцать золотых монет – то, что уместилось в моей детской руке, решил я отдать моей матери. Слегка пожурив меня за воровство, она сказала, чтобы я не проболтался об этом отцу.

Осень и зима пролетели быстро, а весной 1912 года выяснилось, что в нашем хозяйстве не хватает инвентаря к весеннему севу, а главное – не было своих быков. Удручённый Стефан Петрович выхода из создавшегося положения не видел.

Достав из своего тайника платочек с золотыми монетами, моя мать обратилась к нему:

– Отец! Ты не ругай Василия – это он у деда деньги взял.

– Ты у деда деньги украл? – обратился ко мне отец.

Пришлось сознаться в содеянном, ожидая родительский гнев. Гнева, однако, не было.

– У деда можно! – уже миролюбиво произнёс мой родитель.

На ближайшей ярмарке Стефан Петрович купил пару быков. Купил инвентарь, и ещё что-то, необходимое в хозяйстве. Жизнь стала налаживаться, а после того, как в 1914 – 1916 годах он был избран хуторским атаманом – достаток появился и в нашем доме и, если бы не Революция – переворот, а затем Гражданская война, жили бы мы и горя не знали.

Дед Петя, сохранив и приумножив своё золото, чуть было не поплатился за это богатство и своей жизнью, и жизнью своей жены. Родной внук, Филипп Лысов, сколотив банду, «пожаловал» к родному деду в «гости».

На требование по-хорошему отдать золото дед ответил отказом. Поднаторев уже на убийствах (уже к тому времени Филипп Лысов лично убил Михаила Маркина, председателя стансовета станицы Филипповской, а затем спалил помещение стансовета в станице Новоцимлянской, намеревался убить и председателя – только отсутствие его в тот момент спасло ему жизнь), пролив немало крови, Филипп решил умыть кровью своего деда и бабу.

Сорвав с неё кофту, вознамерился он со спины родной бабушки срезать ремень кожи. Видя, что внук уже не шутит, дед сдался, отдав ему золото.

К своему родному дяде Стефану Петровичу Полунину Филипп Лысов тоже не питал симпатий:

– Режь самого хорошего валушка (барана). Сваришь его нам в казане.

Зарезав барана, бывший хуторской атаман сварил его в казане, пока Филипп и

Стефан Петрович Полунин (сидит слева) - родной брат матери Филиппа Лысова

*Жизнь на закате...
Василий Стефанович Полунин,
его судьба - это контрасты
несправедливости по отношению
к одному ЧЕЛОВЕКУ!
(стоит слева)*

Курган Разлатный. Осенью 1923 года отряд Филиппа Лысова потерпел здесь своё первое поражение, но вскоре вновь «воскрес»

«Красные Яры» (р. Россошь). Осенью 1923 года за оказанную помощь раненому Филиппу Лысову ЧОНовцы здесь расстреляли Анну Александровну Калмыкову

его «войско» отдыхали в доме дяди. Даже не притронувшись к сваренному мясу, покидая дом, Филипп заявил:

– Что хочешь с ним, то и делай. Смотри! На следующий раз будет хуже.

Страх за жизнь своих детей и за свою жизнь тоже, а также переживания и постоянная опасность сделали своё дело. Родная мать Василия Стефановича, Домна Самохина, «тронулась умом». Болела она недолго и вскоре умерла, несмотря на то, что бабки-целительницы пытались её вылечить.

По прошествии времени в доме появилась новая хозяйка – Таисия Михайловна 1872 г.р. Проживала она с нами до конца дней своих, до самого переселения.

Филипп Лысов, считая, что дед не всё золото ему отдал, неоднократно «навещал» и третирил их до тех пор, пока не «доконал».

Вот такую страшную действительность того времени мне поведали дочери Василия Стефановича, мои двоюродные сестры – Елена Васильевна Тарелкина и Антонина Васильевна Бутовченко.

От автора. Анализируя два рассказа, приходится констатировать факты, сравнивая, когда золото приносило, казалось бы, пользу, спасая людей от нужды и голода, и когда этот же металл становился явлением сугубо отрицательным, когда внук был готов у родной бабули срезать со спины лоскуты кожи, чтобы сиюминутно стать обладателем того, на что его дед потратил почти всю жизнь, отказывая себе во многом и не позволяя себе никаких излишеств.

Всё! Перехожу к добавлениям по первому рассказу:

– В похозяйственной книге за 1949 год соседкой семьи Сорокобатькиных была Сорокобатькина Елизавета Антоновна 1882 г.р., – это у неё, вероятно, Сергей Григорьевич в пору своего детства «реквизировал» два золотых червонца.

В жизни станицы Новоцимлянской и её хуторов Сергей Григорьевич после себя оставил огромный пласт доброй памяти и воспоминаний. Самыми яркими в его жизни были года, когда он с 1956 по 1964 годы был председателем крупнейшего колхоза имени Орджоникидзе.

Колхоз, которым он руководил, и не процветал, но и худшим в районе не был, а должности лишился он по причине заговора, который организовали ему люди из его близкого окружения. Всё припомнили они ему на собрании колхозников, в том числе и то, о чём вы узнаете из следующего рассказа Николая Платоновича Константинова:

– После переселения станицы и её хуторов на новые места население почти на десяток лет осталось без фруктов и винограда. При Сорокобатькине к этому вопросу подошли серьезно и ответственно. К имеющемуся (незатопленному) на большом отдалении винограднике (сейчас на этом месте располагается рыбколхоз «Вёшенский» и бывшая турбаза Каменского химкомбината) были заложены ещё три виноградника. Один около кладбища хутора Ремизов, другой около полевого стана бригады № 2 – сейчас на этом месте находятся скотомогильник и мусорная свалка. В районе полевого стана бригады № 1 был заложен виноградник и очень большой фруктовый сад.

Землю под высадку винограда (полевой стан бригады № 2) пахал Александр Александрович Лысов, а я ему в этом помогал. Вспахали очень глубоко, под запас зимней влаги. Весной оказалось, что посадочного материала (черенки) в этом году не предвидется, а потому, после некоторых раздумий решили землю эту занять бахчевыми культурами.

Арбузы уродились настолько крупными, что иные и поднять было проблематично. Бригадир 2-й бригады Иван Петрович Киреев был озабочен – кому доверить сторожить бахчу? После переборки возможных кандидатов выбор остановился на Якове Андреевиче Медянникове 1905 г.р.

Медянников был человеком принципиальным и исполнительным, но с недостатком – ужасно сквернословил. Получив приказ бригадира – никого без его разрешения на бахчу не пускать – Медянников приступил к исполнению своих обязанностей.

1-й секретарь Цимлянского РК КПСС Василий Кириллович Дёгтев вместе с председателем колхоза делали объезд колхозных полей. Вспомнив про расхваленную бахчу, Сорокобатькин решил удивить «высокого» гостя и угостить его дарами щедрой колхозной земли.

Подъехав к краю бахчи, стали наполнять авто арбузами, относительно подъёмного веса. Занятое своим делом, не заметили они бегущего к ним сторожа. Избывая непотребные ругательства, Медянников потребовал немедленной выгрузки арбузов из машины

– Яков Андреевич! Я председатель колхоза, а это товарищ Дёгтев – первый секретарь райкома, – начал своё объяснение председатель, не совсем ловко чувствуя себя в данной ситуации.

– Да мне по, кто ты и кто он. Выгружайте арбузы, без разрешения бригадира не дам!

Отъезжая от злополучной бахчи, уязвлённый глава района выдал председателю наказ – приказ:

– Сергей Григорьевич! Даю тебе сутки, чтобы от этого грубияна в колхозе и духу не было!

Утром следующего дня бригада колхозных плотников «поддомкратила» вожжами небольшую хатёнку Медяникова. Просунутые столбы скрепили скобами с поперечными брусами – получились своеобразные сани, которые зацепили буксиром за С-80 (гусеничный трактор).

Через несколько часов жилище Якова Медяникова благополучно перекочевало из хутора Ремизова в хутор Воробьёв, относился который к соседней Волгоградской области. Говорят, что Яков Андреевич не очень-то был удручён таким поворотом его судьбы, а вот на отчётно-выборном собрании оппозиция припомнила председателю этот случай, признав его как вопиющее самоуправство. То, что он выполнил, по сути, прямой приказ начальника – никого не интересовало.

По рассказам старожил колхоза того времени, повода для недовольства своим председателем у колхозников не было. Жизнь приучила орденосца к само-

дисциплине, а потому и рабочий день у него начинался не в кабинете, а с ознакомления с обстановкой на производственных объектах, причём ещё задолго до начала трудового дня.

Может, последний рассказ и не имеет отношения к золоту, но и информация о времени тех, уже забываемых годах – золотой фонд истории населённых пунктов и памяти нашей.

Судьба

Время неумолимо движется вперёд. Те события, которые имеют возраст нескольких десятков лет, нам уже кажутся совсем далёкой историей. Что же тогда говорить о тех, которые через семь лет отметят свой столетний юбилей...

1923-й год, в нашу местность, ещё не оправившуюся от потрясений Октябрьского переворота и Гражданской братоубийственной войны, принёс новую головную боль. В это время, испытывая несогласие с несправедливым отношением к казачеству, связанным с разрушением многовековых устоев быта и переделом частной собственности, стали появляться лица, которые объявили непримиримую борьбу Советской власти.

В нашей местности борцом с Советской властью стал житель хутора Медведев – Филипп Корнеевич Лысов 1888 года рождения. Об этом периоде, когда Филипп Лысов, по некоторым версиям, отрабатывал, сам того не ведая, заказ ОГПУ на дальнейшее разжигание Гражданской войны в Области Войска Донского, чтобы затем поголовно уничтожить чуждое Советской власти казачество, – уже много написано и рассказано.

Этот рассказ будет основан на воспоминаниях Николая Платоновича Константинова 1940 года рождения. Он вспоминает события, имеющие 60-летний возраст:

– В середине 50-х годов прошлого века правление колхоза имени Орджоникидзе направило меня и моего друга Алпатова Александра Николаевича 1938 года рождения в бригаду № 6, располагавшуюся в хуторе Пронин (Кучугуры). Там в это время на зимовке находился крупнорогатый скот, а нашей задачей было – оказание помощи в его кормлении.

Бригадиром и нашим непосредственным начальником на этой ферме был знаменитый снайпер времён Отечественной войны – Гурий Андреевич Борисов. Долгие зимние вечера мы проводили за игрой в домино, карты, а потом у нас неожиданно появился гость, который стал приходить к нам на ночёвку. Гость этот был уже в годах, он много знал, и его рассказы нам были очень интересны. Родом гость был из хутора Челбин, но в переселение местом его жительства стала станица Калининская.

В Кучугуры, по собственному желанию, он прибыл на своеобразную лесозаготовку. В те года в летнее время на Цимлянском море нередко сильные ветра разбивали плоты с лесом. Лес-кругляк гоняло по всему морю, пока ветром его не прибивало к

берегу, на мелководье. Лес был тогда в страшном дефиците, потому и находились желающие зимой вырубать его из ледового плена для своих собственных нужд. Этим делом занимался и гость, который приходил к нам на ночёвку.

Из многочисленных его рассказов о былом, мне запомнился тот, в котором он поведал, как ему удалось избежать «мобилизации» в отряд Филиппа Лысова. Желание воевать с Советской властью у него отсутствовало, и в этом ему помогла Екатерина Павловна Беляевская (Алпатова) 1907 года рождения. Она, по своему мужу, доводилась Филиппу Лысову племянницей и одновременно (случается и такое) кумой.

— Большая часть отряда повстанцев была молодёжь из окрестных хуторов. Женатые и семейные плохо поддавались агитации на борьбу против Советов. Герой этого рассказа был жителем хутора Челбин. Новобранца в свой отряд Филипп Лысов сопровождал лично сам. Было это в конце сентября — начале октября 1923-го года. До места дислокации отряда повстанцев было ещё далеко, а осенняя ночь наступила быстро. Место, где им придётся переночевать, Филипп выбрал сам. Это была высокая «кучугурина», а недалеко от неё были осиновые и берёзовые колки. Чтобы лошади не выдали их местонахождение, Филипп привязал их в одном из колков, а сам стал готовить место для ночлега. Расстелил лошадиные попоны, а укрыться от холода решили неснятой верхней одеждой и кавказской буркой, которыми пользовались в таких случаях горские народы.

Время было уже далеко за полночь, но сон у хуторского новобранца, ещё нюхавшего пороха, никак не шел. Было страшно, и этот страх быть убитым, гнал и сон, и надежду на благополучный исход этой затеи. Кругом была беззвучная тишь, и только осенние звёзды были такими близкими и яркими, — казалось, протяни руку, и с «кучугурины» их можно было потрогать.

— Ты чего не спишь? — раздался неожиданно голос Лысова. — Вставать будем рано!

— Дядя Филя! Я ср...(в туалет) хочу!

— Приспичило тебе. Спустишься с «кучугурины», только по ветру, чтобы на меня не воняло!

Осторожно спустился новобранец с «кучугурины». Постоял, прислушиваясь, и рванул бежать от этого места. Местность, хоть и была знакома, но до хутора Медведев, петляя, добежал он только к утру. Екатерина Павловна жила на краю хутора, к ней и поспешил ночной беглец. Рассказав ей всё, как на духу, начал просить её:

— Помоги! Иначе он меня убьёт!

Сжалилась она над ним, зная, что с ним будет, если Лысов его поймает. Пока запрягала в бричку лошадей, пока сама приготовилась к поездке, стало уже совсем светло. Постелила в бричку сена, уложила на неё беглеца, и, набросав на него сверху сена, тронулась в путь, в сторону станицы Новоцимлянской. По её замыслу, только там беглец будет в безопасности и недоступен для кума Филиппа. По до-

роге из раздумий её вывело то, что лошади вдруг остановились. Прямо на дороге, с запасной лошадкой стоял Филипп Лысов. Понимание того, что будет, если Филипп обыщет бричку, повергло её в ужас. Нутром почувствовала, что он и её не пощадит.

— Кума! Куда ты так рано едешь?

— Да в станицу по делам своим, бабьим, а ты чего тут делаешь?

— Кума! Никто тебе по дороге или в хуторе не попадался?

— Никого не видела я, кум, а что?

Филипп объяснился, добавив в конце:

— Б..., поймаю, я этому засранцу башку отверну!

Съехав с дороги, он их пропустил, а сам направился в сторону хутора.

В станице беглец жил у родственников до тех пор, пока через несколько месяцев не поступило официальное сообщение о том, что Филиппа уже более нет в живых...

Далее сведения для этого материала, вполне вызывающие доверие, поступили из станицы Калининской. Жители этой станицы назвали и фамилию «беглеца», который об этом часто сам рассказывал, им оказался житель хутора Челбина, а затем станицы Калининской — Влас Иванович Андрианов 1902 года рождения. По его словам, он, может, и остался бы в отряде Филиппа Лысова, но всего несколько слов, которые обронил Филипп в ночном разговоре на кучугурине, круто изменили намерения Власа и, по сути, изменили его судьбу.

Рассказывая про бой своего отряда с ЧОНовцами у кургана Разлатный (расположен на границе Калининского и Новоцимлянского сельских поселений), в котором в отряде Лысова были убиты 10 повстанцев, Филипп сообщил, что среди убитых был и Александр Линьков из хутора Челбин. Эта новость для Власа оказалась ошеломительной, и вот почему.

Дело в том, что между Власом Ивановичем и Антониной Ивановной (девичья фамилия не установлена) 1904 года рождения, ещё с самого детства была обоюдная дружба, перешедшая затем в любовь. Однако, вопреки её желанию, мужем Антонины стал Александр Линьков, за которого в 1923 году родители отдали свою дочь замуж. Достаток семьи Линьковых, видимо, и стал главной причиной принятого её родителями своего решения.

После того, как Екатерина Павловна Беляевская (Алпатова) привезла Власа Ивановича в станицу Новоцимлянскую, он, скрыв свои намерения даже от своей спасительницы, отправился в хутор Челбин. Опасения за свою жизнь у него были, поэтому в пути он был очень осторожен.

Антонина Ивановна уже была на 3-м месяце беременности, но они любили друг друга, и это не стало им помехой, тем более что законного мужа уже не было в живых. В 1924 году Антонина Ивановна родила сына Петра, который в похозяйственной книге хутора Челбина имел фамилию — Линьков Пётр Александрович. Потом пошли уже дети от Власа Ивановича — Валентина в 1932 году, Владимир в 1935 году, Александра в 1938 году и Виталий в 1942 году.

В 1939 году Влас Андрианов посадили в тюрьму. К этому моменту он уже был

бригадиром полеводческой бригады. Времена были ещё голодные, на трудодни выдавался мизер, поэтому для кормления своей семьи Влас решил на хищение двух ведер зерна. Опасаясь обыска, Антонина Ивановна зерно спрятала в доме на кровати между двух перин. Оправила на кровати покрывало, взбила горкой подушки, но сердце чувствовало, что быть беде. Предчувствия её не обманули и, вскоре на подворье к ним пожаловала комиссия из правления колхоза. Искали долго, обследуя все подозрительные места, но найти зерно им так и не удалось. В расстроенных чувствах, «несолоно хлебавши», комиссия уходила с подворья.

Активист правления, кум Антонины Ивановны – Сергей Михайлович Плотников задержался в доме Андриановых. Повёл он с Антониной Ивановной задушевный разговор, вызывая её на откровенность:

– Кума! Ты хоть мне скажи по секрету, может, и мне пригодится, куда же вы зерно спрятали?

Кума от такого задушевного разговора растаяла и призналась:

– Вон оно, меж перин лежит.

Резко подскочил, забыв с кумой попрощаться, Плотников, резво догнал и вернул комиссию с полпути. По результатам составленного акта, хозяин был привлечён к уголовной ответственности по Закону от 7.08.1932 года. «За колоски». Осудили его на пять лет лагерей. Кстати, в 1939 году следователь, что вёл дело о хищении двух ведер зерна, к этому делу пытался «привязать» ещё два пункта обвинения. В этом случае Влас Иванович от зоны мог и «червонцем» не отделаться.

В первом случае следователь припомнил ему то, что в 1923 году Влас отказался вступить в комсомол, а это для Власть было оскорбительно, такое и с годами не прощалось.

Секретарём хуторского комитета РКСМ была иногородняя особа женского пола, она то и положила «глаз» на Власа Андрианова, которого решила сделать комсомольцем.

«Раненая» на всю голову иногородняя пролетарская дева от своих партийных товарищей имела задание – набрать в РКСМ (Российский коммунистический союз молодёжи) как можно больше хуторской молодёжи и провести акцию. Акция заключалась в том, что новоявленным комсомольцам предстояло разграбить имущество хуторского женского монастыря, а также имущество Троицкой церкви в станице Филипповской (Маркинской). Многим, в том числе и Власу Андрианову, такая акция, как осквернение святых мест, была не по нутру, потому и под любым уважительным предлогом они отказывались от вступления в комсомол.

Хуторянам ещё были памятны деяния Цымлянской Красной дружины, когда в марте месяце 1918 года оголтелые строители новой жизни на станичном митинге решили: памятник царю Александру Третьему в центре станицы Цымлянской снести (прямо, как сейчас на Украине), а на освободившийся пьедестал водрузить фигуру Иосифа Сталина.

Сказано – сделано. Низвергнутый царский бюст волоком оттащили на берег

речки Цымлянки и утопили его под радостные возгласы пролетариев. А мы – то всё думаем – это где же украинские бандеровцы так ловко научились низвергать с пьедесталов им неугодных?

Отношение к комсомолу у казаков Дона было крайне отрицательным, их считали слугами антихриста, потому отец Власа Андрианова был даже не против того, чтобы его сын оказался в отряде Филиппа Лысова.

Вторым пунктом обвинения у следователя было и то, что Влас Андрианов, по сути, имел добровольные намерения вступить в отряд Лысова и вступил бы, если бы живым остался Александр Линьков, погибший в бою под курганом Разлатный.

В 1942 году Андрианову прямо в лагере заключённых было предложено искупить кровью свою вину. Было это в феврале 1942 года, а уже в августе этого же года военнослужащий штрафного батальона Андрианов был ранен. После ранения его перевели из штрафбата автоматчиком в действующую воинскую часть – 294 стрелковый полк 76 стрелковой дивизии, в которой воевал он до 1944 года. После полученного 4 августа 1944 года тяжелого ранения до 12 октября 1944 года он находился на лечении в госпитале. 12 октября 1944 года стал последним днём его участия в войне. Из польского города Данциг (Гданьск), по совокупности утраченного здоровья его комиссовали, «подчистую». В хутор Челбин Влас Иванович явился в поношенном обмундировании, но с двумя боевыми медалями «За отвагу».

Жизненный путь Власа Ивановича закончился в апреле 1993 года. «Век» Антонины Ивановны оказался значительно короче. Она умерла в 1981 году.

Вот такие события происходили в нашей местности почти сто лет тому назад и позже, почти до времён не столь уж дальних.

Кто-то скажет, что такова судьба героев этого материала, а кто-то имеет право сказать, что здесь присутствует его величество фактор случайности.

Ни в то, ни в другое я не верю. Всё, что с нами происходит в так называемой нашей жизни, от нас ничего не зависит по причине той, что ещё до рождения в каждого из нас уже была заложена программа нашего бытия. Эту программу мы не в силах изменить, если бы и захотели.

Этот чип (флэшка) с любым из нас будет до тех пор, пока не придёт время на его изъятие. Этот чип, а если точнее – душа с нами будет находиться до времени того, на которое она запрограммирована.

А мы – то думаем, что это случайность, судьба...

Постскрипtum. Последние сведения из станицы Калининской дают информацию о том, что незадолго до своей гибели Филипп Лысов всё же имел встречу со своим несостоявшимся бойцом отряда Власом Андриановым. Видимо, кто-то ему предоставил информацию о местонахождении Власа.

Прибыв в хутор Челбин, Филипп отыскал того, кто нанёс ему оскорбительную душевную рану. Убивать его он, видимо, не собирался, а вот проучить плёткой, видимо, намерения имел. Несколько раз он успел «потянуть» плёткой Власа, но тот был парень юркий и смыслёный. Своё спасение увидел он в большом саду на своей усадьбе.

Филипп был верхом на лошади, а это значительно затрудняло преследование «обидчика», который ловко петлял меж фруктовых деревьев. Лысов мог и застрелить его, но в планы Филиппа это, видимо, не входило.

На закате лет своей прошедшей долгой жизни Влас Иванович не стеснялся делиться информацией о своей судьбе, обо всём пройденном и прожитом.

Информация к размышлению. Перед тем, как в эпилоге подвести черту под описанием страшных событий 20-х годов прошлого века, включая и Отечественную войну, считаю необходимым познакомить читателя и с официальными членами семьи Филиппа Лысова.

Осенью 2015 года мне их предоставил его родной внук – Николай Дмитриевич Лысов 1947 года рождения, в настоящее время он проживает в хуторе Нижний Гнуты Чернышковского района Волгоградской области.

Николай Дмитриевич дал мне и точные адреса, вплоть до номеров домов и квартир, но их я указывать не буду по вполне понятным причинам.

Жена Филиппа Лысова родом была из этого же хутора. В книге директора Чернышковского краеведческого музея Михаила Луночкина: «Цимлянская сторона», можно узнать более подробно о начальном периоде семейных отношений, но о полном составе этой семьи информация отсутствует. Видимо, в то время этому была своя причина, но сейчас эта информация уже не стала семейно-конфиденциальной.

Первым сыном в семье Филиппа Лысова был Иван 1905 года рождения. Родился он тогда, когда его отцу было всего 17 лет. Умер Иван Филиппович в 1968 году в городе Красный Луч Луганской области.

Вторым сыном в этой семье был Владимир 1910 года рождения. В войну, во время оккупации он был на службе у немцев. Отступил вместе с немцами. Дальнейших сведений о нём нет.

Третьим сыном в семье Лысовых был Александр 1924[?] года рождения. Участник Великой Отечественной войны. Похоронен он на Мамаевом Кургане города Волгограда.

Старшая дочь – Анна Филипповна – родилась в 1914 году. Жила в хуторе Нижний Гнуты. С 1956 года, после того, как её родную сестру во время грозы убило молнией, стала воспитывать её детей – Николая 1947 года рождения и Валентину 1949 года рождения.

Дочь Евдокия Филипповна родилась в 1922 году. Проживала в хуторе Нижний Гнуты до 1956 года, до случившегося трагического случая.

Дочь Евдокии Филипповны – Валентина, в настоящее время проживает в городе Волгодонске.

У Николая Дмитриевича трое детей:

дочь Оксана Тимченко 1971 года рождения проживает в городе Цимлянске, сын Дмитрий 1973 года рождения в настоящее время проживает в хуторе Нижний Гнуты, сын Василий 1983 года рождения проживает в городе Волгодонске.

Эти данные мой одногодок мне сообщил, не выдвигая никаких условий, надеясь на объективную, лишённую искажений информацию.

Мне же придётся самому держать ответ перед некоторыми читателями, которые меня обвиняют в том, что я, по их мнению, лояльно отношусь к поступкам Филиппа Лысова. Перед тем как кого-то обвинять, не мешало бы себя поставить на его место и определить метод своих действий в таком случае. Жизнь штука сложная и непредсказуемая...

Давайте представим, что делал бы, к примеру, успешный предприниматель в городе Цимлянске, если бы его в одночасье лишили всего, в чём был смысл его жизни? Мало того, он мог лишиться жизни своей по причине того, что решение жить ему или не жить принимал бы «ревкомовец», мягко говоря, неадекватный в своих поступках и действиях.

Мне иногда представляется возможность видеть в районе промкомбината города Цимлянска современный «пролетариат», озлобленный и опухший от чрезмерных употреблений спиртного. Возьми они власть, как в 1917 году, и реки крови прольют, не испытывая никаких угрызений совести, считая себя карающим мечом, не дай Бог, американо – еврейской революции.

От автора. Тема повстанческих движений, особенно о Филиппе Лысове, всё более и более волнует пользователей интернета, и не только...

Писатель-краевед из города Астрахани Яценко Вячеслав Григорьевич планирует к концу 2016 года издать книгу, где о Филиппе Лысове будут использованы материалы из архивных источников. Мне же приходится довольствоваться малым – работать по рассказам очевидцев тех лет, которые оставили факты событий того времени своим потомкам.

Самый большой успех отряда Лысова и его самого был в самом начале его образования. Органы ОПТУ не придали особого значения его действиям, считая, что небольшой отряд ЧОН при поддержке местных органов милиции сможет навести порядок и законность. Прозрение областного ЧОН произошло после того, как на переправе через речку Цымла отряд Филиппа Лысова практически полностью уничтожил небольшой отряд ЧОН, прибывший из Ростова.

Несмотря на предупреждение жителя хутора Челбин Рябышева Дмитрия Ивановича (полный тёзка генерал-лейтенанта Рябышева Дмитрия Ивановича из хутора Колотовка), об опасности со стороны Лысова и его отряда, командир части особого назначения (ЧОН) хвастливо заявил, что Фильку и его «войско» они без труда поймут. (А.А.Константинов. «Цимла», стр.74).

Лишь после этого разгрома в Цымлянский район были направлены из области крупные силы ЧОН с пулемётами. Тактика прибывших изменилась, и на отряд Лысова была организована настоящая охота с засадами на территориях речек Цымла и Россось. Главный упор делался на то, чтобы отряд Лысова отрезать от Кучугур, где они себя чувствовали, как рыба в воде.

Дело в том, что левобережье реки Цымла и её правобережье – это небо и земля. Сразу от левобережья начинались Кучугуры с богатейшей растительностью – лес, кустарники, лиманы и озёра с их зарослями. Антиподом этого являлось правобе-

жье – голая степь, лишь по балкам подобие хоть какой-то растительности. Однако недалеко от хутора Черкасского к речке Россошь подходит балка Дубовая. Она настолько глубока, что даже в жаркие летние месяцы на её дне от родников стоял холод, казалось, что в ней работает очень мощная сплит-система. Заросли в этой балке таковы, что там без труда мог укрыться конный или пехотный полк.

Эта балка была запасным пунктом дислокации, где иногда укрывался отряд Лысова. По некоторым данным, считается, что именно в этой балке отряд Лысова полностью уничтожил пеший отряд китайских карателей – наёмников, которые двигались из Морозовской в сторону Цымлянской. Пленные китайцы Лысову были не нужны, а за те зверства, которые творили эти «интернационалисты», распиливая пополам поперечной пилой казаков – за такие изуверские деяния пощада не полагалась.

Уже в самом начале осени 1923 года этот план ЧОНовцев практически удался. Отряд ЧОН, преследуя отряд Лысова, «нагнал» его на засаду к мосту через речку Россошь около станицы Новоцымлянской. Скрытно установленный в засаде пулемёт «Максим» решил участь отряда. В живых остались Лысов (раненый) и Куликов. Кстати, по последним данным краеведа из станицы Калининской Н.В.Гордеева, настоящая фамилия Кулика (кличка) была – Александрин Дмитрий(?) Был ли он бело-гвардейским офицером или агентом ОГПУ – вопрос, который без архивных данных в настоящее время не решить.

Раненый, практически оставшийся без патронов Лысов до самой глубокой темноты находился в речных зарослях камыша и чакана. Умный конь не выдал (ржанием) местонахождение своего хозяина, хотя конные ЧОНовцы искали его.

Далее идёт рассказ жителя города Белгорода Геннадия Анатольевича Калмыкова 1943 года рождения:

– Семья моего отца – Калмыкова Анатолия Александровича 1914 г.р. в это время проживала в хуторе Сизове на территории к тому времени уже бывшей почтовой станции. В семье Калмыковых проживали и две дочери – Антонина Александровна (Нагибина) и старшая дочь-красавица Анна Александровна Калмыкова. Анна ещё не была замужем.

Вот к ней уже далеко за полночь и прибыл раненый Филипп Лысов. Несколько дней он находился у Калмыковых на излечении. Далее оставаться было опасно и для него, и для хозяев, потому и покинул он место своего лечения, как только почувствовал, что ему стало лучше. ЧОНовцы получили информацию, что Анна Калмыкова лечила раненого Лысова. От кого они получили информацию – неизвестно. Никаких доказательств не было и у семьи Калмыковых, но они долгое время подозревали в этом семью Поповых.

Отряд ЧОНовцев арестовал Анну Калмыкову и, как пособницу врага Советской власти, без суда и следствия прямо во дворе их домовладения расстреляли. Знал ли Филипп Лысов, что случилось с его спасительницей – видимо, только Господу Богу известно.

Разговоры на тему случившегося в семье Калмыковых были под запретом и лишь под конец своей жизни Анатолий Калмыков объяснил своим детям причину, по которой они сначала переселились из дома, в котором жили, а затем и вовсе перебрались в хутор Кандауров.

Сведения этого материала, да и других далёких по времени, не могут использоваться как достоверные. Не могут потому, что это были события, близкие к столетней давности!

Два Филиппа

По – разному читатели относятся, особенно наши земляки, к теме, которая мною упоминается в каждой из 5 своих книг. Кто-то с историческим интересом, кто к этому вопросу относится крайне отрицательно, высказывая свои претензии мне, считая, что Филипп Лысов такой памяти не достоин.

Нравится нам Филипп Лысов или не нравится – это наша история, которая имеет право на своё существование, какой бы горькой она не была.

Меня и многих моих земляков, не подверженных сиюминутной обструкции, всегда интересовал факт того, почему в 20-х годах 20-го века ЭТО случилось с бывшим жителем хутора Медведева Цимлянского района. Об этом можно было только догадываться, но в марте 2017 года ответ мне пришел неожиданно. Тайной своего родственника (по мужу) со мной поделилась Вера Евдокимовна Лысова (Бакланова) 1929 года рождения, проживающая в посёлке Дубравном Цимлянского района.

Вера Евдокимовна в шестом колене является прямой родственницей нашей донской знаменитости – Якова Петровича Бакланова. Её муж (покойный) Лысов Михаил Павлович 1927 года рождения, являлся внучатым племянником Филиппа Корнеевича Лысова.

В своей книге «Два Филиппа» (будем надеяться, что она будет издана), Вера Евдокимовна пользуется достоверными воспоминаниями своей (по мужу) бабушки – Зинаиды Акимовны Лысовой (Будариной) 1878 года рождения. Зинаида Акимовна была женой Мефодия Корнеевича Лысова – родного брата Филиппа Лысова. Она была в курсе всех семейных событий Лысовых, и что-то ей выдумывать и искажать события не было никакого смысла.

С согласия Веры Евдокимовны, пользуясь материалами ещё не изданной ею книги, в качестве рекламирования и «подогрева» интереса к этой книге, мне пришлось использовать два фрагмента из её описаний. Второй фрагмент даёт нам объяснение – что же случилось тогда с Филиппом, почему он противопоставил себя мощнейшей машине репрессирования – ОГПУ.

Учёные, аналитики сейчас всё более и более сходятся во взглядах на то, что у каждого из нас, проживающих на нашей Матушке-Земле, имеется практически стопроцентный клон (двойник). Оставим мнение учёных каждому из нас на своё усмотрение, остановлюсь на том, что и Филипп Корнеевич Лысов имел тоже своего

двойника. Филипп Корнеевич Лигусов из станицы Терновской (детство его прошло в хуторе Воробьёве Нижне-Гнутовского сельского Совета) имел поразительное сходство с Филиппом Лысовым, которое бывает только у братьев-двойняшек.

Не буду томить читателя загадками. Далее пойдут фрагменты из книги Веры Евдокимовны, которые стоили ей огромного творческого труда и огромного количества затраченного времени. Шефство над изданием этой уже исторической книги сейчас взяла её родная внучка – Алевтина Павловна Белова. Будем желать ей удачи и надеяться, что книга эта появится в наличии у тех, кто неравнодушен к истории Донского края.

Это не интрига сюжета, но не получается у меня плавный переход от одного события к другому, а может, и не надо – это только будет подогревать интерес читателя к ещё не изданной книге:

Стр. 268. «Зачем человеку столько свободного времени?» – спросила Ирина себя уже потом, когда села на пароход, уходящий на Цымлу, и два дня была представлена самой себе. Хочешь, любуйся с палубы речными просторами, хочешь, пей чай с леденцами или же спи на широкой скамейке.

«Гордая противная натура! – бранила себя Ирина, с трудом перенося своё одиночество. – Было бы к чему стремиться: куда спешу? Зачем? Поплакаться на могиле матери и Петей?» – вот и всё, что светило ей в своём хуторе Колотовка.

Пароход, будто испытывая её терпение, подолгу простаивал возле каждой встречной пристани, грузчики, как муравьи, то сносили с парохода какие-то мешки, то вносили их на пароход. «Сама ты захотела побыть наедине с собой – вот и сиди мирно», – говорила она себе и снова шла на палубу подышать влажным речным воздухом. Места себе Ирина не находит без дела, привыкла работать и днями, и ночами. Обо всём передумала, сидя ночами возле тяжелораненых.

Забилось тревогой сердечко, когда подошел натужно пыхтевший пароход к Цымлянской пристани. Для неё тридцать вёрст – не расстояние, ждал бы её кто-то дома, пошла бы в ночь, но теперь надо было идти к заколоченному своему дому, а потом сидеть на грязных ступеньках и ждать рассвета, мало радости.

Не было в Цымле у неё родных и знакомых, у кого можно было попроситься на ночлег, и решила она по берегу Дона пройти, чтоб лодку, перевернутую вверх дном, найти и переночевать под ней.

Тут-то с нею и произошло неожиданное и странное обстоятельство, или, скорее всего, милость божья. Нашла лодку, уже перевернутую вверх дном, и присела отдохнуть, всплакнула, свою незадавшуюся судьбу помянула недобрым словом, тоска по родным ей людям не проходила. Встала она на ноги и уже хотела на ночлег устраиваться, как вдруг услышала шорох шагов за своей спиной.

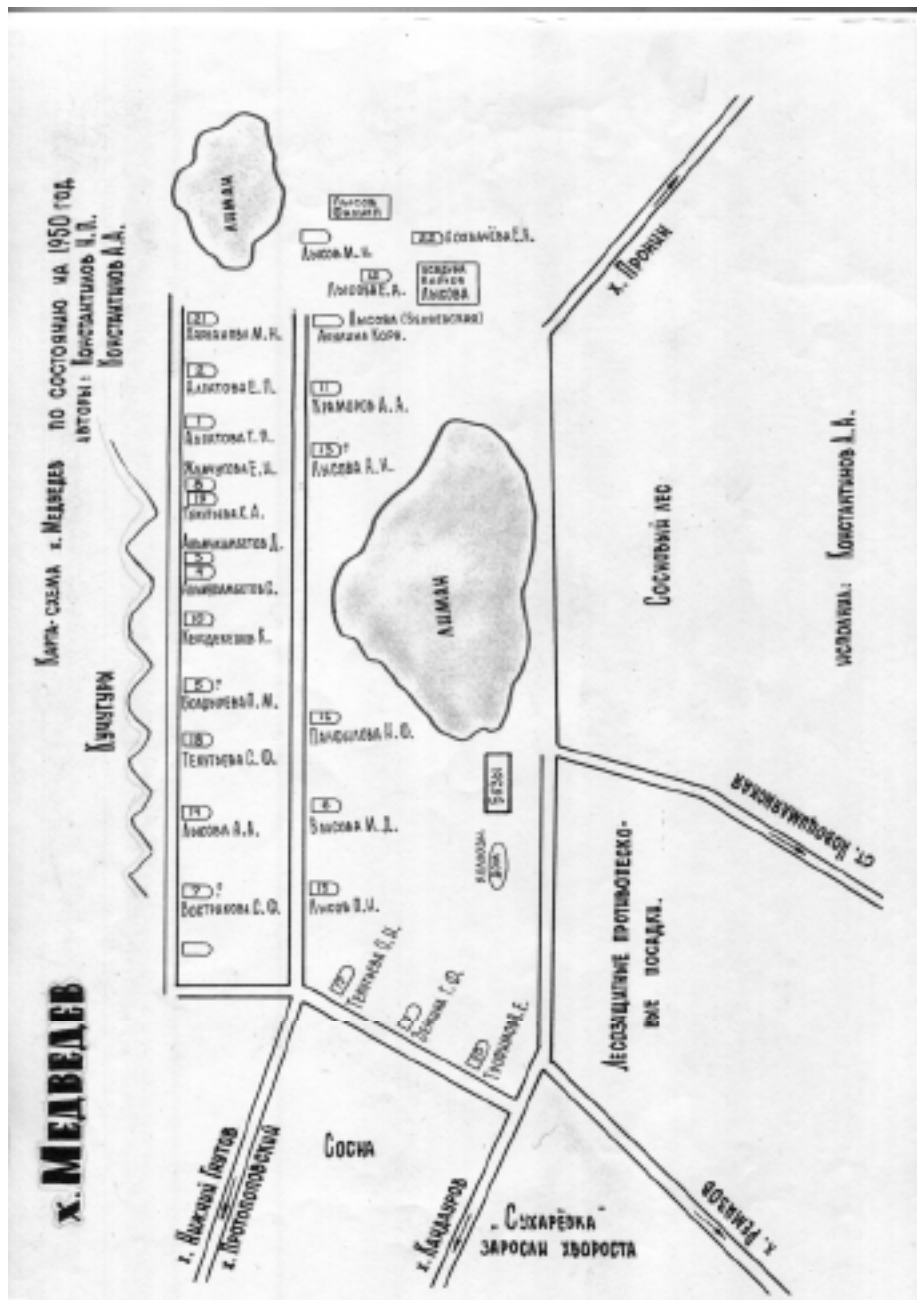
– Добрый вечер, служивый! – сказала остановившаяся за её спиной женщина. Ирина обернулась к поздоровавшейся с нею женщине и оторопела. Перед ней стояла, по виду очень старая женщина в длинном плюшевом пальто, на ногах её были резиновые боты, а половину её лица закрывал серый шерстяной платок. Ирину уди-

*Сбор казаков в х. Нижнем Гнутове
Есауловской станицы*

*Станица Цимлянская.
Фотография Ивана Болдырева.*

вило не то, что женщина была так бедно одета, а то, что поздоровалась она молодым, звонким и очень приятным голосом.

– Не для всех, бабушка, вечер этот добрый! – ответила ей Ирина. – Только что сошла с парохода, а до дома идти ещё вёрст тридцать, ночь уже застает, а в Цымле знакомых у меня нет.

– Да ты, оказывается, не солдат, а солдатка? – спросила её женщина.

– Да, бабушка, женщина я, иду с войны, знакомых в Цымле нет, где можно бы попроситься на ночлег, вот, я и решила тут, возле Дона ночь скоротать.

– Впервые вижу женщину – солдата, с войны возвращавшуюся да ещё решившую такую долгую осеннюю ночь лежать на мокром песке под лодкой, – говорила женщина с упреком в голосе и как-то недоверчиво и косо поглядела на Ирину.

– В любой дом постучись, и пустят тебя на ночлег, люди намного лучше, чем ты о них думаешь, – выговаривала женщина. – Пойдём со мной в мой дом, накормлю, напою, в тепле поспишь, а завтра с утра пойдёшь в свой хутор, – предложила она ей всё тем же молодым звонким голосом.

– Спасибо, бабушка! Очень я вам благодарна за ваше предложение, ночь провести в тепле – это уже хорошо, – сказала Ирина радостно оживлённым голосом и, чтобы хоть как-то выразить свою благодарность, предложила:

– Давайте мне ведра и коромысла, я зачерпну воды и понесу.

– А ты когда-нибудь таскала воду на коромыслах? – спросила её женщина.

– Нет, не приходилось! – призналась Ирина.

Шли долго, свернув с улицы в переулок, стали подниматься в гору, а остановились возле маленьких тесовых ворот.

– Вот моё жильё, – сказала женщина певуче приятным голосом, когда остановились они возле маленького, почти игрушечного домика, выкрашенного желтой глиной. Дальше происходило всё так, как происходит у гостеприимных хозяев, но прежде того ещё раз пришлось удивиться Ирине, ещё одному превращению женщины-старушки в молодую прекрасную, или даже красивейшую молодую девушку.

– Вы бабушка или девушка? – спросила Ирина хозяйку дома, сняв с себя старческие одежды и оставшуюся в сатиновой цветастой кофточке и чёрной юбке. Было бы благоразумнее смолчать Ирине, но её распирало спросить, почему она прячет под старческими одеждами своё красивое лицо и прекрасно сложенную фигуру, потому она и спросила.

– Бандиты и Цымлу навешают, потому и прячу себя от греха подальше, – ответила на её вопрос белокурая красавица и стала проворно накрывать на стол. Давно не ела Ирина домашней стряпни. С удовольствием поела щей с житным хлебом, а уж за чаем хозяйка домика спросила её имя, а себя назвала Сашей, сказала, что работает в больнице поваром, а иногда у богатых людей прачкой – тем и живёт.

– Ты как на фронт попала? – спросила её Саша заинтересованно. – Лично я бы на такое не отважилась. Мы женщины, наш удел не воевать, а детей рожать, – пояснила она серьёзно. Пришлось Ирине рассказать о том, как привёз отец против её

воли в Терновскую к старику-вдовцу, тридцатью пятью годами старше её, и больную оставил в доме того вдовца Андрея Петровича Полякова. А помог ей сбежать от своего отца старший сын Андрея Петровича – Костя.

– Военврач Иван Андреевич Иванов вылечил меня и повёл за собой по дорогам гражданской войны.

– Такая ты ладная собой и красивая – неужели не встретился достойный тебя за эти годы жених?

Не собиралась Ирина говорить о себе, но Саша была трогательно нежна с ней, что Ирине захотелось рассказать ей о знакомстве и о последующих встречах с Филиппом Корнеевичем. Как она отказалась стать Филиппу Корнеевичу попутчицей до Цимлы, а потом всю дорогу бранила себя за свою гордыню и одиночество. Не ускользнуло от Ирины и то, как при имени Филипп сошла краска с лица хозяйки дома, и то, как прикрыла она глаза пальцами левой руки, как будто от яркого света.

– Мне показалось, что вы знакомы с Филиппом Корнеевичем? – не удержалась от вопроса Ирина.

– Нет, Ирина, с этим Филиппом я не знакома, я наслышана о Филиппе с хутора Медведева.

Ничего о себе более Саша не рассказала, лишь попросила: – Будь, Ирина, осмотрительней по дороге к дому, знакомства ни с кем не заводи, лишнего не говори, где-то в Больших лесах бандиты прячутся, не приведи бог с ними встретиться.

Дорога домой Ирине была не страшна и бандитов она не боялась. После пережитого ею на войне всё это казалось ей простой мелочью! В зной и стужу, по пояс в снегу и по шею в грязи шла она с военным полевым госпиталем, но под чутким руководством Ивана Андреевича. Ей и теперь казалось, что видит он её, слышит и охраняет в пути, а идёт она не одна – он рядом с ней идёт.

Прощаясь с Ириной, Саша взяла с неё честное слово о том, что на обратном пути она зайдёт к ней и расскажет о своей удаче.

– Непременно зайду, – пообещала Ирина и ушла.

Привычные к ходьбе ноги шли торопливым шагом, но было ей не по себе: нудные мысли тревожно лезли в голову. Одно ей было непонятно, почему так испугалась и побледнела Саша, когда ей она рассказала о Филиппе Корнеевиче, и почему она прячет своё красивое личико и тело под старыми лохмотьями. Почему не рассказала она о себе?

Очнулась Ирина от своих тягостных дум только тогда, когда за своей спиной услышала стук лошадиных копыт.

– Далеко ли путь держишь, солдат? – спросил её хрипловатый голос.

– С Дону и до дому, – ответила Ирина, уступая коням дорогу.

– Батюшки святы! Да ты ещё баба, – протянул мужик удивлённо. – К лицу тебе, девонька, военная форма, выправка у тебя и впрямь солдатская. За бравого солдата я тебя принял. Откуда родом?

– Колотовка родина моя.

– Значит, землячка моя! – обрадовался мужик. – На Зацымловском я теперь живу, а мальчишкой жил в Колотовке, там всё моё родное. До поворота на Зацымловский могу подвезти, а там до Колотовки рукой подать.

«Простой мужик, видать, с базара едет, мешки в бричке пустые лежат, почему бы и не подехать», – подумала Ирина, вдруг вспомнив, что денег за проезд у неё нет.

– Спасибо, земляк, за приглашение, но мне платить за проезд нечем, – вежливо отказалась Ирина.

– Мне твоей платы не надо, всё равно мне по пути, да и еду налегке, – настаивал казак. К тому же хотелось ей хоть немного отдохнуть, и она села в бричку.

– Не думай! Люди свои, сочтёмся – подбадривал её чернобровый земляк.

– Ну, родимые мои, нажимай! – крикнул земляк коням и пустил их вскачь. Изпод мелькавших копыт высоко взлетали комья слипшейся грязи, кругом насколько хватал глаз, тянулась серая покрытая полынью степь. Версты три прошли налётом сытые кони и снова мужик пустил их шагом.

– Сдаётся мне, ты не просто солдатка, ты, наверно, комиссарить едешь в наш хутор? – спросил он, оборачивая к ней курчавой бородой лицо.

– Сдаётся и мне, земляк, что ты очень любопытный и сразу говорю тебе, с войны иду в свой хутор, Иванова моя фамилия и родилась я в Колотовке.

– Я к чему про комиссара тебя спросил, – заговорил земляк, разглядывая Ирину в упор, – комиссаров у нас не любят, зимой в хуторе Колотовке бандиты трёх комиссаров порубили топорами и в прорубь спустили.

– Не при твоём ли участии было это сделано? – захотелось Ирине задать мужику такой вопрос, но вовремя вспомнила она напутствие Саши.

– Я вот что тебе скажу, не все довольны новой властью! – заговорил земляк с горячностью в голосе. – У них законы чудные, один с сошкой, а семеро с ложкой! Да ещё мастера они хлеб с чужих закромов выгребать, а я думаю так, не сыпал ты в закром мой и брать не смей. Трудолюбивого мужика называют кулаком, а лодыря – неимущим.

– А вот если бы тебя у власти поставили, что нового внес бы ты в их закон? – спросила Ирина просто так, чтобы не молчать.

– Будь я у власти, то на лбу каждого комиссара написал бы такой лозунг – не руби с плеча, а руби с оглядкой, меньше будет беспорядка. Крутой ненавистью возненавидел Филипп Лысов новую власть, только один он в поле не воин, сломят его эти голодранцы, у них в руках власть, а он с горсткой себе подобных. Против них силы не равны. Зря кровь льётся.

Какое-то время ехали молча, а потом мужик снова пустил коней вскачь.

«Может быть, и мой отец в банде Филиппа Лысова? Может, и Марийку он где-то в Больших лесах прячет? – подумала Ирина и снова больная боль сдавила её сердце. Но снова вспыхнула надежда на встречу. Готова она была к любой неприятности, но такое ей и в голову не пришло, чтоб чернобородый, белозубый земляк завёз её в балку для

исполнения своих мерзких желаний. Колёса брички запрыгали по кочковатой земле, и она сразу поняла, что свернул мужик коней с наезженной дороги в сторону балки.

– Зачем-то свернул с дороги, – подумала она, и сама не зная зачем, вытащила револьвер из кармана шинели и положила его в узелок с провизией, собранной Сашей на дорогу.

– Останови, я здесь сойду! – крикнула она хозяину телеги, но он продолжал ехать по спуску. Встала она на ноги и хотела прыгнуть на ходу, но он уже остановил коней и спрыгнул на землю первым. Ирина спрыгнула на землю, и тут же оказалась в его цепких и довольно крепких руках. Живо свалил он её на землю и навалился своим грязным телом.

– Не дёргайся и не ори! Тут я комиссар, пощупаю тебя, полапаю, расплатишься за проезд, и дальше поедем.

Задохнулась Ирина от негодования, ни слова не могла вымолвить. Её за двадцатитрёхлетнюю жизнь уже третий поддоник пытается изнасиловать. Дважды она оставалась победительницей, а как получится в третий раз? Сделала она вид, что смирилась, и расстегнул он на ней ремень, ощупал карманы и тело. «Револьвер ищет», – догадалась Ирина, но как только он занялся своими брюками, вытащила из узелка, лежащего под левой рукой, револьвер и выстрелила ему в плечо.

Он обмяк сразу, а она, свалив с себя грузное его тело, встала на ноги. Перепуганные выстрелом кони умчались в глубь балки.

– Ну что, оборотень бородатый, кто из нас комиссар, – спросила Ирина, застёгивая на своей талии ремень. – Дурак ты дурак, пустая твоя башка! Сволочь ты самая последняя. Покомиссарить тебе захотелось? Стоит мне сделать второй выстрел и ты откомиссарился.

Сведённые судорогой губы бородача пытались что-то сказать, но Ирина, подняв с земли узелок с едой, пошла не оглядываясь.

Трудной была дорога Ирины в хутор Колотовку, но ещё труднее оказалось свернуть вправо и зайти на кладбище, где ждали её могилы самых дорогих сердцу людей: мамы и Пети Захарова. К Петиной могиле Ирина шла уверенно. Его могила была в девятом ряду от дороги и четвёртой с краю. Вдруг увидела она надпись на кресте: «Здесь покоится Жирова Федосья Яковлевна, почившая 20 сентября 1917 года». Это был тот день, когда увёз её, Ирину, отец к Андрею Петровичу в станицу Терновскую.

– Мамочка родная моя, вот как пришлось нам встретиться! – крикнула Ирина, падая в изголовье матери на колени...

Стр. 316. – В поздние сумерки вернулся Филипп Корнеевич Лигусов с хутора Медведева. Видя, что приходу его обрадовались, стал он раздавать подарки от дядки и тётки. Дядя Сидор прислал детям книжки с картинками и карамелек-лампосеек. Ульяне медовых пряников, а Корнею Лукичу шапку на лисьем меху. Ирине с Глашей досталась жареная утка.

Оживлённо и радостно протекал вечер за праздничным столом. «Не по приходу расход», – решила про себя Глаша, но словно подслушав её мысли, Ульяна

*Зинаида Акимовна Лысова
(Бударина) 1878 г.р.
Это её воспоминания позволили внучке по мужу - Вере Евдокимовне написать книгу «Два Филиппа»*

*Вера Евдокимовна Лысова.
Автор книги «Два Филиппа»*

*Здесь было Колотовское кладбище (Манюткина балка),
а сейчас берег Цимлянского водохранилища.
Даже и следов от могилы Федосьи Жировой уже не осталось*

*Балка Манюткина в своём начале.
Разрезая хутор Колотовку пополам,
она впадала в речку Цымла*

пояснила: — Кормилицы и поилцы наши дядя с тёткой. Они вдвоём на Медведеве живут. Единственный сын Володька стал командиром погранзаставы, у них земли 75 соток, две коровы держат, пчёл, гусям и уткам — счёту нет. Летом мы всей семьёй ездим, или вернее приходим им на помощь. Сено к зиме заготовим, хворост нарубим, картошку рыть помогаем. Дядя с тёткой продуктами нам помогают. Недавно дядька ведро сливочного масла привёз, мёда сотового.

Разговоров всяких было много за столом, обо всём переговорили и снова возвращались к разговору о землянке Домны Васильевны, и снова пришли к выводу, что кто-то из бандитов там зарыт. А Марийку отец увёз с собою за границу.

О себе Ирина сказала так: — В хутор не вернусь, там подлая память об отце не даст мне покою, а в Ростове у меня привычная работа в госпитале и дорогой мне человек, отец (отчим) Иван Андреевич.

Всё было решено и обговорено. Мужчины ушли на свою половину, но дверь на женскую половину снова открылась, и Филипп попросил Ульяну выйти к нему в сенцы для разговора.

— Интересную новость вам расскажу, — сказала им вернувшаяся на свою половину Ульяна Степановна, и вот что поведала она им. — Я вам уже говорила, что девушку Сашеньку Данилову встретил Филипп Лигусов в хуторе Медведевом. Ездил к ней он на Западной и уже было назначил сватовство, но кончилось всё тем, что невинного его отправили на каторгу. Об этом «позаботилась» моя мать.

Где-то и от кого-то слышал Семён Абросимов, что девушка та, Сашенька, слюбилась с другим Филиппом, он с хутора Медведева. Он то и есть главарь банды — Филипп Лысов. Не поверил Филипп Лигусов людской молве, крепко, видно, любил он ту девушку. Решил сходить в хутор Медведев, найти того Филиппа и от него узнать настоящую правду, был ли он любовником Сашеньки? И не сгорела ли она вместе с бандитами в собственном доме?

Вот только теперь дошло до Ирины, кто эта девушка Саша, которая в Цимле живёт затворницей и прячет под рваными лохмотьями своё прекрасное личико и прекрасно сложенную фигуру. Правду о Сашеньке Даниловой она решила узнать от неё самой. А теперь решила выслушать рассказ Ульяны доподлинно, чтоб точно быть уверенной в своём подозрении.

«Не думай, как думается, а как Господь даст», хотел Филипп Лигусов встретиться с Филиппом Лысовым и встретился, и у тётки с дядей погостил. Уж как они ему рады были. Дядя Сидор и тётка Клава любили его не меньше своего сына Володьки. А когда узнали, что хочет он встретиться с Филиппом Лысовым, так были против этой встречи, прямо на дыбы встали. Сказали, что он и Филипп Лысов точно двойняшки, будто мать их одна родила. Такая редкая у них схожесть.

— Ну и что? Это я должен бояться самого себя, — отшучивался наш Лигусов. И решил тогда дядя открыть ему глаза на проделки Филиппа Лысова.

— Пойдём к деду Кулику, он давний друг Корнея Лысова, он и теперь водит дружбу с ними. — Пошли они с утра в Куликов дом.

Несмотря на то, что деду пошёл девятый десяток, он был подвижен, говорил мало, но по-умному, немногословен, внимательно слушает. Дед Кулик понравился Филиппу Лигусову.

– Слава Богу, сам Сидор Кондратьевич пожаловал, – заговорил дед Кулик, подавая ему руку, – а это кто с тобой? – спросил он, с интересом оглядывая Филиппа.

– Племяш мой, Филипп Корнеевич, с войны пришел и сразу ко мне, – сказал Сидор Кондратьевич с ноткой гордости в голосе.

– А случайно не Лысов? – спросил дед, подавая Филиппу руку.

– Лигусов его фамилия, он и Володька мой с детства дружат, – ответил Сидор.

– Слышал я о том, что люди двойниками бывают, но чтоб до такой точности, впервые вижу. Мне показалось, что Лысов идёт с тобой, – говорил дед, а сам в это время рассматривал племянника с какой-то ему одному понятной хитринкой и укором в глазах. – Когда ты в последний раз был у дяди?

– Семь лет не был он у меня, говорю же тебе, вчера с войны пришел, – ответил за него дядя Сидор.

– Да не тебя я, Сидор Кондратьевич, спрашиваю, – повысил голос дед Кулик, – мне в одном деле разобраться надо, и случай этот настал, а твой племяш, видать, замешан в этом очень неприятном деле.

– В каком деле, ты можешь объяснить? – настаивал Сидор Кондратьевич.

– До тех семи лет, ты часто бывал у дяди? – обратился старик к Филиппу.

– Тогда бывал часто.

– Коней пас в нашей леваде?

– Пас в леваде коней и с Володькой раков ловили, – ответил, не понимая дедовой хитрости и своей вины, Филипп.

– Девчонку встречал там, такую беленькую, миловидную, она быков пасла? – пояснил дед и сам ответил: – Встречал! Ты в Западной приезжал к ней несколько раз! Было такое?!

– Ну! Было, к чему всё это? – спросил Филипп недоумённо.

– Ну и кто ты после этого? – озлобился вдруг дед Кулик. – Ульстил, подлец этакий! Глупышку обрухатил и в кусты. Знать бы тебе, негодяю, о том, каково родителям переживать позор детей своих. Иные не выдерживают и руки на себя накладывают. Такое случилось с матерью той девочки. Позора она боялась больше, чем смерти.

– Ты объяснишь, в конце концов, к чему ты клонишь?! – вспыхнул вдруг Сидор Кондратьевич, вставая в разговор.

– К тому самому, что племяш твой негодяй и пройдоха. Обольстил, как змей, девочку доверчивую, красивенькую и наутёк. Боем мать её избивала, что потом с ними случилось, не знаю. Моли Бога, что ты племянником моего друга Сидора оказался, а то влепил бы я тебе добрую затрещину, чтоб впредь не позволял себе глумиться над слабым полом, – вызверился дед Кулик.

И тут Сидора Кондратьевича за живое задела его брань. С трудом отстоял он своё право снять с Филиппа Лигусова обвинение. Выпросив слово, рассказал всю

правду о Филиппе до того дня, когда его невиновного осудили на пожизненную каторгу. Не сразу остыл дед Кулик, но всё – таки пришел в себя, и, для полной ясности, рассказал о том, чему был свидетелем.

– Лет семь назад, в дом к нему пришла та женщина с хутора Западного, которая три года тому назад на быках привозила к нему своего большого мужа. Звали её Зоя, фамилия Данилова, с ней была её дочка. Деду запомнилась девочка, такая славенькая, беленькая, румянец во все щёки, голубоглазая. Три дня жили они у него в доме, и три дня девочка пасла в Медведёвской леваде быков.

«Красивая! Только будешь ли счастливой?» подумалось деду Кулику.

Два года прошло с той поры, как лечил он мужа той самой Зои, как вдруг осенним вечером она снова пришла в его дом.

– Дедуношка, миленький, один раз помог ты моему горю, помоги и теперь, позови в свой дом Филиппа Лысова. Я посмотрю в его бесстыжие глаза и спрошу, зачем он так бесчестно поступил с моей дочерью. На пятом месяце беременности она, к бабке идти поздно, а как прознают люди про наш позор, головушки долой, – плача у меня на груди, говорила женщина. Нечем мне было утешить женщину, горе её было безутешным.

Не по себе стало деду Кулику от услышанного, но и не помочь женщине не мог. С отцом Филиппа, Корнеем Лысовым, дед водил дружбу, знал хорошо и Филиппа. С детства был он коноводом, работы никакой не боялся, часто учил братьев уму разуму. Служить Филипп ушел, а оттуда пришёл уже офицером. «Не за красивые же глаза получил он этот чин», – решил про себя дед. В то время, к приходу Зои в его дом, были у Филиппа уже свои дети.

Не верил дед Кулик словам женщины, всё о Филиппе рассказал и стал просить, чтоб отказалась она от идеи встретиться с ним.

– Прости эту ошибку своей глупенькой дочери, внук или внучка родятся, помоги воспитать, а дочь, в благодарность, твою старость скрасит.

Не вняла Зоя словам деда, настояла на своём: «позови, мол, Филиппа, я только в глаза ему посмотрю, задирать его не стану». Собрался дед идти за Филиппом, но прежде предупредил: – На рожон не лезь! Не дразни собаку. Насколько Филипп добрый, настолько и злой бывает, и тебе, и мне достанется.

– Дедуношка, не трону я его, – дала слово женщина. Пошел дед к Филиппу.

– Что надо от меня этой женщине, незнакомой? – спросил Филипп недовольно, допиливая бревно ручной пилой с братом Мефодием. Не хотел идти Филипп, да уступил старости. Вошел, поздоровался с женщиной, шапку снял, присев на скамейку возле двери. Смерила гостя дедова его с ног до головы презрительным взглядом и задала такой вопрос:

– Ты пас коней своих два года тому назад в Медведёвской леваде?

– Чудной вопрос, – крутанул Филипп недовольно головой, – пас я своих коней в леваде или не пас, тебе какое дело?

– В хуторе вашем есть ещё один Филипп, кроме тебя? – задала другой вопрос ему женщина.

– Нету другого, есть другие парни, может, кто и пас коней в леваде.

– То-то и оно, что там ты пас коней, и дочка моя, Саша, там пасла быков. И там ты с нею познакомился, а потом приезжал к нам в хутор Западной и у Дона проводил время с моей дочерью. А теперь она на пятом месяце, «твоим» ходит.

– Надо же, спишь и беды напишешь, – потянул Филипп обиженно и удивлённо.

– Откуда у тебя такие сведения?

– Дочь моя про тебя всё рассказала.

– Дед, ты что-нибудь скажи этой чудачке. Не видел я её дочку, на Западном не был, не до того мне, у меня свои есть, зачем мне чужого сажать себе на шею. Ищи кормильца своему чаду в другом месте и не позволяй своей дочке с кем попало спать. Пошёл я, меня дела ждут.

Дед Кулик целиком с ним был согласен: не умел Филипп врать и не любил тех, кто врал безбожно. Теперь же его уличали в том, чего он не делал.

– Даю слово офицера в том, что не видел я вашу дочку и время с ней я не проводил. С кем-то другим спутала меня ваша дочь, – сказав эти слова, Филипп поднялся, надел шапку и ушел бы по-доброму, с миром.

Но не дала уйти ему Зоя. Живо подскочив, она плюнула ему в лицо, сказав: – Вот тебе, кобелина поблудный! За насмешку твою над дочерью моей!

С детства Филипп презирал тех, кто в бессильной ярости плевался или совал ему кукиш под нос. Тогда давал он волю кулакам и бил только один раз. Теперь же он говорил правду: не видел он её дочку, не был в Западном, а за это получил плевков в лицо. Но и тогда не мог он ударить женщину.

Скосив на деда побелевшие от гнева глаза, он сделал резкое движение к ней, схватив за отворот блузки, рванул на себя:

– Моли Бога о том, что ты дедова гостья, не то осталось бы от тебя мокрое место! – Филипп бросил обрывки её материи в лицо женщине

– Вот до чего довело тебя твоё упрямство! – выговаривал дед Кулик плачущей, несчастной матери. – Не ударил тебя Филипп – это тебя спасло. Офицер он, но руки у него рабочие. Как-то вечером пошел в Кучугуры он за своей отставшей от стада коровой, а там на него бешеный волк набросился. Гольми руками он тогда задушил волка. Прежде чем плюнуть, надо головой помыслить. Я с Филиппом заодно, не виновен он, он тебе правду сказал, а ты снова за своё. Пойдешь домой, дорогой обдумай случившееся, может, свой порок какой вспомнишь, тогда и дочь свою простишь, – говорил ей дед Кулик.

Хотела она уйти в ночь, но дед не отпустил, как мог успокаивая, взял слово с неё, что не будет она бить дочь, а потом в трудную минуту дочь вспомнит её добро и с благодарностью к ней отнесётся.

Филипп Лигусов шёл к Филиппу Лысову за правдой, но получил её от деда Кулика. Но ему хотелось ещё узнать от Лысова, не сторела ли Сашенька вместе с бандитами в её доме.

– Филька с бандой своей прячется в лесах – Больших. Милиционеры охраня-

ют дом его отца, хотят взять Филиппа живым. Здорово он им насолил, – говорил Лигусову дядя Сидор. Просил он его идти хуторами – путь длиннее, но безопаснее.

– Пойдешь Кучугурами – там можешь с Филькой встретиться. В ближних хуторах есть у него свои люди, они его продуктами и оружием снабжают.

Хотелось тётке с дядей уговорить его погостить хоть ещё один денёк, потому и пугали его бандитами. Особенно старалась тётка Клава, упрасивала идти хуторами: – Семь хуторов пройдёшь, людей поглядишь, себя покажешь, – шутила она, снова возвращаясь к разговору о Филиппе, рассказала:

– Недели две назад пошла я к заливу за гусями, а там была Настя – жена брата Филиппа. Она мне по секрету рассказала. В доме она одна была, борщ к обеду варила. Увидела она в окно, как Филипп к воротам подъехал, коня у ворот оставил, а сам в дом вошел.

– Собери еды всякой, а я чуток полежу, – сказал он ей и лёг на кровать.

Вышла Настя в кухню яиц взять, смотрит, а милицейский отряд уже дом окружил. Вернулась она живо в дом, дверь на засов закрыла и Филиппу говорит:

– Милиция наш дом окружила, бежать тебе некуда! Стреляй в окно!

Даёт он ей свой револьвер и говорит: – Изредка нажимай на эту штуку, – и показал, на какую штуку Настя должна нажимать. Держит она револьвер, а у самой и руки, и ноги трясутся – никогда ничего подобного она не делала.

– Делай, как сказал! – прикрикнул ей зло Филипп.

Нажала Настя на курок, выстрел получился. Филипп головой согласно кивнул, продолжай, мол, а сам вышел в сенцы. Настя стоит у окна, услышав громкий стук в дверь, снова жмёт на курок. Стук стихает, не ломаются. Как только они поняли, что патроны кончились, стали прикладами в дверь бить. Настя догадалась револьвер в кипящий борщ опустить, а сама за печкой спряталась. Сразу три милиционера ворвались в дом, нашли её за печкой, спрашивают: – Где Филипп?!

– Тут был, – говорит она им, а у самой руки и губы трясутся, вся стала мокрая.

– Кто стрелял?! – спрашивает один из них.

– Стрелял Филипп, – отвечает она почти шёпотом.

– Ты куда его спрятала? – спрашивают они её, глядя в глаза, запугивая.

– Тут он, только что был, что вы ко мне пристали? – закричала Настя и заплакала.

Один милиционер её сторожит, остальные стали хату обшаривать. В печь заглянули и под печь. Шарят, шарят по всем углам, на полать (чердак) залазили и опять к Насте: – Где Филипп? Говори!

– Был тут, а куда делся, не знаю, – был им ответ Насти.

Только вечером сняли засаду, забрав Филиппова коня, уехали. Входит Филипп в дом и говорит Насте: – Скажи отцу, чтоб дыру на крыше хорошенько заделал. Я камыш раздвинул и вылез на крышу. Камыш снова, как было, уложил, и на крыше лежал. Сейчас дыру я заделал, да не по-хозяйски. Не забудь, скажи, пусть поправит. Давай револьвер, – говорит он Насте, а у неё от страха опять губы затряслись.

– В чугуна с борщом я твой револьвер опустила, – отвечает она ему.

– Додумалась, чёртова баба! – ругнулся Филипп, доставая револьвер из борща. Вытер тряпкой насухо, положил в карман и ушел.

– С той поры засаду с нашего дома не снимают, – пожаловалась Настя тётке Клаве.

– Чему быть, того не миновать, – сказал самому себе Филипп Лигусов и пошел Кучугурами. Где-то в прилегающих лесах со своей бандой скрывается Филипп Лысов. Встречи с ним Лигусов не боялся. До революции жил он в рабочих и теперь к кому-то в работники надо идти. За что воевал – не знает. Запутался. Помогало Филиппа по свету: швыряло, кружило и мяло. Здоровье было – выжил. Не суждено ему было погибнуть на каторге, за всю войну был один раз ранен, легко. С одной мыслью шел с войны: встретиться бы с Сашенькой и выпросить прощение.

Подавленным возвращался Филипп Лигусов в свою станицу Терновскую, в свою землянку, на свою мужскую половину. Не пересохло от ужаса во рту, не хватало дыхание, когда навстречу из осинового колка ему выскакало человек двадцать верхоконных с винтовками за плечами. «Лёгко на помине», – успел подумать Филипп, как бандиты окружили его кольцом. Поднял Филипп глаза, повёл по ряду верхоконных и нашёл самого себя, сидящего на коне.

«Вот он мой двойник», – подумал Лигусов. – Одно лицо, такие же большие серые глаза, такой же нос и разница в том, что на Лысове была добротная офицерская шинель, а на нём серая солдатская, повидавшая виды за годы войны. Ещё успел он заметить улыбку на лице главаря, но и она была похожа на его улыбку. Сомнений в том, что они с Лысовым двойники, не осталось. Вроде бы как от одного они отца дети.

Наверное, то же самое было и в мыслях у улыбающегося Филиппа Лысова.

– Галлюцинация у меня или налицо загадка природы? – спросил Лысов, крутанув несогласно головой. – Может быть, что у нас с тобой и отец один, и имя, отчество одно? – спросил он с усмешкой.

– Филиппом меня зовут, отчество Корнеевич, – ответил Лигусов.

– И тоже Лысов? – повысил голос бандит, считая, что двойник пошутил.

– Нет, не Лысов, а Лигусов, живу в станице Терновской. На Медведев приходил к дяде Сидору. С войны вернулся, решил дядю навестить.

– Кузнецов Сидор Кондратьевич твой дядя? – Мой дядя.

Услышав такой ответ, Филипп Лысов призадумался, а потом спросил:

– Пойдёшь в мой отряд? Два Филиппа в отряде, пойми кто из нас кто?

– Нет, Филипп Корнеевич, не пойду, – ответил Филипп Лигусов твёрдо и решительно. – Войну закончил на польском фронте, навоевался вдоволь! С тобой играть в войну не хочу, защищать мне нечего и некого. Ни земли, ни хаты, ни жены, ни детей у меня нет – гол, как сокол. – Заметив его понурый вид, Лысов тотчас поспешил его успокоить:

– Будет у нас с тобой своя земля, будут свои дома, своё мы у Советов отвоюем и честно поделим между бойцами, – заверил его Лысов.

– Лично у меня Советы ничего не взяли, и мне отвоёвывать у них нечего, помогу сестре детей на ноги поднять, и на этом, видимо, конец моей жизни на этой земле, – ответил ему Лигусов.

Жестко уязвлён был Филипп Лысов его отказом, но виду не подал, а после долгого молчания, невесело улыбнувшись, сказал:

– Со мной не хочешь, а с красными играл, что от красных получил?

Оставив вопрос этот без ответа, Лигусов задал тот, ради которого искал он встречи с Лысовым: – Ты, Филипп Корнеевич, Сашу Данилову знаешь, ездил ли ты к ней в Западной? – спросил он, как только отошли от отряда на приличное расстояние и присели на взгорке.

– Вон оно что! – протянул Лысов насмешливо и посмотрел на своего двойника таким непримиримо злым взглядом, от которого у Лигусова пошли мурашки по спине.

Чертыхнувшись, Лысов достал кисет с табаком и стал скручивать папиросу. С наслаждением затянувшись пахучим дымом, сказал: – Молодец парняга! Сделал своё дело и руки умыл, а мне мать этой Саши в глаза наплевала и обзывала кобелём блудным. Фактически, она права была, но плевков этот тебе должен был быть. Беременной ты её оставил, один на один с её бедой.

Стыдил его Лысов, корил, обзывал негодяем. Говорил он громко, сердито. С любопытством поглядывали бандиты в их сторону. В своём гневе Лысов не позволял своему двойнику сказать хоть несколько слов в своё оправдание.

– Выслушай меня, Филипп Корнеевич, дай хоть слово сказать, – взмолился Лигусов. Его с мольбой голос оказал на Лысова действие и позволил Лигусову возможность выговориться. Чётко и кратко рассказал Филипп о себе, об отце, о том, что пришлось пережить ему в доме Степана Кузнецова. Как попал на Сахалин, без вины на каторгу, как очутился в рядах Красной армии и прошел с ними до конца войны. Рассказал Лысову он о том, что только благодаря солдатской дружбе остался жив.

– Солдатская дружба – это навечно, но о другом я тебя спросить хочу, – перебил его Лысов на полуслове. – Мы с тобой оба хлеборобы, но воевали по разные стороны. Ты воевал за Красных, я за Белых, а пришли к общему знаменателю: ты вернулся в чужую тебе землянку, к разбитому корыту – нет у тебя ни жилья, ни земли... Я вернулся с войны в свой курень, а в нём всё пусто, зерно из закромов выгребли, скотину всю забрали. Было десятка два гусей, и тех забрали. Напрашивается сам собой вопрос: «за что мы с тобой воевали?»

Взялся я снова за оружие лишь потому, что нет у меня другого выхода, пусть бы меня, белогвардейского офицера, наказывали, обобрали до нитки, но родителей моих и братьев на голод обрекли – это зачем? В чём их вина? Жаль, Филипп, что я в политике ничего не смыслю и не могу понять, какую политику ведут Советы, уничтожая крестьян-хлеборобов, – искренне возмущался Лысов.

– Живёт у нас в хуторе Яша Уткин. Здоровый дядя, жена ему семерых нарожала,

все здоровые – дай поесть. А он лодырь, каких свет не видел. Зимой охотничает, а летом в холодке под вербой лежит. И вот что обидно, у братьев моих зерно из закромов выгребли и Яшке отдали – ты, как считаешь, справедливо поступили? Можно было и убежать за границу, но от себя не убежишь. Да и не хочу я таким путём спасать свою шкуру. Я родился на этой земле, это земля моих дедов и прадедов и я должен на этой земле продлить свой род, но мне этого не позволяют делать. Вот я и озлобился!

Мой лозунг «Трудись в поте лица и получай по труду!», а новая власть решила вынести свой лозунг « Кто был ничем, тот станет всем!» Это Яшка Уткин теперь станет всем? Он палец о палец не ударит, чтобы своим трудом своих детей накормить.

«Как не похож этот Филипп Лысов на того, о котором рассказывал дед Кулик и дядя Сидор. Говорили много страшного. Этот Филипп зол не на всех и вся, а обижен несправедливостью», – думал Лигусов, в упор разглядывая своего двойника. Один в поле не воин – есть такая пословица, он же с горсткой таких отчаянных, как он сам, решил повернуть речку вспять, не догадываясь о том, что давно уже обречён. Загнали его в леса – там и прикончат.

Подав руку Лысову на прощанье, Лигусов задал последний вопрос: – Филипп Корнеевич, очень бы мне хотелось знать, не сгорела в своём доме та девушка, Сашенька?

Резво обернулся Лысов, глаза его пылали уже гневом и решимостью: – Нет, не сгорела, но она, стерва поганая, двух парней моих сожгла. Не нашёл я её тогда – висеть бы ей вверх ногами на вербе. Ищи, прячется где-то, – бросил Лысов в сердцах и, махнув на прощанье рукой, пошёл к ожидающим его бандитам.

– К Саше Ирина зашла на обратном пути: – Скажите мне, Александра Даниловна, – вы та девушка, которую ищет Филипп Корнеевич Лигусов? – спросила Ирина хозяйку дома.

Врасплох застал Александру Даниловну её вопрос, привыкла она к мысли, что всё прошлое кануло, что всё пережитое ею было для неё хуже смерти, и вдруг вновь всё её прошлое всплыло и занозой войдёт в сердце её.

– Вам, Ирина, откуда известно обо мне и Филиппе Корнеевиче? – мало-помалу преодолевая своё состояние, спросила Саша. Пришлось рассказать Ирине о себе всё. О том, что была в Западном, о том, что Филипп Лигусов ходил на Медведев, чтобы встретиться с Лысовым и узнать от него самого, не был ли он её любовником.

– Господи! Надо же! – сказала она, но далее таиться не стала, решила рассказать Ирине о себе всё, о том, как познакомилась с Филиппом Лигусовым в Медведевской леваде. Дважды приезжал он потом в Западной и возле Дона под вербами проводил с ней праздничные дни. В последний свой приезд – это был день Святой Троицы, сообщил он ей о том, что на Покров приедет свататься к ней с отцом и сестрой Ульяной. Верила она Филиппу, как самой себе, ждала Покрова дня, как святые ждут Пасху, и не дождалась. Откуда ей было знать о том, что Филипп Лигусов уже на Сахалине отбывает каторгу, на которую безвинным попал.

Однажды, это было в начале октября, её стошнило прямо за столом. Мать заподозрила беду и позвала её в сарай для допроса: – Говори, с кем была? От кого собралась рожать? Где твоя девическая честь и совесть?

– Секла меня мать ремнём и выбила из меня всё: с кем была, когда и где. О сватовстве на Покров. Однако ни на Покров, ни после сваты не приехали. Выяснив, что ЭТО от Филиппа Корнеевича, не выяснив только, от какого, мать после учинённого ещё раз допроса высекла меня и, приставив Лиду ко мне сторожем, куда-то ушла.

Через три дня вернулась мать с почерневшим лицом: – Знала бы ты, шалава, с кем спуталась! – бросила она мне в лицо такой упрёк и, упав вниз лицом на кровать, лежала до поздних сумерек, а потом опять куда-то ушла.

– К бабке Пелагее пошла мать, с чем придёт, не знаю, – сказала Лида. – Велела она тебя искупать, надеть всё чистое и собрать всё нужное с собой, – добавила она и взялась за дело. В ту же ночь мы с матерью не улицей, а задами, с двумя узлами за спиной пошли к бабке Пелагее. Знаменита бабка была тем, что девок и женщин спасала от позора и насмешек людских, брала за это она и плату непомерную.

Внутренности мои тряслись от страха, ноги в коленках потеряли упругость, шла чужими ногами. А мать, подталкивая меня в спину, говорила злым шепотом: – Мало тебе своих парней в хуторе, нет же, шабля, с женатым спуталась. Тот Филипп Лысов с хутора Медведева, посмеялся над тобой, дурой. У него свои дети, а ты поверила в его любовь. Теперь кусай себя за задницу.

Кто знал, что ожидала бабка нашего прихода под плетнём и слышала слова моей матери. Она потом и разнесла молву эту о Фильке – бандите по всему хутору. Эти позорные её сплетни вконец погубили мою мать.

Оторопь взяла меня снова, когда вошли мы вслед за бабкой в её глинобитную избушку. В ней было холоднее, чем на дворе, лишь от ветра затишка. На столе стояла лампа без стекла, а в избе воняло копотью и мышами. Трудно сказать, чем обернулась бы для меня эта ночь, если б не осмелилась я сбежать от этой бабки.

– Щаво жмёсси в угол? – спросила меня бабка Пелагея. – Подол перед мужиками подымать не боялась, а тут, видите ли, рожу кислую сделала. Много таких дур, как ты, спасла я от позора. Покатаисся волчком на соломке, повоешь собакой и делу конец, опять побягишь искать приключения.

Сказав эти слова, бабка подошла к печке. Солома нещадно дымилась, но не загоралась. Копоть от лампы, дым от печки разъедали глаза.

– Сухой соломы нет у тебя, что ли? – спросила её мать, теряя терпение. – Плату прими, потом и дело своё делай, а то и к утру я домой не дойду.

Сказав эти слова, мать развязала большой узел, выкладывая из него содержимое – свиной копчёный окорок, два куска сала, домашняя колбаса, горшок масла сливочного, два круга говяжьего жира.

– За такую плату я рук марать не стану! Девка твоя на пятом месяце, много будет хлопот с ней. Сама видишь, девка твоя гора горой, а я должна на себя взять её грех ни за что! – оправдывалась перед матерью бабка.

Развязала мать второй узел и положила бабке прямо на руки валенки – чёрные, поярчетые. Положила отрез шерсти на платье, тёплую душегрейку на заячьем меху, накрыв сверху платком, переливающимся всеми цветами радуги, – его Филипп подарил мне в последний приезд на праздник Святой Троицы. Изменилась в лице бабка – договор порешили, и мать решила идти домой. Бабка вышла её проводить, а я решала задачу, как вырваться живой из её грязных рук.

Устав угол избы за печью соломой, выдвинула она ящик из-под стола. Достав из него длинную вязальную спицу, пояснила: – Сейчас возьмёмся за дело. Инструмент немудрён, а таких дур, как ты, выручает, – поучительно произнесла она и стала прокалывать остриё спицы на коптилке.

Мигом представила я, как, уложив меня на солому, бабка проколет мне живот этой спицей и заколет прыгающего во мне ребёнка. Сердце ушло у меня в пятки от этой страшной мысли. И вдруг мне пришлось на ум попроситься по нужде, а убежать к Дону.

– С жена тыми мужиками крутить любовь не боялась, а как увидела в моих руках иголку, понос прихватил, – бранилась бабка. – Ночь эта надолго тебе запомнится, дочкам своим, внучкам наказ дашь в любовь не играть, – выговаривала мне бабка, собираясь сопроводить меня на двор.

Неистово злобствовал в ту ночь ветер, бросая мне, бабке в лицо смешанную с песком и мусором пыль. Это было мне только на руку – бросилась я со двора на улицу и побежала сломя голову, куда дорога ведёт. Очнулась у Лиды в хате, к ней принесли меня возвращающиеся с ночных посиделок парни и девчата. Две недели просидела надо мной Лида. Сына, которого в лютей холод я родила на пронизывающем ветру, на голой земле, она похоронила.

Моя мать за время моей болезни ни разу меня не навестила, а потом я узнала от Лиды, что по хутору молва прошла, что родила я от Филиппа Лысова. Не перенесла моя мать такой позор, хватил её удар, и положили её рядом с больным мужем.

Февральским ветренным утром 1924 года пришла ко мне Лида раньше обычного, с озабоченным серым лицом:

– Предупредить тебя спешила, Филипп твой может тебя навестить.

– Как это? – удивилась я. – Столько лет прошло и вдруг!

– Против Советской власти Филипп Лысов пошёл, бандитов набрал из таких, как сам. Ночью по хуторам и станицам шарят и убивают тех, кто у новой власти стоит. Не ровен час, к тебе заедет, потянет его поглядеть на тебя. Забирай своих кур, и пойдём ко мне, какое-то время поживёшь у меня.

Отказалась Саша от предложения Лиды, не поверила в то, что она ей сказала, и напрасно, события развернулись быстрее, чем предполагала. Через несколько дней, когда она уже спала, звонкий стук в окно и грохот в двери разбудил Сашу. Вышла в сенцы, набралась смелости, спросила:

– Кто стучит? Что надо? – Хотела не открывать дверь, но после того, как дверь толкнули с такой силой, что она захрустела, сняла Саша запор.

Бандиты вошли, запах перегара самогона заполнил комнату. Последним зашел Филипп Лысов. Довольствуясь моей растерянностью, сказал:

– Что ж ты, моя разлюбезная, меня спутала с кем-то другим? Я тебя в глаза не видел и у Дона с тобой не валялся, а мать твою мне в глаза наплевала, кобелём блудным обозвала, чертовщиной занялась ты, барышня! Красивая ты, но глупая, поумнее будь. Затапливай печь да свари шей, ребята мои два дня не ели, этим искупишь свой промах. Проверьте, ребята, насчёт съестного у нашей красавицы.

Пока я растапливала печку, вернулись два бандита: – Корнеевич! – обратились они к Лысову, – курей нашли, порезали их, ей их всё равно кормить нечем, а мы горячей лапши поедим. Немного муки и картошки с капустой нашли.

К середине ночи лапша была готова. Оголодавшие бандиты стали присаживаться к столу. Двенадцать человек было за столом. Схлёбывая лапшу, белобрысый прыщавый бандит сказал: – Возьми, Корнеевич, девку стряпухой в наш отряд, из себя она смачная и лапшу варить умеет, а спать мы с нею будем по очереди.

– У тебя, Ефрем, одно на уме: жратва да бабы. Оставь отряд, ты не на своём месте, – бросил зло Филипп таким тоном, что все сидевшие за столом перестали есть. – Безобразиям в нашем отряде должен быть конец! – рявкнул он в бешенстве и стукнул кулаком с такой силой, что стол пошатнулся. На рассвете поднял Филипп свой отряд, заглянув ко мне на печку, сделал выговор, что у него ноги отмёрзли. Последним выходил Ефрем и, тоже заглянув на печь, предупредил:

– В следующий наш приезд приготовь сала мороженого и четверть доброй самогонки. Не приготовишь, шлюха поганая, задущу!

Прошло несколько дней. Не спалось. Стук раздался в дверь.

– Кто стучит? – спросила охрипшим голосом, выходя в сенцы.

– Свои, – ответили с иронией в голосе.

Отряхиваясь в сенцах от снега, последним, как и в прошлый раз, вошел Филипп. Вопросов задавать он не стал, сел на лавку.

– Корнеевич, чё, по сусекам мы... съестное, может, что найдём, – сказал молодой белобрысый бандит.

– Валяйте, – сказал он бандитам, и те живо пошли за добычей.

– Картошка у нашей хозяйки есть, капуста солёная и ещё вот что, – радостно поставили бандиты бутылку с самогоном на стол и два куска мороженого сала. При виде бутылки с самогоном лица у присутствующих оживились. Жадные, голодные взгляды бандитов устремились на стол с провизией.

– Мне бы тогда сразу надо было сказать Филиппу, что самогон настоян не для питья, а для лекарства, на дурмане. Я готовила его для белоглазого Ефрема. Хотелось мне его угостить, дурака из него сделать, а вышло так, что в дураках осталась я.

Уселись они все вокруг стола, взяли вилки в руки, но никто не посмел первым протянуть руку к сковороде с жареной картошкой – такое право было дано только Филиппу. Филипп взял бутылку, налил полстакана вонючей, желтой жидкости и вложил стакан мне в руку:

– Изделие твоё, ты и должна первой его опробовать! – Он был отцом своим солдатам, не позволял им выпить неизвестно что. – Не пила, выпьешь, не пробовала – попробуешь! – нравоучительно ответил Филипп на то, что я не пила даже вина в своей жизни. – Пей! Не играй на нервах голодных людей!

Можно было сказать, что в бутылки опасное зелье, но язык не повернулся сообщить им такое. «Доигралась?» – спросила мысленно я себя.

– Ждём! – прикрикнул в сердцах Филипп.

В страхе зажмурила глаза и тремя большими глотками выпила самогон.

– Добре, это по – нашему, – хвалили бандиты, потянувшись к своим стаканам.

– Отставить! – поднял на них Филипп налитые злом глаза. – Вторую выпьет, и Бог простит, пусть залезает на печку и спит до весны, – Филипп налил в стакан самогон и опять вложил мне его в руку.

Что было бы со мной, выпей я и эту дозу самогона. «Спас» меня вошедший на нетвёрдых ногах Ефрем. Филипп подошел к нему, а за ним и его окружение. Воспользовавшись замешательством, я выскочила в сенцы, заложила в рот два пальца и вылила содержимое желудка в угол...

Хотела рассказать я Филиппу о том, что Ефрем пытался изнасиловать меня, лицо в кровь разбил, но не осилил. И тут Ефрем чем-то тяжелым ударил меня по голове. Очнувшись от холода. Заметила пустую бутылку возле стола и поняла, бандиты отдали дурмана. Они были, как в бреду – что-то кричали, матерно ругались, храпели, как кони. Филипп спал сидя за столом.

«Сжечь свой дом вместе со спящими бандитами», – пришло мне в голову, и я решила действовать. Керосином полила в комнате пол и, бросив зажжённую спичку, вышла в сени.

Дурман всё же подействовал на меня, как во сне я видела горящий свой дом, слышала звон разбитых стёкол и треск выламываемых рам и ставень. Хочу бежать от этого места, но ноги не идут и снегу в пояс. И тут случилось чудо – живая, здоровая сестра Лида бросилась ко мне в объятия. Взяв под руку, потащила Лида меня в сторону станицы Филипповской. Под утро мы постучали в дверь тёткиного дома...

Ирина не удержалась от вопроса к Саше: – Лида теперь где?

– Дядя Илья, муж тётки, работал в рыбацкой артели бригадиром. Лиду забрал он в артель. Она работает поваром в этой артели, сама при деле и меня рыбой и продуктами снабжает.

– Вы, Александра Даниловна, как тут, в Цымле оказались? – полюбопытствовала Ирина.

– Также благодаря тётке. Её свекровь жила в этом домике, она болела водянкой, к ним ехать не хотела, и я вызвалась доглядеть её.

«Живым – пропасти не будет», – сказала когда-то Лида, и это оказалось истиной...

По словесло вие. Таков он, очень сокращенный вариант многолетнего труда Веры Евдокимовны Лысовой. Сокращать его мне пришлось до той самой степени, когда

могла возникнуть угроза того, о чём мы иногда говорим «Не пойми – не разбери!» С другой стороны – эта непонятность должна сыграть роль рекламы, и если книга «Два Филиппа» будет издана и увидит своего читателя (очень надеюсь), то это будет стимулом к тому, что у многих возникнет желание иметь её в своей собственности.

Ещё лет десять тому назад у Веры Евдокимовны была попытка издать своё историческое произведение о нашем Цимлянском крае, но цена на полиграфические услуги оказалась для неё неподъёмной. За помощью обратилась в Администрацию Цимлянского района, но и там поддержки не получила. Искать спонсоров Вера Евдокимовна не стала, но надежда на то, что ещё при жизни своей она сможет увидеть плоды своего долгого творческого труда – её не покидает!

В качестве эпилога на эту тему. Думаю, что читателю будет интересно, если к материалу Веры Евдокимовны придётся, не меняя темы, добавить ещё сведения о Филиппе Лысове, которые мне предоставил мой двоюродный брат – Николай Васильевич Полунин 1948 года рождения. Если бы Филипп Лысов был жив, то Николай Полунин ему доводился бы внучатым племянником. Сведения, о которых далее пойдёт речь, ему поступили, когда был ещё жив его отец – Полунин Василий Стефанович (1907-1977). Филипп Лысов и Василий Полунин были двоюродными братьями. Стефан Петрович Полунин был родным братом матери Филиппа Лысова и, вдобавок, кумом Филиппа Лысова. Однако, встав на путь борьбы с Советской властью, Филипп не стал соблюдать возрастную субординацию, для него уже не было никакой разницы, кто был перед ним – родной дядя или двоюродный брат.

Стефана Петровича, который в 1923 году в хуторе Медведеве занимал должность председателя хуторского Совета, а до того в 1914, 1915, 1916 годах был хуторским атаманом, Филипп Лысов пощадил, но наложил на него своеобразную контрибуцию:

– Зарежешь для питания моего отряда 5 баранов, а в следующий мой приезд я заберу Василия в свой отряд.

Василию Полунину в то время шел уже 17 год. В свое время он окончил 2 класса учебы, в хуторе считался шибко грамотным, а потому в хуторе исполнял должность посыльного уполномоченного.

Отряд Филиппа Лысова усакавал в сторону станицы Карповской, где, соединившись с отрядами Куликова и Киселева, в балке Дубовой (за хутором Черкасским) разгромили пеший отряд китайских наёмников, который из станицы Морозовской двигался в сторону станицы Цымлянской для участия в карательных операциях. За все свои злодеяния против донского населения китайские «интернационалисты» были полностью истреблены, брать их в плен никто не собирался.

Отдавать сына Василия в отряд своего племянника Стефан Петрович не собирался, а потому и решили они спастись, укрывшись в многочисленных зарослях камыша. Полтора месяца, вплоть до приближающихся морозов, пришлось им скрываться от своего непредсказуемого родственника. В хутор Медведев вернулись они тогда, когда отряды ЧОНовцев повели серьёзную охоту на Филиппово войско.

В это же время в отряде Филиппа находилась черноглазая, черноволосая красавица. Точных сведений у Василия Полунина о ней не осталось, что она делала в отряде – было непонятно, но есть версия, что это была Анна Александровна Калмыкова из хутора Сизова. Уже позже в своём хуторе она лечила раненого Филиппа Лысова, и за это, по приказу командира отряда ЧОН, была расстреляна. Более подробно об этом можно прочесть в моей книге «Цимла. Время выбрало нас», стр. 64, 65.

Тело Анны Калмыковой, к этому времени уже застывшее, родственники нашли и привезли в дом бывшей Сизовской почтовой станции. Похоронили её на хуторском кладбище. Ещё лет 20 тому назад на месте этого кладбища находился летний баз (загон) для овец, здесь находилась отара старшего чабана бывшего колхоза имени Орджоникидзе Кувякова Георгия Фёдоровича.

Постскриптум. Цыганка гадала...

Только совсем малая часть россиян, оболваненная идеями коммунистических стратегов, и поныне утверждает, что человек «пришел» (родился) из ниоткуда, и уйдёт в «никуда». Даже не столь продвинутые «человеки» уже догадываются и понимают, что каждому из нас при рождении в наше тело нашим Творцом вставляется флешка (душа), на которой расписаны наши действия и поступки от самого рождения и до конца дней наших.

Только мизерное количество землян имеет возможность считывать информацию, которая имеется на этой флешке. Доступ к этому имеют ясновидящие, экстрасенсы и... цыгане. Почему им дано такое право – ответа у меня на это нет, но то, что им удаётся заглядывать в прошедшее, будущее и настоящее человека, – общепризнано и отрицанию не подлежит.

Вот одна такая цыганка-сербиянка и разложила Василию Стефановичу Полунину этапы его жизни по всем «полочкам». Встреча у них произошла в Хабаровском крае в начале 30-х годов, куда его и отца (Полунина Стефана Петровича) советская власть упекла, не имея для этого никаких оснований. Самой страшной виной Стефана Полунина было то, что в 1914, 1915, 1916 годах он был атаманом хутора Медведев Цимлянского района.

Данных о том, как свела судьба Василия Полунина с цыганкой-сербиянкой почти на другом краю света нет, но факт этой встречи был, и о нём мой дядя, не таясь, много раз рассказывал:

– Сначала она мне рассказала то, что со мной в жизни моей было до встречи с ней, а потом стала предвещать мою настоящую и будущую жизнь. Рассказала (нагадала) она мне, что в войну я не погибну, чудом избежав расстрела, когда остатки 2-й Ударной Армии Андрея Власова вырвались из окружения. Говорила она мне и о том, что вместо расстрела меня направят на восстановление разрушенных и затопленных шахт Ростовской области:

– Будешь работать ты под землёй!

К моменту её предсказаний я уже был женат на Анне Никитичне Константиновой, и у нас уже была дочь Александра 1931 года рождения. Предсказала она поимённо

мне и ещё 6-х наших детей, причём очерёдность между детьми и их имена ею были соблюдены. Мало того, она предсказала и очерёдность ухода их в МИР ИНОЙ. «Отмерила» она Василию Стефановичу 70 лет жизни, а Анне Никитичне и итога меньше – 59 лет.

От автора. В марте 1977 года мы, родственники, отмечали 70-летний юбилей Василия Стефановича. Его слова все сочли шуткой, о том, что «календарь» его израсходован и ему ПОРА... 13-го мая 1977 года Василия Стефановича Полунина НЕ СТАЛО.

Троих детей – Екатерины (Дуваровой) 1940 года рождения, Ивана 1936 года рождения и Елены (Тарелкиной) 1938 года рождения уже НЕТ, и эта очерёдность, по цыганскому предсказанию, была соблюдена. Завершить род семьи Полуниных, по предсказанию цыганки, должна дочь Антонина 1942 года рождения. Пережил Василий Стефанович только свою дочь Екатерину (1940-1968) и жену (1910-1969). Цыганка гадала, а мы ломаем голову над её предсказанием, факт! Однако вернёмся к двоюродному брату Василия Полунина – Филиппу Лысову.

Время постепенно стирает память о том, что было в те далёкие уже годы. Ещё до недавнего времени информация о родственных отношениях с Филиппом Лысовым не афишировалась – это было опасно для родственников, информация эта им ничего хорошего не сулила. О том, как было опасно признавать себя родственником Филиппа, – следующий рассказ:

– Ещё до переселения, в конце 40-х годов, проводился набор в Армию призывников Новоцимлянского сельского Совета. На последнюю комиссию-собеседование призывников сопровождал уполномоченный от сельского Совета. Далее фамилии героев этого рассказа по вполне понятным причинам называть не буду.

Военком Афонин в присутствии уполномоченного проводил собеседование с каждым призывником отдельно. Посоветовал уполномоченный Афонину особо обратить внимание и принять решение по близкому родственнику Филиппа Лысова. Хоть и четверть века прошли с ухода Филиппа из жизни, но у «органов» советской власти «память» о нём была ещё свежа. Переговорив с племянником Филиппа, Афонин, как бы невзначай, задал ему последний вопрос:

– А кем тебе доводился Филипп Лысов?

– Как, кем? Это же мой родной дядя! – без всякого огорчения и сожаления, почти радостно ответил призывник.

– Выйди в коридор и там подожди моего вызова, – сказал ему Афонин.

– Ну, и кого ты собираешься призвать в ряды Советской Армии? Видишь, с какой радостью он тебе ответил, – голос уполномоченного развеял ещё бывшие у военкома сомнения.

Вызвав призывника в свой кабинет, Афонин вручил ему военный билет со словесным добавлением:

– Советская Армия обойдётся и без такого защитника Отечества, как ты!

Время было тогда такое. Сохранись в целостности Советский Союз, и этот материал,

в том числе и пока не изданная книга Веры Лысовой «Два Филиппа», вряд бы когда-нибудь появились, даже в черновике.

От автора. Можно было бы и поставить точку в этом материале, но не могу. Уверенно считаю – версия того, что всё случившееся было неизбежно, и другого варианта событий и в начале 20-го века, да и позже, вплоть до времён нынешних и будущих, для жителей планеты Земля нет и не будет. Дело в том, что всё, что творилось, творится и ещё будет твориться на нашей планете Земля, нам, проживающим, никогда не было и не будет подвластно. Мы, земляне, только начинаем догадываться, что планета Земля не наша Родина, что все мы только косвенно имеем возможность участвовать в этом внеземном Эксперименте. Прав у нас нет практически никаких, каждая нация, религия – они подвластны только своему космическому Разуму, который бывает и Добрым, и агрессивно злобным. Англосаксы находятся во власти последнего – злобного Разума, этим и объясняется их жестокость и человеконенавистничество.

Информация к размышлению. Практически отсутствуют сведения о том, как воевал Филипп Лысов на фронтах 1-й Мировой войны. Однако есть данные о том, что за участие в боевых действиях 1915 – 1917 годов Филипп Лысов был награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 49724. Просто так «География» никто, тем более по благу, не достаивался!

Филипп Лысов. Последние и аргументы, и факты

К тому, что иными авторами было написано в своих воспоминаниях, можно и отнестись с сомнением в правдоподобности их по причине, в том числе, и временного фактора. Представленный мною материал этот фактор исключает, ибо эти сведения поступили от прямого участника тех событий. На закате своей жизни Иван Трефилевич Аденинсков своему сыну Владимиру рассказывал о том, что случилось с ним и отрядом Филиппа Лысова во времена почти 100-летней давности. Не было ему никакой необходимости искажать мемуарные факты своей молодости, тем более своему родному сыну, который решил только сейчас их обнародовать.

Рассказывает атаман и житель хутора Нижний Гнуты Владимир Иванович Аденинсков:

– В 16 – летнем возрасте отец мой попал в отряд Филиппа Лысова. Следует отметить, что донское казачество ничего хорошего от советской власти для себя уже не ожидало, считая эту власть пришлой, жидовской, и продажной. Казаки уже знали и были знакомы с высказываниями главных идеологов казачьего геноцида, в секретных циркулярах которых следовало, что казаки (казачата мужского пола), достигшие роста чуть выше колеса конной брички, подлежали поголовному уничтожению. Этим, видимо, и объясняется, что в «войске» Филиппа Лысова было так

много молодёжи. В отряд шли и те, кому было что терять от поборов и реквизиций продотрядов. В семье Трефила Аденинскова труд всегда был в почёте, потому и соответствующий достаток в ней присутствовал.

В свой отряд Лысов набирал наиболее шустрых, понравившихся ему парней, а также кровно обиженных советской властью казаков старшего возраста. Были и принудительно мобилизованные, но их было гораздо меньше, чем идейно обиженных.

Не всю причину рассказывал мне отец, почему оказался он в отряде Филиппа Лысова, да я и не настаивал – время тогда было такое, что все эти познания могли для нас выйти боком. Только относительно в постсоветское время об этом говорить стали безбоязненно. Множество вариантов гибели Филиппа Лысова сейчас появляется, порой с большими вымыслами и искажениями. Мне отец рассказывал (и я этому верю), что Филипп застрелили по его же приказу. Получив зимой ранение в ногу и не имея квалифицированной медицинской помощи, он явно видел признаки наступающей гангрены с её последствиями. Своей смертью решил он бойцов своего отряда избавить от неминуемой и бессмысленной гибели.

Сводный отряд ЧОНовцев (появлялись подозрения, что сведения они получали от Куликова) плотно преследовал их, не давая передышки. Меткий выстрел командира отряда Острикова (ранил Лысова в пятку), решил вопрос о дальнейшем их сопротивлении.

Анриан Кривов из хутора Лозного (Кучугуры) выполнил последнюю волю Филиппа, а выстрел из винтовки произвёл через оконное стекло, когда командир находился в небольшом домике-кошаре. В отряде об этом, по всей видимости, знали, и претензий к нему никто не выказывал. Отец в отряде находился вместе со своим родным дядей Афанасием Евтевичем Аденинсковым, который тоже был родом из хутора Рязанкин.

Ранение Филипп получил под хутором Ильиным, когда отряд уходил от наступающего их отряда ЧОНовцев. В том бою под отцом был убит конь, но ему удалось пересечь на лошадь к своему товарищу и уйти от погони. Отстреливаясь, Иван Аденинсков убил коня под Остриковым. Остатки отряда Лысова переправились по льду на левый берег Дона около хутора Червлёного. Там, на берегу, в дубовой роще отряд спешился и стал поджидать преследующих. Как только ступили они на лёд, открыли огонь из пулемёта. Много осталось лежать ЧОНовцев на льду реки, но это была уже последняя, «лебединая песня» отряда Лысова.

Пулемёт помог оторваться от преследования, и остатки отряда двинулись в сторону калмыцких степей. Остановились в малолюдном месте, и там, в небольшой чабанской кошаре, видя, как мучается раненый командир, Анриан Кривов выполнил свою нелицеприятную миссию...

Смерть командира предопределила судьбу отряда. Ввиду безвыходности положения принято было решение возвращаться по своим домам и сдаваться властям. Хутор Рязанкин был первым населённым пунктом, куда прибыли они после долгого своего пути. Быстро нашли и дом, в котором в то время находилась хуторская власть.

Заглянув в окно, повстанцы увидели членов хуторской партийной ячейки, игра-

ющих в карты. Постучали. Испуг партийцев был таков, что один из них полез под загнетку (низ деревянной печи, в которой пекли хлеб), другой от испуга сел задом в квашню с тестом, а другие словно окаменели.

— Мы вошли в дом и ещё долго, оторопевшим им от испуга, объясняли, что пришли сдаваться. Оружие своё сложили в доме, а сами отправились по своим домам и населённым пунктам. Никто в этот момент нам не препятствовал, только подсказали, чтобы мы на следующий день сами сюда явились вновь.

На следующий день встречали нас уже остатки ЧОНовского отряда. Командир Остриков, под которым я убил коня, меня угадал. Когда арестованных нас повели из хутора, то приказал он мне встать на вершине кургана (сейчас это юго-восточная часть хутора Нижний Гнутов).

— За коня я сейчас тебя расстреляю!

Намерения его остановили бойцы отряда, объяснив, что за самосуд он может понести ответственность. Жизнь моя, буквально вся, промелькнула у меня в тот момент. Под конвоем отправили нас в тюрьму станицы Нижне-Чирской. Оттуда попал я в казематы Петропавловской крепости, а затем на Соловки.

В Соловецком монастыре пришлось работать мне с попавшими туда не по своей воле монахами. Довелось видеть мощи основателей монастыря Зосима и Савватия, а также могилу Кудеяра. Монастырь в то время был ещё не полностью разграблен воинствующими атеистами-безбожниками.

По преданию, Кудеяр был разбойником, но, осознав пагубность своих деяний, ушел служить Богу в монастырь. Большое количество награбленного золота и драгоценностей отдал он на нужды церковные, став монахом.

Половину своего срока отец пробыл в тюрьме на Соловках, а выпустили его домой в 1929 году. Женится он дома сразу, хотя с таким «послужным списком» и клеймом врага народа сделать ему это было сложно. Он был старообрядцем, и для того, чтобы жениться, пришлось принять ему православие.

Родились дети: Александр, затем Владимир (умер в младенчестве). Потом родились сёстры: Мария, Ольга, Валентина. Между Ольгой и Валентиной родился и я, а Владимиром меня назвали в честь умершего брата.

Тёмной ночью 1937 года к дому отца подъехал «чёрный воронок» и забрал его без суда и следствия. Мать в хуторе Рязанкине из дома выгнали, и пошло-поехало... «Дали» отцу 58-ю статью (измена Родине), в то время это для казаков была единственная статья. Забрали и мою мать с Ольгой, которой в то время было 2 недели отроду.

Из многочисленной нашей родни только один брат отца поддерживал нашу семью и морально, и материально. Родственников мы не осуждали, в то время было очень опасно признавать родство с человеком такой репутации. Семья «врага народа» — такое определение приклеилось к нам вплоть до времён ещё недавних.

Даже по прошествии длительного времени своего отца я не осуждаю, и даже им горжусь. Время было тогда такое, что всё казачество было поставлено на грань полного физического уничтожения.

*Иван Трефильевич Аденинсков
(1904-1994)
Думы уже о вечном.*

*1914 г. Филипп Лысов
(1888-1924)
и Федор Семёнович Бакланов
(справа) - правнук донской
знаменитости - Якова
Петровича БАКЛАНОВА*

*На грани веков...
Трефил Евтеевич Аденинсков
(в центре)*

*Иван Трефильевич Аденинсков
(Чемпель).
Жизнь прошла,
остались лишь одни
воспоминания*

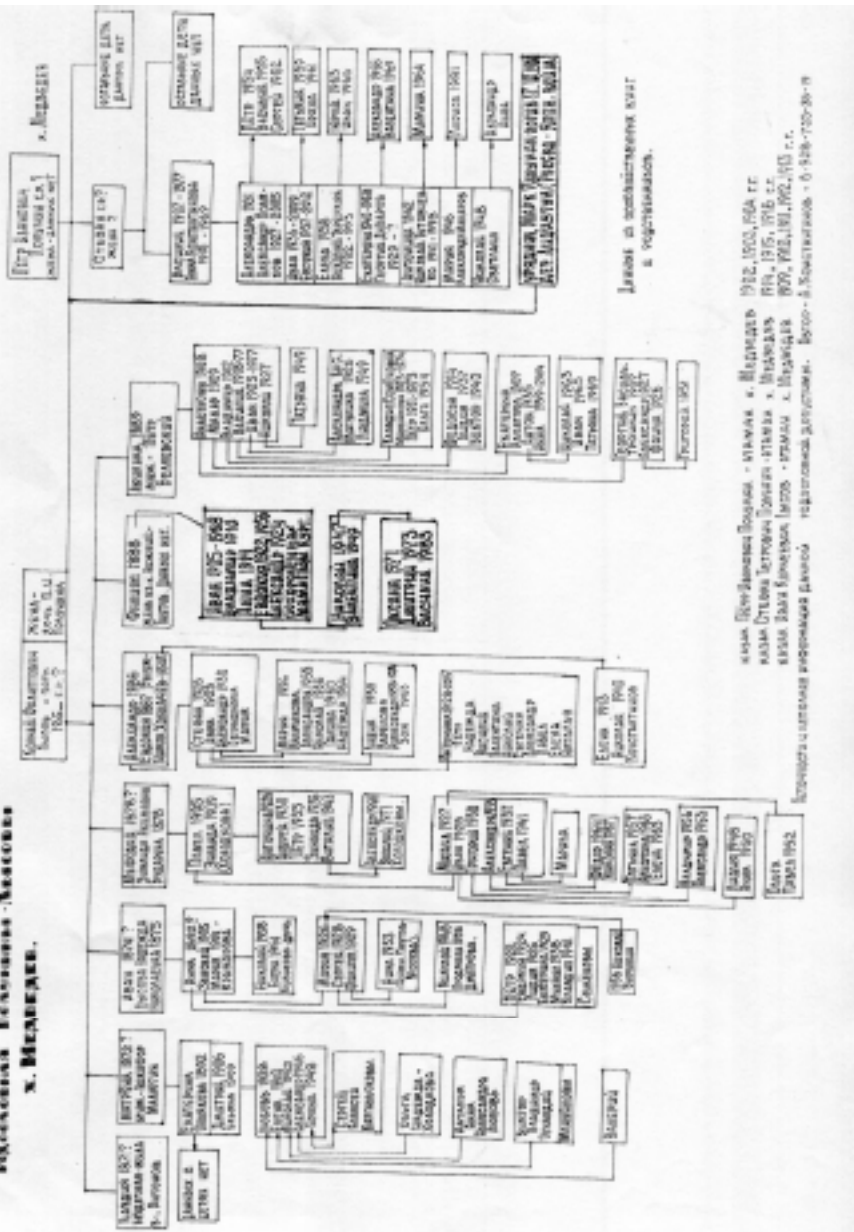

*7 апреля 2018 г.
Атаман хутора Нижний Гнутов - Владимир Иванович Аденинсков
стоит на кургане, на котором в начале 1924 г. командир отряда ЧОН
Остриков хотел расстрелять его отца Ивана Трефильевича*

*Казачьему роду - нет переводу.
Владимир Рыбников (г. Цимлянск) и атаман хутора Нижний Гнутов
Волгоградской области Аденинсков Владимир Иванович.*

**Банды Филиппа Лысова - Анисова
Х. МЕДВЕДЕВ.**

Гражданская война в бывшей Российской империи уже закончилась, как вдруг коммунистические идеологи братоубийственной войны во главе с Львом Троцким в ужасе осознали, что главный их враг – казачество под корень полностью не уничтожен. В недрах ОГПУ созрело решение, что обстановку на территории бывшего Войска Донского надо раскалить до такого предела, чтобы потом произвести окончательную акцию по кровавой зачистке всей казачьей территории. Если бы в тот момент не нашелся Филипп Лысов, то его пришлось бы или выдумать, или искать в другом месте.

От автора. Алексей Константинов.

Время неумолимо отсчитывает отпущенные нам годы. Это пока всё, что удалось мне отыскать и собрать о Филиппе Лысове, о его борьбе с советской властью. Не нам судить о его порой зверских поступках и кровожадности. Оправданием в какой-то мере ему могут служить обстоятельства его 7-летнего участия в войне (1914-1921гг.), где пролились реки крови народа российского, а затем вопиющая, преступная несправедливость по отношению к казачьему населению Войска Донского.

Вкусив единожды кровь невинно убиенных, Филипп Лысов сознательно остановиться уже не мог. Из рассказа Ивана Аденинскова следует, что осознание неоправданного у него, видимо, произошло только в последние дни своей жизни. Вот тогда и поручил он Андриану Кривову «поставить точку» в его жизненном пути. Ещё не приняв решение об уходе из жизни своей, он войну эту с властью мог вести до несуществимой победы или до последнего бойца своего отряда.

Возможно, что мы и доживём до того времени, когда архив УФСБ Волгоградской области обнаружит документальные сведения о том, что же тогда произошло в краях наших. Акцент на архив УФСБ Волгоградской области делаю потому, что станица Нижне-Чирская, куда под конвоем отправили всех арестованных, и тогда, и сейчас входит в состав этого административного деления.

Тема эта не закрыта, и отказываться даже от любых сведений по ней я не намерен. Подтверждением этому становятся официально не подтверждённые сведения о начальных действиях объединённого отряда Филиппа Лысова:

«Борьба с политическим бандитизмом

Ввиду появления в Чертковском районе банды численностью в 50 человек, окружной милицией 4 июня 1923 года был выслан отряд хорошо вооруженных милиционеров в 20 человек с одним пулемётом. Банда при его приближении ушла на правый берег реки Дона, отряд возвратился без потерь.

17 июня 1923 года совместно с УполДОГПУ по Морозовскому округу милицией поймано 14 человек политических бандитов вместе с есаулами Наумовым и Сутуловым. С 24 по 27 июня поймано ещё 14 человек, в том числе 2 есаула: Ардановский и Самохвалов. Со стороны милиции потерь не было, за исключением порчи 5 лошадей, кои возвратились изнурёнными...».

(ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г. Шахты РО»
Ф.Р – 53, опись 1, дело 2, стр. 132.)

За эту «операцию» милиционеры были достойно награждены. Им выдали табак (папиросы) и по одному комплекту нательного белья.

Архивные данные официально не называют того, кто командовал отрядом так называемых политических бандитов. По неподтверждённым данным, это было начало противодействия Советской власти со стороны Филиппа Лысова из хутора Медведева. Возможно, что это было противостояние именно его отряда, но... Дело всё в том, что численность отрядов Филиппа Лысова после нескольких наборов никогда не превышала 20 – 25 человек. Вероятно, что это был уже объединённый отряд Лысова, Куликова, Киселева. Это только предположения, которые не могут использоваться как официально достоверные.

Примечание. Станица Чертковская Морозовского района в это время в течение нескольких лет имела статус районного центра под номером. В нашей области имелось 7 таких номерных районов, но затем они были все упразднены.

Всё, что было не со мной, помню...

Анализируя действия и поступки Филиппа Лысова, а также отвечая на вопрос, почему к нему в отряд шло наше старшее поколение, приходишь к выводу, что население Области Войска Донского приняло Советскую власть только после того, как эта власть поставила это население на грань полного уничтожения. Память о том, что творили большевики в нашем краю Донском, была настолько свежа, что и стали появляться отряды Лысова, Куликова, Киселева, которые не признали кровавую власть большевиков и повели с ней смертельную борьбу. Примеров того, что случилось тогда, в начале 20-х годов, много, но я остановлюсь на тех, которые относятся к территории нашего проживания.

Кому служишь?

Исследуя тему Гражданской войны, для сторонников «безгрешной» советской власти приведу довод-пример того, как нельзя очернять одних и обелять других вовлечённых в братоубийственную войну. Вина их всех была только в том, что они, в основном все, нарушили библейскую заповедь «не убий».

Ранняя весна 1920 года. Ещё полыхает Гражданская война, а три казака – жители станицы Новоцимлянской Иванов Василий Петрович, Иван Железников и самый молодой из них Зиновьев Михайл Емельянович 1882 года рождения, отправились верхом на конях узнать о судьбе крупного рогатого скота, который был ещё по осени угнан в Кучугуры на зимний попас. Риск был велик, ибо скот практически никто не пас, не охранял и неизвестно кто мог им поживиться: или волки, или лихие люди. Недалеко от хутора Пронин трём станичникам повстречался вооружённый верховой разъезд красноармейцев, которые приказали им остановиться. Не заподозрив ничего плохого в намерениях красных, остановились, поджидая их приближения, да и безоружным убежать было и бессмысленно, и поздно. Видимо, самый старший (не по годам) из красноармейцев, голосом, ничего хорошего не сулящим, спросил у Василия Иванова:

– Кому служишь?

– Вольному Дону и Отечеству, – только и успел ответить Иванов, как сверкнула сабля и голова станичника покатила по жухлой, ещё не отросшей траве.

– Кому служишь? – этот вопрос уже был к Ивану Железникову.

– Кому присягу давал – тому и служу. – Вновь сверкнула сабля и голова Железникова покатила по траве.

– Кому служишь? – этот вопрос был уже к Михею Зиновьеву.

– А чья власть будет, той власти и буду служить, – последовал ответ перепуганного, в живых ещё оставшегося казака.

Этот ответ, видимо, удовлетворил кровожадных воинов и они, не причинив ему зла, отпустили домой.

Приехав в станицу, Михей сообщил женам убитых – Ивановой Александре Николаевне 1879 г.р. и Железниковой Василине Трофимовне, 1875 г.р. о смерти их мужей, а затем вместе с ними отправился забирать тела убиенных.

Своему сыну, Мевша Александру Ефимовичу, о трагической гибели его деда рассказала Марфа Васильевна Иванова (Черткова), дочь убитого, как говорится «не за понюх табака».

Чудом спасшийся от верной гибели Михей Емельянович Зиновьев прожил долгую жизнь, совсем немного не «дотянув» до ста лет. Это один из эпизодов (сколько же их было в то время на территории громадной страны), которые, по замыслам кровавых коммунаров, Лейбы Троцкого и Якова Свердлова, должны были пролить реки крови россиян и особенно казачества.

От автора. Этот мой материал был опубликован в газете «Придонье» в 2009 году, а через неделю из хутора Паршикова пришло мне письмо от Ивановой (Железниковой) Нины Макаровны. В своём письме она благодарила меня за то, что уже на исходе своей жизни узнала семейную тайну смерти своего деда. Конечно, её мать Василина Трофимовна явно знала тайну смерти своего мужа, но детям об этом не говорили по причине того, что раскрытие для её семьи могло иметь самые непредсказуемые последствия.

В данный момент эти последствия уже не представляют угрозу для членов этой семьи, потому и появляются новые подробности, имевшие когда-то семейный «гриф» секретности. Каюсь, но ранее я даже не делал попытки исследовать судьбу и дальнейшие годы жизни Василины Трофимовны, и напрасно. Придётся мне этот пробел устранять, тем более, что помощь стала мне поступать от её близких родственников.

Это невероятно, но уже к 1920 году Василина Железникова родила своему мужу 9 сыновей и 2 дочерей. Сын Виктор 1905 г.р., Александр 1911, Иван 1912, Афанасий 1918, Михаил, Николай, Алексей, Николай, Михаил, Анна (Карпова) 1911 и Мария.

Вот этих одиннадцать детей весной 1920 года осиротил кровожадный зверь – красноармейский командир, взмахом сабли лишивший жизни безоружного Ивана Железникова.

Внимательный читатель уже увидел дважды повторяющиеся имена сыновей –

Михаила и Николая. Ещё до времён недавних в России такое практиковалось, когда имя в малолетстве умершего ребёнка последующий получал вновь.

Во время Гражданской войны старший сын Михаил служил командиром в Красной Армии. О том, как в станицу Новоцимлянскую пришла весть о его гибели, данных нет. Василина Железникова в это время была беременна, а родив сына, вновь назвала его Михаилом. В младенчестве умершего сына Николая «заменял» уже другой по очереди родившийся Николай.

После трагической гибели главы многодетной семьи советская власть «оказала помощь» этой семье, конфисковав единственную кормилицу-корову. Определили корову в станичное стадо, которое пас и охранял живший в станице калмык.

Первый сын Михаил, однако, остался жив и после ранения вернулся домой. Калмыку, который пытался корову не отдавать, он набил морду, угнав корову из стада. Видимо, заслуги его перед советской властью были таковы, что мер воздействия к нему никаких применено не было.

Недолгой была жизнь у сына Виктора Железникова. Он был женат, и у них с женой уже росла дочь Нина. После смерти Виктора отчим переписал на себя её отчество, и стала она Нина Макаровна. Это она в 2009 году прислала мне письмо со своими благодарностями.

В конце 50-х годов Нина Макаровна вышла замуж за Александра Иванова. В хуторе Паршикове у них родились два сына – Михаил Александрович и Виктор Александрович Ивановы. В настоящее время участник афганских событий Михаил Иванов является председателем СПК «Степной», а младший брат Виктор Иванов возглавил там же своё фермерское хозяйство.

Как выжила со своей многолетней семьёй Василина Железникова – только Господу Богу известно, но, пережив своего мужа на 51 год, в 1971 году 96-летняя Василина Трофимовна отправилась «искать» его в мире Ином. Жизненный путь её окончился в доме дочери Анны. Василий Карпов (зять) в МТСе был молотобойцем у кузнеца Якова Никитича Константинова (мой родной дядя).

Детей у Василия и Анны не было, но увлечение зятя спиртным даёт ответ на закономерный вопрос, почему и в последние свои годы жизнь её мёдом не казалась.

Возможно, что не всё исследованное мной точно и не имеет своих недостатков. Часть сведений у меня появились из похозяйственных книг, а часть – со слов её правнучек Марины и Любви Железниковых.

Далее сведения пойдут о семье Михея Зиновьева.

Смерть к Михею буквально прикоснулась в 1920 году, но забирать с собой его не стала. Прожил он 96 лет и в 1978 году покинул мир Земной.

Его жена – Федосья Даниловна, по некоторым данным, была правнучкой нашей донской знаменитости Якова Петровича Бакланова.

Родив своему мужу 18 детей (так она говорила своей младшей дочери Клавдии), Федосья Даниловна прожила не совсем долгую жизнь – 83 года. В 1974 году умерла, на четыре года опередив смерть своего мужа. Возможно, что на неё повлияла годом

*Вторая половина 40-х годов.
Семья Зиновьевых: Иван, Ульяна.
Сидят: Михей Емельянович,
дочь Клавдия и правнучка Якова
Петровича Бакланова -
Федосья Даниловна.
Родила 18 детей*

*Строительство этого дома финансировала в 1972 году
колхозный бухгалтер Клавдия Михеевна Зиновьева*

В этом доме в 1971 году окончился век Василины Трофимовны Железниковой, родившей 11 детей

Этот дом более 100 лет тому назад построил Василий Петрович Иванов. Его жена Александра Николаевна 1879 г.р. родила ему 14 детей. До 2003 года в этом доме проживала их дочь Марфа 1911 года рождения.

ранее случившаяся скоропостижная смерть сына Ивана, которого любила из детей она больше всех. Заведующий колхозной мельницей, знаменитый механизатор и орденосец Иван Михеевич умер в 1973 году на работе от инфаркта, как говорится, на боевом посту. Жуткое зрелище представляли его похороны. Многие земляки происходящее считали вопиющей несправедливостью, когда 91-летний отец и 82-летняя мать простились с их любимым 43-летним сыном. Возможно, что смерть сына повлияла на состояние здоровья матери, которая уже через год отправилась «искать» его на просторах Вселенной.

Начав рожать детей ещё до Мировой войны, «остановилась» она только в 1936 году, а дочь Клавдию родила, когда ей было уже 45 лет. Большинство детей в этой семье умирали из-за болезней в ещё младенческом возрасте, а до нас дошли имена только 8-х детей. Имена своих умерших детей Федосья Зиновьева присваивала вновь рождённым повторно, несмотря на то, что старшая дочь Мария ей настойчиво не советовала этого делать.

Случайно это или нет, но повторно названные дети Фёдор и Клавдия родились с инвалидностью. Сейчас из всех оставшихся в живых детей в станице Новоцимлянской (переулок Победы, 4) проживает только 82-летняя дочь Клавдия Михеевна.

В 1972 году, в основном её усилиями (финансирование), родительский дом был перестроен, а плотницкие работы выполнили брат Иван Михеевич и мой родной дядя Иван Никитич Константинов.

От автора. Такого я не ожидал...

Когда материал этот был уже закончен, мне поступили данные, которые нарушили логику моих исследований по этому материалу. Родной внук Федосьи Даниловны – Юрий Иванович Зиновьев, полностью не исключая её родства, в то же время опровергает то, что она является правнучкой Якова Петровича Бакланова, называя её девичью фамилию – Басова.

Не будем принимать скоропалительных решений, а попробуем в этом вопросе досконально разобраться, тем более, что ещё остались и родственники, и свидетели её проживания.

Он был первым...

Что было бы, если бы красный людоед свой вопрос задал первым Михею Зиновьеву? Возможно, что все станичники могли остаться живыми, но это только предположение. Значит, это была их судьба, и по ней Василий Иванов стал первооткрывателем этой страшной трагедии.

Василий хозяином был, как говорится «тёмным», особенно он стал им после того, как женился на Александре Николаевне 1879 года рождения, а ведь поначалу она «брыкалась», не хотела идти за него замуж. Всё изменилось после свадьбы, когда молодая жена увидела, что связывает свою жизнь с любящим трудоголиком.

Как из рога изобилия «посыпались» рождаемые ей дети. Родила Василию она одну тройню и две двойни, а всего «выдала на-гора» 14 детей. Дети рождались и...

умирали – начало 20-го века мало благоприятствовало их чрезмерному появлению. Из всего этого количества выжили только 2 дочери – Марфа 1911 года рождения и младшая Евдокия.

Своими руками Василий Иванов построил красивый дом, весь в резных узорах. Живности всякой в хозяйстве было много, а гумно (зерновой участок земли) находился недалеко от места нынешней станицы. Дом отапливался диковинным в то время углём, за которым он на быках ездил в Шахты.

Разом всё изменилось после той страшной трагедии. Своего мужа Александра Николаевна пережила на 44 года и умерла в 1964 году.

Её дочери Марфе мужа Ефима Мевша судьба «подарила», можно сказать, случайно. В конце 30-х годов мой родной дядя – Яков Никитич Константинов служил в армии, там он и подружился с Ефимом Мевша. После демобилизации в станице Ефим навестил своего армейского друга, а там и произошло его знакомство с Марфой Ивановой (Чертковой). пышной свадьбы не было, а был «вечер» знакомства с родственниками.

Тёща особой радости к зятю не проявила, а когда выяснилось, что шибко работать он не мастак, совсем к нему охладела. 18 марта 1940 года у молодоженов родился сын Александр. Как бы продолжилась жизнь молодых – неизвестно, но всё по своим местам расставила начавшаяся война. Ефим Мевша ушел воевать, а когда вернулся с войны домой, то тёща постаралась, чтобы в её доме места ему не досталось.

В это время Новоимлянская МТС пополнилась механиком, им оказался Михаил Иванович Макарушин 1906 года рождения, родиной которого была Костромская(?) область. Михаил Иванович был женат, но жена его вскоре умерла, оставив своему мужу сына-инвалида (очень сильно хромотал) Геннадия 1941 года рождения. В станице, а затем в хуторе Колотовка Геннадию присвоили кличку – Врангель. После смерти своей матери Геннадий стал проживать в хуторе Колотовка со своей бабушкой (тёщей Михаила Ивановича) Еленой Андреевной Полуниной 1878 года рождения. Кстати! Не верьте словоблудам, которые и поныне утверждают, что переселение было событием радостным и добровольным. Когда «зондеркоманда» (наёмные рабочие) пришла ломать её хатёнку, она схватила вилы – не дам! С силой отеснили её, и с крыши ломаемого жилища полетела кровля-солома. Сердце 72-летней женщины не выдержало. Вскоре отсчёт умершим она открыла на кладбище хутора Богатырёва.

Несмотря на свой не богатый вид, Михаил Иванович обладал очень большой физической силой. Только его после ремонта просили провернуть заводной ручкой двигатель колёсного трактора «Фордзон». Сила его была такова, что во время этой прокрутки передок трактора отрывался от земли. Земляки и поныне вспоминают, как Михаил Иванович, не отрываясь, выпивал из «горла» 850-граммовую бутылку шампанского. Не знал он, что такое больничный лист, но, несмотря на своё феноменальное здоровье, долгожителем он всё же не стал. 1979-й год стал последним

годом его жизни... Последним годом жизни (2003) стал Марфе Васильевне и 2015 её сыну – Александру.

Вот такая выпала судьба моим землякам, героям моего исследования. Считаю правым себя в том, что оставляю о своих земляках память их жизни, именуемую краеведческой!

Чудны дела твои, Господи!

Иной раз мы не понимаем, по какому сценарию жизни мы живём. Нам не понять, когда отнимается жизнь одного человека и это является основанием, толчком для зарождения жизни, души другого человека.

Обычно в таких случаях мы говорим «Господь покарал (наказал)», но это совсем не так.

Господу Богу нет нужды карать человека или народ – ему достаточно с этого человека или народа снять защиту, остальное за Него сделают силы Зла.

Используя волю красных инквизиторов Лейбы Троцкого и Янкеля Свердлова по рассказыванию Дона, красноармейцы в годы Гражданской войны в каждом лице мужского пола видели врага, который заслуживал только одного – уничтожения.

Никон Хохлачёв из хутора Медведев поплатился жизнью за то, что оказался не вовремя дома в данный момент и в данной местности.

Приближающийся к хутору отряд разведки «красных» увидела Акулина Корнеевна Беляевская (Лысова). Прибежав к Хохлачёвым, она ещё издали закричала:

– Братишка! Убегай, «красные» к хутору скачут!

Хотя Никон не имел отношения ни к красным, ни к белым, он сразу осознал – его жизни угрожает опасность. Решил он спрятаться на чердаке своего дома, но тут вмешалась его жена Евдокия:

– Беги в тёрник (колок), хоронись, иначе они убьют тебя дома, на наших глазах. Послушав доводы жены, Никон побежал к терновому колку, но, видимо, времени добежать и схорониться в зарослях терновника у него уже не было.

Видевший с кучугурины его бег красноармеец догнал Никона уже у самого колка. Увидев приближающегося всадника, Никон опустил на колени и начал молиться, прося о пощаде.

Первым ударом сабли красноармеец отрубил руку Никона по локоть, а вторым – голову. Тело Никона нашли на третий день по запаху разложения. Согнутые ноги в коленях, а рядом с телом лежала отрубленная рука, пальцы которой так и остались сложенными в троеперстии.

Отряд красноармейцев, не задерживаясь в хуторе, проскакал в сторону станицы Новоимлянской.

Похоронив мужа, Евдокия Андреевна и её дочь Елена 1913 г.р. остались одни со своими жизненными проблемами. По прошествии времени она вышла замуж за Лысова Александра Корнеевича (брата Филиппа). В 1926 году родила сына Стефана, в 1928 году сына Ивана и в 1930 году сына Александра Лысовых.

В 1940 году её дочь – Елена Никоновна Хохлачёва родила сына Николая от Платона Семёновича Константинова – мой двоюродный прадед. (Авт.), который в то время был уже женат. Многочисленная родня Константиновых признала Николая «своим», хотя воспитывать сына Елене Никоновне пришлось одной – это повлияло на его дальнейшую жизнь. Его детство проходило в нужде, а поэтому он рано познал физический труд. С 14 лет работал он скотником в колхозе имени Орджоникидзе, но любовь к сельхозтехнике пересилила все остальные профессии, и он стал комбайнёром.

Трудился неистово – постоянно был в передовиках и почёте. Тяжелый труд хлебороба, помимо признания и славы, даёт и «букет» профессиональных заболеваний, и Николай Платонович не стал исключением – аритмия сердца досрочно отправила его на пенсию.

Своего отца Платона Семёновича Константинова сын видел всего лишь один раз. Проезжая на велосипеде мимо хуторского магазина, Николай увидел двух мужчин. В одном узнал Филиппа Семёновича Константинова, а другой – сердце у него ёкнуло – был отец. То, что это действительно был он, впоследствии подтвердила завмаг Фекола Ивановна Болдырева.

Платон Константинов был призван на войну 9 августа 1941 года, служил во 2-й Ударной Армии, той, которую сдал А.А.Власов. Четыре года работ на шахтах Караганды – итог этой службы, что в то время считалось ещё мягким наказанием. После смерти Сталина был реабилитирован и в 50-х годах единственный раз прибыл на побывку в хутор Ремизов.

Вот такая судьба и такие последствия выпали Никону Хохлачёву и его семье. Знал бы он, что его внук будет «жилы рвать» на власть, которая его ни за что ни про что лишила жизни – в гробу бы перевернулся.

Голод не тётка, пирожком не угостит

Что такое голод – объяснить может только тот, кто пережил это страшное испытание, кто не по своей воле этому подвергся.

С научной точки зрения, во время голода человек начинает терять качества, которые присущи ему, а не животному. Притупляются или исчезают чувства стыда, страха, благоразумия. Теряется контроль над поступками и действиями. Я извиняюсь перед родственниками за их близких, фамилии которых будут мной упомянуты. Это необходимо, это предупреждение нам, всем живущим, мы не застрахованы от того, что сами не окажемся когда-либо в такой ситуации. Надо помнить, что государство в этом случае старается снять с себя ответственность за голод, оставляя свой народ один на один с этой страшной бедой, и Россия (СССР) здесь впереди планеты всей. Три страшных голода в 20-м веке тому подтверждение.

Голод 1921 года можно было бы списать на последствия Гражданской войны, разруху. Всё оно так, если бы не странности правительства молодой Советской республики. Вместо того, чтобы закупать продовольствие для голодающей России,

Троцкий даёт указание на уже совсем скудный запас золота покупать оружие, которого в тот момент девать было некуда, и его потом почти бесплатно отдавали Турции.

В это же время объявился американский мошенник Арманд Хаммер, которого впоследствии официально признают другом СССР. Этот «друг» под видом платы за оказание продовольственной помощи получил золото и драгоценности, но поставок продовольствия голодающая страна от него так и не дождалась.

Голод 1944-1945 годов и особенно 1946-1947 годов был аналогом, с той разницей, что теперь, забыв про свой народ, страдающий от ужасающего голода, СССР в стиле показухи отправлял продовольствие не совсем голодающей Европе.

Пиком цинизма и кощунства по отношению к своему народу был искусственный голодомор 1933 года. Недород урожая был, но голодом и «не пахло».

В это время в стране был не велик золотой запас и для того, чтобы «очистить» народ от ценностей, был надуман этот катаклизм. Страдали Поволжье, Украина и особенно ненавистная Сталину территория бывшей Области Войска Донского.

Рассказывает Агафья (Федора) Дмитриевна Плахова 1923 года рождения, жительница станицы Новоимлянской:

– Жили мы в хуторе Поздняков (Баклановский). Наша мама Плахова Ирина Яковлевна 1879 г.р. пятерых нас, детей, воспитывала (растила) одна. Голод был ужасающий. Однажды к нам с хутора Кандаурова пришла Плотникова Матрёна Естрапиевна 1880 г.р. Жалуясь на невыносимый голод, поняв, что детей от голода ей уже не спасти, она предложила:

– Ира, давай зарежем и съедем моих дочерей (Клавдию Дмитриевну 1921 г.р. и Нину Дмитриевну 1923 г.р.), а затем ваших – всё равно им умирать. – Моя мама ответила отказом, сказав:

– Сама умру, но резать детей не буду.

После ухода Естрапиевны обнаружилась пропажа нашей собачки, которая, видимо, пошла на питание и, возможно, спасла их семью от неминуемой смерти.

Не менее страшным был голод 1946-1947 годов.

Рассказывает бывший житель хутора Медведев (мой троюродный брат) – Николай Платонович Константинов (1940-2017):

– Голод зимой 1946-1947 года был ужасен, особенно голодали семьи, в которых не было отцов.

В хуторе Медведев через соломенную крышу волк залез в овчарню к Лысову Ивану Николаевичу и «зарезал» находившихся там нескольких овец, а затем, сделав под плетнём подкоп, сбежал.

Правление колхоза имени Орджоникидзе, опасаясь за конепоголовье, послало на засаду Андрея Максимович Ильина 1911 г. и Лысова Александра Александровича 1930 года рождения.

Несколько ночей, проведённых в засаде, не дали результата, а последующая стоила волку жизни. Ближе к полуночи (было очень холодно) Александр Лысов замёрз

и пошел домой погреться. Ещё не зайдя в дом, услышал выстрел, затем ещё один. Вернувшись быстро назад, увидел убитого Ильиным матёрого волка.

Утром волка ободрали и сообщили в правление колхоза. За убитого волка тогда выдавали и ружейные припасы, и премию в виде барана. Ободранный волк лежал в снегу.

Семья Андреевых из хутора Кандауров сильно голодала, находясь на грани вымирания. Олимпиада Семёновна Андреева 1889 г.р. и её дети – Михаил Георгиевич 1930 г.р., Евгения Георгиевна 1935 г.р. и Анна Георгиевна 1938 г.р. уже не надеялись пережить эту страшную зиму. Поэтому, когда Фёдор узнал, что в хуторе Медведев был убит волк, он поспешил туда, пройти ему предстояло около 7 километров. Одет он был в рваную телогрейку, обмотанную верёвкой. Треух (шапка), валенки и штаны у него были в таком же состоянии.

Привязав тушу волка верёвкой за задние ноги, другой конец верёвки обмотал он вокруг себя и волоком потащил волка по снегу домой. Как впоследствии оказалось, мясо волка спасло семью Андреевых от голодной смерти, а ведь был слух, что съеденной предстояло быть младшей дочери – Анне. Всё же судьба оказалась благосклонной в то время к этим семьям – они выжили.

В 1940 году Клавдия Дмитриевна Плотникова вышла замуж за моего родного дядю Калмыкова Сергея Григорьевича 1912 года рождения. Прожив долгую жизнь, совсем немного не дотянув до 70-летия совместной жизни, умерли с небольшой разницей в днях в июле 2010 года. В этом же году умерла и их дочь Ольга 1944 г.р., а затем в 2016 году старший сын Александр 1941 года рождения. Сейчас в хуторе Ремизове с семьёй живёт Иван 1950 года рождения.

Не благосклонна впоследствии была судьба к семье Андреевых! Трагически оборвалась жизнь Фёдора – смертельным исходом оказалось его падение с лошади.

Это невероятно, но конь, находившийся на МТФ №3, в момент, когда покойника привезли на кладбище хутора Богатырёва, оборвал верёвку, которой он был привязан, и прибежал на кладбище. Бегая вокруг кладбищенской изгороди, он жалобно ржал, словно прося у своего бывшего хозяина прощение за случившееся. Очевидцы говорили, что из глаз коня текли настоящие слёзы. Что мог конь сказать своему хозяину, какое прощение просил бы у него, если бы умел говорить?

Евгения Георгиевна тоже умерла не своей смертью – отравление грибами. Как и сестра Анна (онкология), она похоронена на кладбище хутора Ремизова

Это лишь незначительные факты событий, которые произошли в нашем краю в те страшные, непредсказуемые годы. Вот и ответ на вопрос – могло ли любить население Области Войска Донского победившую в результате государственного переворота Власть. Это читателю решать самому, решать без всякого диктата и агитаций!

Давай простимся, браток

Почти все мы знаем, что брат Каин убил своего брата Авеля, а за что? Многие могут и не дать ответ на этот вопрос потому, что будет он им не под силу.

По Библии, первый земледелец Каин из-за своей зависти и жадности к скотоводу Авелю стал братоубийцей. В нашем случае выходит всё совсем наоборот. Уже более 200 лет пытается Америка убить (разорить) Россию и делает это из-за земли и всего того, что в её недрах находится.

Много подлости и гадости сделала для России и делает эта человеконенавистническая, одуревшая от своей жадности страна. Все войны, в которые за последние 200 лет была втянута Россия, – это заслуга Америки, а Гражданская война в России в начале 20-го века – венец её подлости и коварства.

Прошедшие с того времени почти 100 лет не стирают происшедшее из памяти россиян, а ещё более проявляют их интерес к тем уже совсем далёким событиям.

Нет уже в живых очевидцев и участников тех событий, но память жива. Она передаётся, в большей степени, уже через внуков и близких родственников, которые ещё хранят воспоминания о своих и близких и далёких родственниках.

О семье Батаковых из хутора Крутого станицы Кумшацкой, о её трагических годах с нами делится внук главных участников этого рассказа, житель города Цимлянска – Батаков Анатолий Михайлович:

– Семья моего прадеда Трофима Батакова была многодетной, но сведений о ней у нас сохранилось совсем мало. Времена тогда (Гражданская война и после) были такие, что членам семьи, особенно детям, много знать было не положено, да и в какой-то мере это могло представлять опасность для всей семьи.

Знаю только, что в семье Трофима Батакова было пятеро сыновей. Старшим сыном был Павел – кадровый офицер, дослужившийся до звания полковника. Младшим сыном был мой дед Андрей 1881 года рождения. Его жена – Екатерина Ивановна Нефёдова была моложе деда на один год, но жизненный путь у них закончился в одном – 1960-м году. Ещё знаю, что средним из пяти братьев был Григорий. Красавец гренадерского роста служил в лейб-гвардейском полку в Петербурге. Дальнейшая его судьба нам была неизвестна.

Когда началась 1-я Мировая война, деду Андрею было уже 33 года. То, что служить он попал в полк, где командиром был его родной брат Павел, случайностью не назовёшь. Дело было в том, что у Андрея был красивый каллиграфический почерк, что в те времена являлось большой редкостью. Павел взял его к себе в полк, определив и писарем, и казначеем, соответственно. Однако когда конный казачий полк шел в атаку, то поблажек не делалось никому. В атаку шли и писари, и кашевары, и те, кто был во всех вспомогательных службах. К деду Андрею брат Павел приставил двух казаков богатырского телосложения, в задачу которых входило по возможности сохранить ему жизнь, а родственные отношения тут роли никакой не играли. Сохранить жизнь они должны были не брату командира полка, а писарю.

Казакам-телохранителям Павел вполне понятным языком сказал:

– Если не спасёте в бою жизнь писаря – я вас расстреляю!

Телохранители бородачи-виртуозы – один справа, другой слева – рубили саблями австрийков и за себя, и за писаря Андрея Батакова.

Октябрьский Переворот в действующую Армию внёс свои коррективы. Фронт буквально разваливался на глазах, а дезертирство большевиками приветствовалось и стало обычным делом. Многие казаки, поддавшись агитации, стали возвращаться в свои хутора и станицы. «Демобилизовался» и дед Андрей, решив заняться в хуторе своими мирными делами. Однако вскоре оказалось, что ошибся он, потому как занявшие Цымлянский район красные свой ему вопрос поставили ребром:

– Кто не с нами – тот против нас!

Гражданская война набирала обороты и в краю нашем была уже в самом разгаре. Уже на второй год службы в Красной армии, 10 марта 1919 года, дед Андрей вновь оказался в станице Цымлянской, а левобережье Дона было всё ещё занято Донской армией. До хутора Крутого расстояние измерялось несколькими километрами.

Начал проситься дед Андрей у своего командира, чтобы отпустил он его навещать свою мать в хуторе Крутом. Командир заупрямился. Свой отказ он аргументировал тем, что неизвестно, кто мог находиться в хуторе.

– Я все подходы к хутору знаю, как своих пять пальцев, как мышшь проскользну...

– Ладно, – сдался командир. – Отпускаю тебя до утра, но если ты не вернешься, то мы поймем тебя и расстреляем, как дезертира.

Базами, речными низинами с зарослями добирался Андрей до своей усадьбы. Уже одна нога его ступила на перелазку, как кто-то с силой заломил руки ему назад. Два казака, заломившие ему руки, поинтересовались:

– Кто такой, куда идёшь?

– Ребята, жалкие, да я же здесь живу, а иду, чтобы свою мать навещить!

Полкан – наш домашний, громадных размеров пёс рвался, с цепи, громко гавкая.

– А вот сейчас мы тебя проверим, живёшь ты тут или нет? Иди, но если тебя собака не узнает, мы зарубим тебя, – напутствовали Андрея бородачи.

– Ситуация сложилась такая, что жизнь моя стала зависеть от того – узнает меня Полкан или нет. Делать было нечего – с дрожью в ногах я пошел, а Полкан, разрываясь, громко на меня гавкает.

– Полкан, Полканчик, это же я...

«Голос» кобеля стал постепенно ослабевать, а вскоре он и вовсе перестал гавкать, завивая своим хвостом. Обнял я своего спасителя, крепко прижав к себе.

– Проходи в дом, – сказали казаки, предварительно перед этим меня обыскав.

В доме нашем находилась мать, а за столом сидел облаченный в офицерскую форму брат Павел.

– Андрюшенька, сынок, – обрадовалась мать. – Радость то какая. Сыночки вы мои!

Павел был удивлён, но по его виду трудно было понять, рад он этой встрече или нет, и что у него на душе. На столе появилась припрятанная матерью бутылка, а к ней квашеная капуста с огурцами и варёная, рассыпчатая картошка в мундирах.

За столом мы сидели уже довольно долго, но разговоры в большей степени были посвящены матери и её житию-бытью. Попутно выяснилось и то, что Павел и пятеро

подчинённых ему казаков переправились в хутор на лодке с левого берега Дона из хутора Солоного (Солёный). Это двое его казаков и скрутили руки мне перед родительским домом.

Время шло уже к утру. Где-то раздался свист. Павел встал из-за стола:

– Мне пора. Андрей, пойдём, выйдем в сенцы – проводишь меня, братишка.

Вышли. «Ну, вот и всё, увёл от матери, пристрелит меня сейчас», – только и мелькнула мысль у Андрея.

Не притрагиваясь к кобуре, Павел стал говорить:

– Андрей! Разошлись, видно, наши пути. Ты пошел своей дорогой, я своей, но мы как были братьями, так ими и останемся. Кто прав, кто виноват – выяснять не будем, когда-нибудь сам всё поймёшь. Давай простимся, браток, чувствую, что больше мы не увидимся.

Павел обнял, по-братски поцеловал Андрея и вышел из дома. Это была последняя встреча старшего и младшего братьев Батаковых. Уже потом от очевидцев последующих событий Андрей узнал, что под Ростовом Павел был ранен, и на излечение был переправлен на санитарной линейке в госпиталь города Новочеркаска.

Красные, заняв Новочеркасск, с ранеными церемониться не стали. Прямо в госпитале стали рубить они, стрелять и легко, и тяжелораненых своих соотечественников. Палата, в которой лежал Павел, находилась на втором этаже. Увидев, с какой жестокостью красные расправляются с ранеными, и поняв, что все пути отхода отрезаны, Павел выпрыгнул в окно. На земле пытался он отстреливаться из нагана, но было уже поздно. Прямо во дворе госпиталя красные изрубили его буквально на куски.

Так трагически закончился жизненный путь командира казачьего полка – полковника Батакова Павла Трофимовича. Свою смерть принял он не от чужеземного захватчика, а от своего христианина-соотечественника. Шел январь 1920-го года...

Андрею Трофимовичу Батакову повезло. Отвоевав Гражданскую войну, он остался жив, а в мирной жизни местом его жительства стал хутор Крутой. В винсовхозе «Цимлянский» стал работать он десятником по строительству на четвёртом виноградарском участке, который в годы коллективизации был отнят у казаков станицы Кумшацкой. Потом на этом участке стал работать управляющим его сын и мой отец – Батаков Михаил Андреевич. Третий участок, отнятый у казаков хутора Каширкин, располагался там, где сейчас находится посёлок Саркел. Левее находился второй участок, а там, где сейчас располагается станица Хорошевская, был первый виноградарский участок. Все эти участки, ранее принадлежащие и отнятые у их владельцев, в данное время находятся под водой.

Во время переселения местом жительства Андрея и Екатерины Батаковых стала станица Красноярская. В доме, где они проживали со своей семьёй, сейчас проживает наш близкий родственник – Савельев Валентин Иванович...

В качестве эпилога. Это не вина правнука Анатолия в том, что информация

о членах семьи Трофима Батакова ему мало знакома. Объясняется это и тем, что родители в те годы старались не «нагружать» детские головы информацией, которая вместо пользы могла оказать неожиданный вред для семьи. Лишь только к концу своей жизни дед Андрей «просветил» своего внука и близких о том, что происходило с их семьёй в те далёкие, непредсказуемые годы...

НАСЕЛЕНИЕ СТ. НИЖНЕ-КУРМОЯРСКОЙ 1946-1948 гг., колхоз им. Молотова

1.	Комаров Федот Яковлевич	1905
	Комарова Матрёна Ивановна	1904
	Комаров Борис Федотович	1937
	Комарова Анна Федотовна	1940
2.	Ермаков Николай Андреевич	1915
	Ермакова Клавдия Григорьевна	1916
	Ермакова Лидия Николаевна	1937
	Ермакова Валентина Николаевна	1939
	Ермаков Николай Николаевич	1946
3.	Мартынова Наталья Куприяновна	1878
	Мартынов Василий Романович	1906
4.	Григорьева Прасковья Романовна	1914
	Андрианов Александр Вениамин.	1923
5.	Иванова Ирина Касьяновна	1878
	Иванов Евграф Алексеевич(?)	1899
6.	Симонова Анна Васильевна	1899
	Симонов Георгий Петрович	1938
7.	Платонова Ефимия Яковлевна	1903
	Платонова Елена Ивановна	1928
	Платонов Александр Иванович	1930
	Платонова Агреппина Ивановна	1934
	Платонова Мария Ивановна	1936
8.	Мартынова Александра Михайловна	1905
	Мартынов Николай Васильевич	1926
9.	Лысова Клавдия Михайловна	1918
	Ретивова Евдокия Тимофеевна	1858
	Лысов Александр Никонович	1940
10.	Лысова Агреппина Михайловна	1888
11.	Альсяпина Анастасия Киреевна	1910
	Альсяпин Николай Михайлович	1914
	Альсяпина Клавдия Николаевна	1937
	Альсяпина Валентина Николаевна	1939
12.	Кирсанова Анна Ивановна	1904
	Кирсанова Таисия Яковлевна	1928
	Бурунин Андрей Михайлович	1903

	Бурунин Николай Андреевич	1939
13.	Бурова Агреппина Емельяновна	1911
	Бурова Анна Викторовна	1939
14.	Астахов Иван Максимович	1877
	Астахова Раиса Ивановна	1877
15.	Комаров Афанасий Терентьевич	1904
	Комарова Мария Яковлевна	1898
	Комарова Мария Афанасьевна	1935
16.	Мартынова Александра Ивановна	1910
	Мартынова Зоя Киреевна(?)	1931
	Мартынова Агреппина Киреевна(?)	1932
	Мартынова Валентина Киреевна	1939
17.	Кузнецов Иван Иванович	1891
	Кузнецова Варвара Никитична	1890
	Кузнецов Александр Иванович	1922
	Кузнецова Антонина Ивановна	1923
	Ливанова А.В.	1945
18.	Бумлин Казьма Семёнович	1898
	Бумлина Татьяна Ефимовна	1896
	Бумлина Клавдия Казьминична	1931
	Бумлин Виталий Казьмич	1935
	Бумлин Юрий Казьмич	1938 выбыли в Главмясо.
19.	Стрельцова Вера Васильевна	1909
	Стрельцов Виктор Тимофеевич	1934
20.	Тонина Татьяна Александровна	1879 выбыла в Новочеркасск.
21.	Текутьева Александра Николаевна	1877
	Бондаренко Валентина Викторовна	1938
	Бондаренко Пелагея Викторовна	1939
22.	Поликарпова Таисия Корнеевна	1908
	Поликарпова Нина Андреевна	1939
23.	Текутьева Екатерина Тихоновна	1908
	Попеченко Александра Тихоновна	1912
24.	Крячкин Алексей Спиридонович	1873
	Крячкина Евгения Яковлевна	1875
	Крячкин Георгий Алексеевич	1902
25.	Полунина Мария Михайловна	1920 выбыла в станицу Нагавскую
	Полунина Галина Ивановна	1942

	Алпатова Екатерина Дорофеевна	1924
	Алпатов Андрей Дорофеевич	1931
	Алпатова Зоя Ивановна	1945
	Алпатова Пелагея Петровна	1943
26.	Бобошина Феодосия Семёновна	1872
	Бобошина Александра Афанасьевна(?)	1906
	Золоторёва Людмила	1927
27.	Нагибина Мария Ивановна	1914 в заключении.
	Нагибин Василий Александрович(?)	1927
28.	Бударина Марфа Ивановна	1903
	Бударин Александр Григорьевич	1931
	Бударина Зоя Григорьевна	1935
	Бударина Лидия Григорьевна	1940
	Бударина Надежда Григорьевна	1941
29.	Растегаева Нина Васильевна	1887
	Растегаева Анна Кирилловна(?)	1928
	Растегаев Михаил Кириллович(?)	1926
30.	Ефремова Татьяна Дорофеевна	1907
	Ефремова Раиса Васильевна	1930
	Ефремов Николай Васильевич	1932
	Ефремова Мария Васильевна	1935
	Ефремов Фёдор Васильевич	1938 умер от голода в октябре 1947
	Ефремов Виктор Васильевич	1943 умер от голода в сентябре 1947
31.	Алпатова Александра Владимировна	1908
32.	Алпатова Анна Петровна	1907
	Алпатов Владимир Петрович	1933
	Алпатова Валентина Петровна	1937
	Алпатова Лидия Петровна	1939
33.	Дружинина Елена Ивановна	1912
	Дружинин Геннадий Иванович(?)	1938
	Дружинин Владимир Иванович(?)	1941
34.	Орлова Агреппина Петровна	1907
	Орлова Мария Михайловна	1935
35.	Каледина Матрёна Анисимовна	1885
	Каледина Ольга Яковлевна	1913
36.	Антонова Александра Алексеевна	1897

	Антонова Надежда Алексеевна	1902
37.	Орешкин Гавриил Аникеевич	1883
	Орешкина Евдокия Петровна	1887
38.	Дружинин Леон Ефимович	1889
	Дружинина Ульяна Васильевна	1897
39.	Ермакова Нина Емельяновна	1884
	Ещенина(?) Елизавета Михайловна	1939
40.	Герасимова Ирина Петровна	1905
	Герасимова Лидия Георгиевна	1928
	Герасимова Мария Георгиевна	1936
	Герасимова Гликерия Романовна	1871
	Герасимов Георгий Иванович	1897
41.	Орлова Ульяна Фотеевна(?)	1887
42.	Иванова Фелисада(?) Андреевна	1887
	Иванова Мария Ивановна	1907
	Иванова Валентина Ивановна	1918
43.	Курятникова Татьяна Николаевна	1870
44.	Донскова Агафья Васильевна	1885
	Донсков Пётр Яковлевич	1914
45.	Иванова Мария Фёдоровна	1875
	Иванова Анна Петровна	1915
	Савченко Пётр Григорьевич	1935
	Савченко Анатолий Григорьевич	1940
46.	Крутова Олимпиада Евлампиевна	1903
	Крутов Михаил Ефимович	1905
	Крутова Екатерина Михайловна	1929
	Крутов Валентин Михайлович	1936
	Крутов Василий Михайлович	1941
47.	Бурунин Андрей Михайлович	1903
48.	Алпатов Василий Николаевич	1904
	Алпатова Александра Васильевна	1924
	Алпатов Иван Васильевич	1929
	Алпатов Пётр Васильевич	1926
	Алпатова Валентина Васильевна	1937
	Алпатова Антонина Александровна	1946
49.	Подскребалина Мария Сазонтъевна	1879
50.	Комарова Александра Стефановна	1913
	Комаров Василий Дмитриевич	1935

	Комаров Пётр Дмитриевич	1941
51.	Орешкина Ирина Ивановна	1878
	Фёдоров Владимир Александрович(?)	1927
52.	Коротчева(?) Ефимия Васильевна	1862
	Орлова Евдокия Ильинична	1889
53.	Демидова Татьяна Мироновна	1876
	Демидов Филипп Логинович	1914
54.	Артамонова Евдокия Ивановна	1889
55.	Фролова Анна Ивановна	1900
	Фролов Михаил Андреевич(?)	1930
	Фролов Владимир Андреевич(?)	1939
56.	Гордеева Наталья Семёновна(?)	1884
57.	Полякова Александра Ивановна	1908
	Поляков Константин Карпович	1905
	Полякова Антонина Константиновна	1930
	Поляков Николай Константинович	1935
	Поляков Михаил Константинович	1937
	Поляков Пётр Константинович	1940
58.	Болдырева Феоктиста Фёдоровна	1888
59.	Фролов Виссарион Фёдорович	1888
	Фролова Екатерина Николаевна	1887
	Фролова Клавдия Виссарионовна	1928
	Фролова Валентина Виссарионовна	1928
60.	Демидова Мария Ивановна	1897
	Демидов Михаил Яковлевич	1888
	Демидова Вера Михайловна	1928
61.	Доронов Николай Михайлович	1926
	Доронова Анна Николаевна	1928(?)
62.	Хорошунова Мария Филипповна	1915
	Григорьева Тамара Ивановна	1939
63.	Кирсанова Таисия Денисовна	1876
64.	Киреева Тамара Игнатъевна	1881
	Киреев Александр Павлович	1910
	Киреева Мария Фёдоровна	1914
	Киреев Николай Александрович	1937
	Киреев Пётр Александрович	1939
65.	Крупатин Василий Фёдорович	1893
	Крупатина Екатерина Николаевна(?)	1890

	Крупатин Василий Васильевич	1925	выбыл в х-во Шелковых
66.	Болдырев Пётр Михайлович	1881	
	Болдырева Прасковья Ивановна	1888	
	Болдырева Александра Петровна	1930	
	Бардаков Михаил Иванович	1914	
67.	Мартынов Александр Николаевич	1906	
	Мартынова Мария Михайловна(?)	1910	
	Мартынова Валентина Александровна	1937	
	Мартынова Лидия Александровна	1941	
68.	Дьяков Георгий Иванович	1914	
	Дьякова Анна Петровна	1913	
	Дьяков Николай Георгиевич	1936	
	Дьякова Валентина Георгиевна	1938	
69.	Самохина Пелагея Михайловна	1880	
	Самохин Василий Михайлович(?)	1911	выбыл в Котельниково.
70.	Мартынов Ефим Иванович	1885	
	Мартынова Елена Ивановна	1889	
	Бударина Людмила Ивановна	1941	
71.	Растегаева Матрёна Матвеевна(?)	1916	
	Растегаева Валентина Ивановна	1936	
	Растегаева Полина(?) Ивановна	1940	
72.	Болдырева Авдотья Васильевна	1919	
73.	Алексеев Михаил Кузьмич	1893	
	Алексеева Анна Ильинична(?)	1898	
	Алексеев Виктор Михайлович	1940	
74.	Иванов Иван Васильевич	1886	
	Иванова Евдокия Андреевна	1889	
	Иванова Елена Ивановна	1933	
	Иванов Иван Иванович	1923	
75.	Шортов Трофим Андреевич	1905	
	Шортова Евдокия Ивановна	1886	
	Шортова Клавдия Трофимовна	1932	
	Шортова Тамара Трофимовна	1933	
76.	Жуков Александр Григорьевич	1915	
	Жукова Анна Ивановна	1914	
	Жуков Пётр Александрович	1937	
	Жукова Валентина Александровна	1941	
77.	Иванов Егор Прокофьевич	1896	

	Власова Пелагея Ивановна	1923
	Иванов Александр Георгиевич	1946
78.	Разумова Александра Антоновна	1882
	Долгалёв(?) Андрей Иванович	1877
79.	Пшеничный Пётр Павлович	1896
	Пшеничная Полина Еф.(?)	1894
80.	Бородин Анна Фёдоровна	1914
	Жеребятёв Николай Васильевич	1933
	Жеребятёва Валентина Васильевна	1939
	Жеребятёв Михаил Васильевич	1941
81.	Хохлячёва Ксения Викторовна	1907
82.	Железников Семён Антонович	1904
	Железникова Вера Анатольевна(?)	1902
	Железников Николай Семёнович	1927
	Железникова Александра Семёновна	1934
	Железникова Валентина Семёновна	1937
83.	Траманцов Ефим Семёнович	1887
	Траманцова Елена Дмитриевна	1883
	Траманцова Антонина Ефимовна	1927
	Траманцов Пётр Ефимович	1917
84.	Кубекова Любовь Стефановна	1901
	Кубеков Владимир Александрович	1932
	Кубеков Александр Александрович	1936
	Кубекова Лидия Александровна	1938
85.	Рябова Александра Александровна	1890
	Рябов Иван (?).	1882
86.	Чухряева Елизавета Петровна	1910
	Чухряев Пётр Иванович	1941
87.	Пименов Иван Дмитриевич	1898
	Пименова Ксения Савельевна	1889
	Пименов Александр Иванович	1925
	Пименова Клавдия Ивановна	1930
88.	Болдырева Мария Григорьевна	1887
	Болдырева Евдокия В.	1919
	Нагибин Виктор Викторович	1944
89.	Казьмина Александра Трофимовна	1880
90.	Герасимова Феоктиста Трофимовна	1906
	Герасимов Иван Николаевич	1930

	Герасимов Николай Николаевич	1935			Пименов Платон Петрович	1932
	Герасимова Валентина Николаевна	1939		102.	Кирсанова Феокиста Афанасьевна	1910
91.	Орешкин Максим Михайлович	1890		103.	Дьякова Лукерья Александровна	1889
	Орешкина Евдокия Николаевна	1891			Дьяков Михаил Антонович	1918
92.	Дьяков Иван Карпович	1891		104.	Попова Анна Афанасьевна	1887
	Дьякова Мария Ивановна	1892			Таёкина Таисия Евграфовна	1918
93.	Иванов Пётр Евдокимович	1872			Казьмин Евгений Петрович	1937
	Пупкова Феокиста Ярославна(?)	1882		105.	Болдырева Мария Стефановна	1886
94.	Махнова Анна Ивановна	1887		106.	Самохин Григорий Николаевич	1889
	Махнов Иван Филиппович (?)	1915			Самохина Елена Афанасьевна	1886
	Терековская Валентина Григорьевна	1915		107.	Пименов Владимир Фёдорович	1915
95.	Пименова Евлампия Ипполитовна	1889			Пименова Мария Прокофьевна(?)	1908
96.	Альсяпина Елена Николаевна	1907			Пименова Нина Владимировна	1936
	Комарова Таисия Александровна(?)	1932			Пименова Александра Владимировна	1939
97.	Плетнёв Пётр Иванович	1892			Пименова Клавдия Владимировна	1942
	Плетнёва Устинья Прокофьевна	1910		108.	Полунин Павел Иванович	1882
	Плетнёв Георгий Петрович	1932			Полунина Федосья Ивановна	1884
	Плетнёва Анна Петровна	1937			Полунина Валентина Ивановна	1938
98.	Самохина Евдокия Михайловна	1920		109.	Ермакова Александра Ивановна	1897
	Самохина Клавдия Григорьевна	1940			Ермакова Екатерина Ивановна	1898
	Михайлова(?) Дарья Ивановна	1898			Ермакова Прасковья Леонтьевна	1858
99.	Плахов Терентий	1903	утонул в 1947 году.	110.	Мартынов Иван Лаврентьевич	1899
	Плахова Александра Никитична	1897			Мартынова Федосья Фёдоровна	1899
	Плахов Михаил Терентьевич	1924			Мартынов Александр Иванович	1928
	Плахов Алексей Терентьевич	1927			Мартынов Сергей Иванович	1931
	Плахов Иван Терентьевич	1930			Мартынова Мария Ивановна	1933
	Плахов Григорий Терентьевич	1932			Мартынова Ирина Ивановна	1936
	Плахов Николай Терентьевич	1936			Мартынова Валентина Ивановна	1938
	Плахова Мария Терентьевна	1939			Мартынов Николай Иванович	1942
	Плахов Павел Терентьевич	1942		111.	Иванова Евлампия Георгиевна	1908
	Плахов Пётр Терентьевич	1946			Иванов Николай Иванович	1907
100.	Никонова Татьяна Ивановна	1917			Иванова Лидия Николаевна	1939
	Чухряева Мария Ивановна	1909			Иванов Иван Николаевич	1927
	Никонова Мария Ивановна	1939		112.	Гогина Екатерина Еремеевна	1875
	Никонов Пётр Иванович	1946		113.	Каргальская Пелагея Николаевна	1887
	Никонова Ирина (?)	1870		114.	Астахова Анастасия Васильевна	1915
101.	Пименов Пётр Васильевич	1904			Астахова Лариса Ивановна	1938
	Пименова Анна Афанасьевна	1906			Астахова Анна Ивановна	1940

Астахова Александра Ивановна	1945
115. Кирсанова Александра Ивановна	1872
Кирсанов Евгений Сергеевич	1912
116. Шинкаренко Вера Андреевна	1911
Шинкаренко Любовь Михайловна	1939
Шинкаренко Виктор Михайлович	1941
117. Князева Пелагея Ивановна	1911
Князева Варвара Михайловна	1938
Князева Александра Михайловна	1941
118. Ермакова Матрёна Ивановна	1901
Ермакова Ирина Ильинична	1877
119. Лысова Феоктиста Ивановна	1905
Лысов Владимир Антонович	1930
Лысов Пётр Антонович(?)	1927
120. Мазанова Елена Ивановна	1905
Мазанова Капитолина Александровна	1872
121. Епифанов Фёдор Иванович	1869
Епифанова Агафья Андреевна(?)	1869
122. Топоркова Агрепина Васильевна	1867
Орешкина Таисия Степановна(?)	1906
Орешкин Геннадий Иванович	1930
123. Полухин Михаил Германович	1879
Полухина Мария Александровна(?)	1888
124. Полухина Александра Ефремовна	1911
Полухин Георгий Яковлевич	1936
Полухина Клавдия Яковлевна	1939
125. Полунина Мавра Михайловна	1887
126. Бударина Мария Фёдоровна	1886
Фирсов Фёдор Николаевич	1860
Фирсов Сергей Фёдорович	1903
127. Тихонов Сергей Минаевич	1886
Тихонова Пелагея Андреевна	1886
Тихонова Мария Сергеевна	1904
Панфёрова Лидия Марковна	1940
128. Овчинников Александр Александрович	1885
Овчинникова Евдокия Степановна	1889
129. Полякова Евгения Александровна	1913
Киреева Дина Александровна	1935

Поляков Юрий Петрович	1937
Полякова Лидия Петровна	1937
130. Попов Владимир Алексеевич	1904
Попова Ольга Ивановна	1902
131. Кузнецова Софья Ивановна	1912
Кузнецов Иван Иванович	1914
132. Варшавская Мария Никифоровна	1916
Варшавская Валентина Валентиновна	1936
Варшавский Борис Валентинович	1933
Варшавский Анатолий Валентинович	1942
133. Татаринов Фёдор Михайлович	1854
Татаринова Прасковья Андреевна	1871
134. Чекунова Агафья Федотьевна	1872
135. Агурейкин Андрей Яковлевич	1895 сапожник
Агурейкина Ольга Афанасьевна	1906
Агурейкин Юрий Андреевич	1930
Агурейкина Валентина Андреевна	1932
Агурейкина Нина Андреевна	1940
Агурейкин Пётр Андреевич	1945
Агурейкина Мария Яковлевна	1882
136. Власова Анна Фёдоровна	1918
Власов Александр Михайлович	1940
137. Дуварова Анна Петровна	1905 портная
Плахов Николай Александрович	1913
138. Бирюков Автоном Ильич	1878 председатель колхоза
Бирюкова Варвара Андреевна	1879
139. Шведов Николай Афанасьевич	1906
Хорошунова Ефросинья Ивановна	1903
Дмитров Ан.Ак.(?)	1920 учитель
140. Плахов Иван Иванович	1895 постова
Плахова Варвара Ивановна	1891
Савватеев Андрей Клавдиевич	1918
141. Аксёнов Александр Иванович	1878
Аксёнова Елена Ивановна	1873
142. Булелина Мария Захаровна	1897
Булелин Прокофий Семёнович	1897
Булелин Иван Прокофьевич	1929
143. Фролов Захар Евдокимович	1861 рыбак

144.	Сафонцева Мария Ивановна	1909
	Сафонцев Николай Михайлович	1932
	Сафонцева Валентина Михайловна	1939
	Сафонцев Михаил Николаевич	1908 пропал б/в, сентябрь 1943
145.	Епифанов Николай Васильевич	1904
	Епифанова Пелагея Сафонова	1895
146.	Беспавлов Иван Стефанович	1899
	Беспавлова Ульяна(?) Георгиевна	1901
	Беспавлов Николай Иванович	1929
	Беспавлова Нина Ивановна	1932
	Беспавлов Михаил Иванович	1941
	Беспавлов Пётр Иванович	1945
147.	Сергеев Василий Александрович	1895
	Сергеева Ирина Ивановна	1895
	Сергеев Вячеслав Васильевич	1924
148.	Крылов Иван Гурьевич	1884
	Крылова Матрёна Ивановна	1888
149.	Кадыков Владимир Иванович	1894
	Кадыкова Агреппина Львовна	1884
150.	Кочагов Фёдор Никифорович	1913
	Кочагова Анна Яковлевна	1909
	Кочагова Лидия Фёдоровна	1938
	Кочагов Николай Фёдорович	1936
	Кочагов Валерий Фёдорович	1944
151.	Болдырев Александр Стефанович	1918 учитель
152.	Доронова Наталья Ивановна	1910
	Доронова Раиса Андреевна	1936
	Доронова Вера Андреевна	1940
	Доронова Галина Андреевна	1942
153.	Чухряева Мария Ивановна	1904
	Никонова Александра Даниловна(?)	1938
154.	Соколов Александр Матвеевич	1918
	Соколова Галина Васильевна	1918
	Соколов Виктор Александрович	1940
155.	Жемчугов Григорий Михайлович	1901
	Жемчугова Александра Михайловна	1906
	Жемчугов Николай Михайлович	1939
	Жемчугова Евгения Михайловна	1931

156.	Устинов Александр Иванович	1920
	Устинова Нина Ивановна	1924
	Устинов Валерий Александрович	1946
	Бардакова Матрёна Семёновна	1879
157.	Иванкова Евдокия Ильинична	1890
158.	Поцелуева Анастасия Петровна	1902 учитель
159.	Крячко Георгий Алексеевич	1902
160.	Комарова Таисия Александровна	1932
161.	Афанасьев Александр Михайлович	1920
	Афанасьева Наталья Михайловна	1923
	Афанасьева Тамара Александровна	1945
	Афанасьев Владимир Александрович	1947
162.	Ермакова Мария Максимовна	1924
	Ермаков Александр Петрович	1914
	Ермаков Анатолий Александрович	1946
163.	Бурняшев Михаил Евлампиевич	1913
	Бурняшева Ольга Михайловна	1910
	Бурняшева Александра Михайловна	1933
	Бурняшева Екатерина Евлампиевна	1918
164.	Кузнецова Мария Афанасьевна	1888
165.	Цуканов Николай Андреевич	1921 директор школы
	Цуканова Александра Васильевна	1927 учительница
	Самохина Олимпиада Михайловна	1879
	Цуканова Любовь Андреевна	1932
166.	Маленкова Павлина Афанасьевна	1871
167.	Комарова Елена Ивановна	1889
168.	Шведова Пелагея Николаевна	1899
	Шведов Михаил Андреевич	1937
169.	Текутьева Наталья Алексеевна	1896
	Текутьев Иван Александрович(?)	1896
	Текутьева Наталья Илларионовна(?)	1870
170.	Хохлачёв Стефан Фёдорович	1894
	Хохлачёва Мария Илларионовна	1880
171.	Чернов Тимофей Иванович	1878
	Чернова Ефимия(?) Тимофеевна	1913
	Чернова Александра Тимофеевна	1921
	Чернова Клавдия Тимофеевна	1926
	Демидов Юрий Филиппович	1940

172. Фролов Тимофей Петрович	1903	Веригина Вера Александровна	1927
Фролова Александра Михайловна	1906	186. Крупатин Афанасий Фёдорович	1899
Лавренова Антонина Михайловна	1923	Крупатина Ксения Фёдоровна	1909
Леонова Александра Васильевна	1944	Крупатина Зоя Афанасьевна	1929
173. Лавренов Михаил Александрович	1880	Епифанов Иван Матвеевич(?)	1921
Лавренова Надежда Ивановна	1880	Епифанов Владимир Иванович	1947
Лавренова Пелагея Михайловна	1926	187. Маленкова Раиса Игоревна	1885
174. Иванов Александр Ефимович	1910	188. Усачёва Пелагея Михайловна	1914
Иванова Александра Васильевна	1907	189. Комаров Николай Иванович	1907
Иванов Иван Петрович	1935	Комарова Раиса Васильевна	1911
175. Бокова Екатерина Ивановна	1886	Комарова Платонида Николаевна	1933
176. Бабошина Мария Яковлевна	1884	Комарова Тамара Николаевна	1942
Бабошина Александра(?) Яковлевна	1889	Комарова Клавдия Николаевна	1942
Бабошин Илья Яковлевич	1905	Комарова Надежда Николаевна	1947
Бабошина Валентина Николаевна	1907	190. Чеснокова Евдокия Филипповна	1889
Бабошин Владимир Ильич	1933	Каленова Галина Павловна	1935
Бабошин Александр Ильич	1937	Каленова Майя Павловна	1937
177. Родина Евдокия Константиновна	1877	Каленов Валерий Павлович	1939
Родина Анастасия Сафроновна	1926	учительница	191. Донскова Евдокия Ивановна
178. Пименова Степанида Стефановна	1876	192. Куприянова Анна Харитоновна	1905
Пименов Ерофей Фёдорович	1909	пропал б/в, январь 1942	Куприянов Семён Евстафьевич
Пименов Сергей Фёдорович	1926	1901 пропал б/в, 06.1943г.	Куприянов Евгений Семёнович
179. Александрина Матрёна Ипполитовна	1895	1927	193. Фетисова Евлампия Петровна
Александрин Николай Дмитриевич	1924	1892	Фетисова Ольга Павловна
Александрин Александр Дмитриевич	1935	1919	Дмитров Александр Алексеевич(?)
Александрин Юрий Дмитриевич	1941	1941	Дмитров Валентин Алексеевич(?)
180. Беспавлова Ксения Петровна	1872	1944	194. Пашкин Фёдор Иванович
Ермакова Дарья Степановна(?)	1906	1867	врач
Ермакова Валентина Петровна(?)	1929	1877	Пашкина Раиса Ивановна
181. Альсяпина Александра Абрамовна	1877	1906	195. Никитина Ольга Фёдоровна
182. Донсков Трофим Андреевич	1896	1906	учитель
Донскова Мария Фёдоровна	1898	196. Полунина Евдокия Никитична	1906
Донсков Василий Трофимович	1922(?)	1930	Полунин Георгий Иванович
183. Гордеева Анастасия Александровна	1877	1910	197. Ермакова Мария Васильевна
184. Самохин Трофим Стефанович	1904	1907	Ермаков Василий Иванович
Самохина Ефросинья Стефановна	1897	1906	198. Иванова Антонина Михайловна
185. Веригин Александр Васильевич	1895	1920(?)	Иванова Анфиса(?) Антоновна
Веригина Ульяна(?)	1893	1929	Иванов Георгий Антонович
		1936	Иванова Лидия Антоновна
		1940	Иванов Александр Антонович

	Иванов Николай Антонович	1946
199.	Бакланова Раиса Васильевна	1902
	Бакланова Валентина Степановна(?)	1937
	Нагибина Анастасия Захаровна	1857
200.	Никитина Евгения Васильевна	1887
	Никитин Фёдор Андреевич	1917 пропал б/в, 06.1942 г.
201.	Мартынов Иван Ефимович	1899
	Мартынова Федора Петровна	1899
	Мартынов Николай Иванович	1925
202.	Сипливый Семён Васильевич	1906 выбыли в Новоцимлянскую
	Сипливая Анна Ивановна	1910
	Сипливая Альбина Семёновна	1934
	Сипливая Валентина Семёновна	1941
	Сипливый Владимир Семёнович	1945
203.	Пашкина Варвара Алексеевна	1888
204.	Алексеева Федорина Ивановна	1905
	Казьмина Екатерина Ивановна	1875
205.	Шелковая Мария Петровна	1924
	Крупатин Василий Васильевич	1925
	Крупатин Леонид Васильевич	1947
	Шелковая Надежда Михайловна	1903
206.	Авилов Александр Алексеевич	1912
	Авилова Мария Степановна	1920
	Авилова Тамара Александровна	1940
207.	Шпингус Николай Иванович	1900
	Топоркова Анна Васильевна(?)	1913
208.	Мухин Федот Васильевич	1897
	Мухина Ульяна Ефимовна	1904
	Мухин Николай Федотович	1923
209.	Лысов Фёдор Александрович	1895
	Лысова Евдокия Сергеевна(?)	1896
	Алпатова Мария Дмитриевна	1870
210.	Филатов Антон Ефимович	1910
	Филатова Людмила Васильевна	1911
	Филатов Юрий Антонович	1929
	Филатов Леонид Антонович	1931
	Филатов Геннадий Антонович	1934

211.	Казмин Пётр Филиппович	1869
	Казмина Анна Михайловна	1875
212.	Мухин Александр Самойлович	1907 арестован НКВД
	Мухина Александра(?) Николаевна	1909
213.	Егоров Василий Иванович	1912 арестован НКВД
	Егорова Евдокия Васильевна(?)	1887
214.	Редкокашин Иван Степанович	1921 учитель
	Редкокашина Анна(?) Леоновна(?)	1920
	Редкокашин Иван Иванович	1944
215.	Киреев Георгий Георгиевич	1895
	Киреева Раиса Фёдоровна(?)	1874
	Киреев Михаил Георгиевич	1918
	Киреева Александра Михайловна	1924
	Киреев Николай Михайлович	1945
216.	Артёменко Семён Иванович	1914 военрук школы
	Артёменко Александра Андреевна	1923
	Перельгин Андрей Михайлович	1870
	Перельгина Мария Дмитриевна	1887
	Артёменко Анна(?) Семёновна	1946
217.	Родин Макар Илларионович	1908
	Родина Агрепина Ивановна	1915
	Родина Александра Макаровна	1930
	Чуднов Александр Николаевич	1932
218.	Тихонова Марина Семёновна	1904
	Панфёрова Лидия Марковна	1942
219.	Егорова Зоя Петровна	1916 секретарь сельсовета
	Ефимов Константин Викторович	1915 пропал б/в, 05.1943 г.
	Ефимова Валентина Константиновна	1937
220.	Стрыгин Григорий Фёдорович	1900 председатель колхоза
	Стрыгина Мария Марковна(?)	1905
	Стрыгин Михаил Григорьевич	1927 арестован НКВД
	Стрыгина Анна(?) Григорьевна	1933
	Стрыгина Валентина Григорьевна	1938
221.	Савватеев Александр Клавдиевич	1918
	Кувякова Татьяна Родионовна	1926
222.	Крюкова Мария Акимовна	1904
	Крюков Николай Николаевич	1927 арестован НКВД
	Крюкова Валентина Николаевна	1929

Крюков Анатолий Николаевич	1939	Епифанова Александра Матвеевна	1928
Крюков Николай Титович(?)	1904	Епифанова Лидия Матвеевна	1938
223. Зиновьева Александра Киреевна	1890	241. Шкондина Александра Петровна	1875
Зиновьев Николай Макарович	1927	242. Тихонова Елена Ивановна	1908
Зиновьева Александра Макаровна	1932	Короткова Лидия Александровна	1937
Зиновьев Иван Макарович	1938	243. Панфилов Георгий Архипович	1903 военрук
224. Зиновьев Александр Филиппович	1885 арестован НКВД	Панфилова Наталья Ивановна	1900 выехала в 1946 г. в Берлин
Зиновьева Мария Ивановна	1906	Панфилова Александра Георгиевна	1924
Зиновьев Александр Александрович	1942	Панфилова Федора Ивановна	1870
Зиновьева Мария Александровна	1945	244. Бондаренкова Устинья Фёдоровна	1904
225. Бондарев Александр Ильич	1878	Бондаренкова Мария Ивановна	1931
Бондарева Фектиста Ев.	1883	Бондаренкова Антонина Ивановна	1933
226. Железникова Дарья Ивановна	1857	Бондаренкова Нина Ивановна	1940
Железникова Агрепина Гавриловна	1901	245. Подскребалин Андрей Петрович	1903
227. Егорова Вера Ивановна	1888	Подскребалина Клавдия Николаевна	1902
Егоров Иван Григорьевич	1926	Подскребалин Андрей(?) Андреевич	1937
Егорова Раиса Григорьевна	1929	246. Андриянова Евдокия Петровна	1884
228. Бородин Леокадия Кузминична	1897	Андриянов Александр Вениаминович	1923
229. Плахова Акси́нья Пименовна	1880	Андриянов Михаил Вениаминович	1928
230. Крутов Ермил Васильевич	1884	247. Чухряев Дмитрий Гаврилович	1879
Крутова Анна Фёдоровна	1885	Чухряева Дарья Фёдоровна	1885
231. Мартынов Николай Васильевич	1881	248. Петров Иван Иванович	1906
Мартынова Марфа Ивановна	1882	Петрова Прасковья Николаевна	1905
232. Рудченко Гавриил Матвеевич	1873	Петров Николай Иванович	1934
Рудченко Анна Антоновна	1875	249. Минаев Прокофий Дмитриевич	1890
233. Герасимов Николай Сергеевич	1917	Минаева Анна Степановна(?)	1886
Герасимова Мария Михайловна(?)	1923	Коневская Лидия Васильевна	1934
234. Болдырев Андрей Фёдорович	1880	250. Махнов Симон Зотович	1877
Болдырева Евдокия Ивановна	1880	Махнова Анна Андреевна	1882
235. Власова Наталья Фёдоровна	1891	251. Чухряев Иосиф Андреевич	1895
236. Фролова Нина Михайловна	1882	Чухряева Пелагея Степановна(?)	1894
Фролова Федора Г.	1911	252. Хохлачёв Пётр Михайлович	1901
237. Киреева Наталья Васильевна	1891	Хохлачёва Неонила Ивановна	1903
Киреева Александра Яковлевна	1929	Хохлачёв Александр Петрович	1929
238. Чухряева Варвара Андреевна	1884	Хохлачёв Клавдий Петрович	1936
239. Иванова Пелагея Марковна	1888	253. Казьмина Александра(?) Ильинична	1911
240. Епифанов Матвей Никитович	1889	Казьмин Василий Петрович	1909(?)
Епифанова Мария Васильевна	1889	Казьмин Юрий Васильевич	1937

	Казьмин Пётр Васильевич	1941		Михайлова Мария Васильевна	1942
254.	Рябышева Александра Петровна	1914		264. Иванова Марфа Фёдоровна	1879
	Рябышев Алексей(?) Александрович	1939		Иванова Евдокия Семёновна	1901
	Рябышева Татьяна Александровна	1944		Иванова Александра Семёновна	1921
255.	Самохина Александра Филипповна	1911		265. Мухина Анастасия Максимовна	1876
	Самохина Екатерина Андреевна	1932		Орешкина Ольга Васильевна	1910
	Самохина Антонина Андреевна	1934		Орешкин Владимир Петрович	1932
	Самохина Мария Андреевна	1936		266. Фролова Анна Аристарховна	1911
	Самохин Иван Андреевич	1938		Фролова Мария Петровна	1935
	Самохина Валентина Андреевна	1941		Фролов Александр Петрович	1937
256.	Аксёнов Илья Васильевич	1911	председатель с/совета	Фролова Антонина Петровна	1941
	Аксёнова Антонина Васильевна	1916		267. Болдырева Антонина Ивановна	1871
	Аксёнов Геннадий Ильич	1935		Болдырев Степан Георгиевич	1872
	Аксёнов Владимир Ильич	1937		268. Ермакова Евдокия Терентьевна	1888
257.	Жеребятёва Антонина Георгиевна	1912		269. Капканова Александра Александровна	1907
	Дуваров Василий Петрович	1908	кузнец	Капканова Лидия Стефановна	1931
258.	Киреев Иван Евдокимович	1913		Капканов Евгений Стефанович	1938
	Киреева Ольга Илларионовна	1914		Капканов Николай Стефанович	1939
	Карпова Александра Семёновна	1939		Капканов Григорий Стефанович	1942
	Киреева Валентина Ивановна	1946		270. Кирсанова Анна Ивановна	1887
259.	Фролов Иосиф Борисович	1896	сапожник	Дмитров Антон Акимович(?)	1920
	Фролова Надежда Ивановна	1905			учитель
	Фролова Александра Иосифовна	1918(?)		271. Мартынова Ульяна Никитична	1880
	Фролов Георгий Иосифович	1929		Иванова Анна Александровна	1912
	Фролов Владимир Иосифович	1939	поэт	Иванова Александра Васильевна	1940
260.	Герасимова Елена Павловна	1903	агроном	272. Герасимова Вера Ивановна	1912
	Герасимова Лариса Иосифовна	1933		Герасимова Валентина Фёдоровна	1939
	Герасимов Вениамин Иосифович	1936		Герасимова Евгения Фёдоровна	1941
261.	Хорошунов Тимофей Иванович	1898	продавец	Герасимов Фёдор Васильевич	1909
	Хорошунова Нина Николаевна	1896			погиб 23.03.1944 г.
262.	Ермакова Прасковья Фёдоровна	1917		273. Иванов Иван Иванович	1904
	Ермакова Антонина Фёдоровна	1924		Иванова Прасковья Ивановна	1904
	Лысов Александр Семёнович	1940		Иванов Михаил Иванович	1934
	Ермакова Екатерина Степановна(?)	1890		Иванова Валентина Ивановна	1938
263.	Микулина Прасковья Никаноровна	1864		Иванов Николай Иванович	1946
	Михайлова Вера Ильинична	1914		274. Герасимова Матрёна Петровна	1884
	Михайлова Валентина Васильевна	1935		275. Савинова Анна Фёдоровна	1902
	Михайлова Александра Васильевна	1940		Савинова Евдокия Александровна	1873
				276. Дьяков Афанасий Михайлович	1884
				Дьякова Наталья Ивановна	1886

277. Егоров Иван Константинович	1912	Астахов Григорий Емельянович	1904 пропал б/в, июль 1941
Егорова Евдокия Ивановна	1911	Астахова Клавдия Григорьевна	1928
Егорова Александра Ивановна	1935	Астахов Василий Григорьевич	1930
Егоров Николай Иванович	1941	Астахова Зоя Григорьевна	1935
278. Пашкин Иван Васильевич	1880	Астахов Георгий Григорьевич	1938
Пашкина Прасковья Климовна	1883	выехали в г. Шахты	
279. Ермакова Матрёна Яковлевна	1880	289. Никонова Пелагея Ивановна	1896 2 мая 1947 г. утонула.
Ермаков Дмитрий Петрович	1917	Никонова Неонила Ивановна	1889
Лазарева Мария Максимовна	1924	Никонов Степан Михайлович	1897 погиб 17.10.1944 г.
Ермаков Анатолий Александрович	1946	290. Матанова Александра Евлампиевна	1901
280. Киреева Агафья Даниловна	1889	Матанов Георгий Дмитриевич	1939
Орлова Мария Михайловна	1926	Никонов Дмитрий Иванович	1912
281. Соколова Анна Петровна	1916	Никонова Александра Ильинична(?)	1940
Соколов Николай Гаврилович	1937	291. Дружакина Пелагея Фёдоровна	1914
282. Никонова Екатерина Александровна	1903	Дружакин Николай Иосифович(?)	1938
Никонова Валентина Кирилловна	1936	Дружакин Александр Иосифович (?)	1943
Шелков Пётр Антонович	1901	292. Таёкина Александра Михайловна	1916
283. Аксёнова Матрёна Евлампиевна	1897	Таёкина Елена Аверьяновна(?)	1888
Аксёнов Николай Афанасьевич	1896	Пашкова Валентина Васильевна	1938
Аксёнов Михаил Николаевич	1924	293. Мартынова Ольга Аверьяновна	1912
Аксёнов Пётр Николаевич	1926	Мартынова Мария Стефановна	1936
Аксёнов Фёдор Андреевич(?)	1930	Мартынова Галина Стефановна	1939
Аксёнова Ольга Николаевна	1937	294. Донскова Мария Тихоновна	1914
Аксёнов Иван Николаевич	1939	Донскова Валентина Павловна	1938
Аксёнов Андрей Николаевич	1941	Донсков Павел Яковлевич	1907 пропал б/в, ноябрь 1943 г.
284. Никонова Татьяна Григорьевна	1910	295. Демидова Евдокия Сергеевна	1878
Никонов Даниил Иванович	1913	296. Поляков Алексей Карпович	1910
Никонова Александра Даниловна	1930	Полякова Ольга К.	1915
Никонов Иван Данилович	1942	Полякова Александра Алексеевна	1938
285. Дружакина Вера Александровна	1909	297. Бондаренко Анна Ивановна	1913
Дружакин Евгений	1933	Бондаренко Галина Сергеевна	1941
286. Лысова Аксинья Никитична	1888	Бондаренко Сергей Иванович	1912 погиб 17.02.1942 г.
Лысов Семён Мефодьевич	1915	298. Текутьева Мария Никитична	1882
Лысов Михаил Мефодьевич	1922	299. Аксёнова Мария Михайловна	1911
Лысова Мария Мефодьевна	1927	Аксёнов Александр Иванович	1935
287. Никонова Екатерина Александровна	1903	Аксёнов Иван Андреевич	1904
Никонова Валентина Кирилловна(?)	1936	300. Орешкина Хрестинья Ипполитовна	1897
288. Астахова Мария Афанасьевна	1904	Орешкина Александра Григорьевна	1925
		301. Попова Анна Стратоновна	1856

	Попова Мария Александровна	1892
302.	Квартина Надежда Ивановна	1907
	Квартина Лидия Александровна	1930
	Квартина Валентина Александровна	1935
	Квартина Таисия Александровна	1937
	Квартин Николай Александрович	1939
	Квартин Александр Илларионович	1909 пропал б/в май 1943 г.
303.	Полякова Ефимия Михайловна	1888
	Полякова Вера Ивановна	1919
304.	Подскребалина Александра Аверьян.	1908
305.	Горбова Анна Никитична	1902
	Горбова Мария Андреевна	1935
	Горбова Клавдия Андреевна	1938
	Горбов Иван Андреевич	1926
	Горбов Андрей Романович	1901
306.	Орешкина Анна Евдокимовна	1915
	Орешкин Владимир Ильич	1937
	Орешкина Фатина(?) Ильинична	1940
	Орешкина Лидия Ильинична	1944
	Орешкин Илья Васильевич	1912
307.	Плахова Анна Дмитриевна	1906
	Плахов Антон Михайлович	1928
	Плахова Таисия Михайловна	1931
	Плахов Александр Михайлович	1937
	Плахова Евгения Михайловна	1941
	Плахов Михаил Петрович	1904
308.	Власова Дарья Васильевна	1887
309.	Князев Иван Кириллович	1912
	Князева Александра Мефодиевна	1911
	Князев Николай Иванович	1935
	Князева Валентина Ивановна	1937
	Князева Лидия Ивановна	1942
	Князева Елизавета Ивановна	1947
310.	Ефремова Раиса Евстафьевна	1911
	Ефремова Мария Васильевна	1932
	Ефремова Александра Васильевна(?)	1935
	Ефремов Владимир Васильевич	1939
311.	Иванова Александра Петровна	1918

312.	Плахова Александра Васильевна	1881
	Ефремова Антонина Петровна	1917
	Ефремова Валентина Фёдоровна	1939
313.	Плахова Прасковья Петровна	1911
	Плахова Александра Александровна(?)	1936
	Плахова Лидия Александровна	1942
314.	Самохина Дарья Ананьевна	1883
	Самохин Иван Степанович (?)	1921
	Самохина Лидия Фёдоровна	1926
	Самохин Александр Иванович	1946
315.	Капканова Агрепина Ефимовна	1890
	Капканова Мария Ефимовна	1907
	Киреев Евгений Константинович	1929
	Капканов Александр Дмитриевич	1942
316.	Самохина Анастасия Гавриловна	1915
	Самохина Зоя Петровна	1935
	Самохина Агрепина Петровна	1941
317.	Тихонов Иван Харлампиевич	1872
	Тихонова Мария Васильевна	1872
	Тихонов Л.П.	1935
318.	Пименова Александра Кирилловна	1903
	Пименова Анна Кирилловна	1915 бригадир
319.	Гордеева Агрепина Евлампиевна	1897
	Гордеев Михаил Ефремович	1897 умер 10.03.1934г.
	Гордеева Мария Михайловна	1926 умерла 13.04.2000г.
	Гордеева Клавдия Михайловна	1931
320.	Пименова Лукерья Андреевна	1888 выбыла в Нагавскую.
321.	Жемчугов Иван Киреевич	1911 плотник
	Жемчугова Евгения Фёдоровна(?)	1916
	Жемчугов Николай Иванович	1936
	Жемчугов Александр Иванович	1938
322.	Бардакова Ольга Григорьевна	1904
	Бардаков Виктор Иванович	1928
	Бардаков Василий Иванович	1930 выехали в Котельниково
323.	Кузнецова Валентина Михайловна	1913
324.	Шелухин Ефим Васильевич	1879
	Федоренко Анна (?) Ефимовна	1919
	Плахова Василина(?) Емельяновна	1879

325.	Матанов Евстафий Иванович	1870
	Матанова Надежда Семёновна	1878
326.	Шевелёва Анна Анисимовна(?)	1884
327.	Дьякова Антонина Ивановна	1905
	Симонова Лидия Петровна	1929 счетовод
	Симонова Вера Петровна	1924
328.	Дьякова Варвара Никитична	1872
329.	Минаева Павлина Емельяновна	1877
	Ефремов Николай А.	1930
330.	Фирсова Александра Савельевна	1884
	Фирсов Николай Андреевич	1925
	Фирсова Александра Андреевна	1930
331.	Комарова Акулина Фёдоровна	1884
	Асеева Марфа Васильевна	1913
	Асеев Алексей Дмитриевич	1911 пропал б/в, ноябрь 1941
	Асеев Александр Алексеевич	1938
	Асеев Пётр Алексеевич	1940
332.	Белавина Антонина Ивановна	1918
	Белавина Лидия Васильевна	1937
	Белавин Александр Васильевич	1939
	Белавина Акси́нья Ивановна(?)	1860
	Киреев Иван Иванович	1871
333.	Похлебина Евдокия Митрофановна	1879
	Похлебина Надежда Николаевна	1911
	Алпатовая Наталья Ефремовна	1865
334.	Мельникова Екатерина Касьяновна	1886
335.	Иванова Василиса Андрияновна	1883
336.	Плахова Пелагея Александровна	1898
337.	Сорокоба́тькина Пелагея Дмитриевна	1883
338.	Казмин Иван Иванович	1875
	Казмина Мария Александровна	1875
	Казмина Мария Михайловна	1886
339.	Герасимова Марфа Ивановна	1870
340.	Герасимова Елена Васильевна	1901 в 1946 г. убита
	Иванов Иван Иванович	1904
341.	Болдырева Анна Орефьевна	1867
	Демидова Лукерья Васильевна	1876
	Хохлачёва Елена Ивановна	1896

342.	Плахов Александр Никитович	1878
	Плахова Софья Ивановна	1878
	Плахов Трофим Александрович	1910
	Плахова Ольга Александровна	1912(?)
343.	Кудинов Егор Зиновьевич	1870
344.	Епифанова Ольга Акимовна	1886
345.	Ефремова Акулина Ивановна	1874
346.	Наумова Фе́кла Алексеевна	1865
347.	Таёкина Варвара Евстафьевна	1888
	Таёкин Иван Арсентьевич(?)	1924
	Таёкина Зоя Арсентьевна	1926
348.	Холодкова Евдокия Филипповна	1881
349.	Короткова Ксения Тимофеевна	1866
350.	Попова Анна Афанасьевна	1887

НАСЕЛЕНИЕ Х.КУЛАЛЫ НИЖНЕ-КУРМОЯРСКОГО с/совета, 1946 год, колхоз имени Пупкова

1.	Титов Фёдор Сергеевич	1903
	Титова Пелагея Фёдоровна	1903
	Титова Мария Фёдоровна	1925
	Титова Надежда Фёдоровна	1934
	Титов Иван Фёдорович	1941
	Самохин Александр Яковлевич	1929
2.	Трофимова Евдокия Ивановна	1912
	Селиванов Владимир Матвеевич	1940
3.	Азякова Марфа Ивановна	1870
	Козляева Анастасия Ивановна	1917
	Козляева Раиса Павловна	1937
4.	Бакланов Николай Фатеевич	1880
	Бакланова Акулина Сергеевна	1889
5.	Чухряева Анна Дмитриевна	1921 учительница
	Чухряева Пелагея Ивановна	1876
	Болдырев Иван Дмитриевич	1921
6.	Мартынов Иван Артемьевич	1910
	Мартынова Екатерина Андреевна	1910
	Мартынов Иван Иванович	1937

7.	Никонов Яков Кононович	1905 лесничий
	Никонова Нина Ивановна	1907
	Никонов Григорий Яковлевич	1927
	Никонова Екатерина Яковлевна	1930
	Никонова Анна Яковлевна	1932
	Никонов Виталий Яковлевич	1936
8.	Трофимова Мавра Антоновна	1892
	Трофимов Леонид Сергеевич	1927
	Трофимов Пётр Сергеевич	1930
9.	Авилова Надежда Фёдоровна	1910
	Авилов Владимир Титович(?)	1931
10.	Чухряева Екатерина Самойловна	1906
	Чухряев Пётр Иванович	1926
11.	Скоморошкина Анна Акимовна	1913
	Скоморошкина Валентина Сергеевна	1933
	Скоморошкин Александр Павлович	1909 пропал б/в, сент.1941г.
12.	Комарова Дарья Пименовна	1892
13.	Яцкевич Клавдия Николаевна	(?)
	Яцкевич Светлана Иосифовна	(?)
	Яцкевич Александра Иосифовна	(?)
14.	Смирнова Елена Ивановна	1887
15.	Артамонова Анна Кононовна	1883
	Лоскутова Валентина Михайловна	1939
	Лоскутова Лидия Николаевна	1918
16.	Комаров Михаил Пименович	1899 председатель к-за
17.	Мухин Павел Михайлович	1912 лесник
	Мухина Клавдия Сергеевна	1912
	Мухина Нина Павловна	1936
18.	Кочагов Фёдор Никифорович	1906 бакенщик
	Кочагова Анна Яковлевна	1909
	Кочагов Николай Фёдорович	1936
	Кочагова Лидия Фёдоровна	1938
	Кочагов Валентин Фёдорович	1943
19.	Быкова Мария Абрамовна	1880
	Соколова Пелагея Михайловна	1889
20.	Мартынова Александра Николаевна	1906
	Мартынов Иван Петрович	1928
	Мартынова Анна Петровна	1929

	Мартынов Пётр Георгиевич	1903
21.	Семидетова Анна Никандровна	1908
22.	Пупков Иван Данилович	1900
	Пупкова Матрёна Дмитриевна	1899
	Пупкова Александра Ивановна	1933
	Пупкова Зоя Ивановна	1930
23.	Никонова Надежда Яковлевна	1904
	Никонова Валентина Сергеевна	1924
	Никонова Антонина Сергеевна	1930
	Никонов Иван Сергеевич	1932
	Никонова Ольга Сергеевна	1935
	Никонов Леонид Сергеевич	1937
	Никонова Надежда Сергеевна	1940
	Никонов Сергей Михайлович	1899 пропал б/в, нояб.1943
24.	Спиридонов Яков Фёдорович	1875
	Спиридонова Анна Васильевна	1877
25.	Титова Екатерина Стефановна	1888
	Титова Вера Стефановна(?)	1920
26.	Титов Михаил Стефанович	1911
	Титова Ксения Тимофеевна	1916
	Титова Валентина Михайловна	1937
	Титова Анна Михайловна	1940
	Титов Александр Михайлович	1946
27.	Полубедова Ксения Гавриловна	1876
	Полубедова Мария Ивановна	1926
	Полубедова Зоя Ивановна	1930
	Полубедов Виталий Иванович	1916
	Полубедова Надежда Ивановна	1928
28.	Артамонов Николай Никандрович	1910 кузнец
	Артамонова Матрёна Григорьевна	1914
	Артамонова Ольга Николаевна	1936
	Артамонова Валентина Николаевна	1940
29.	Пашкин Нестор Иванович	1902
	Пашкина Варвара Фёдоровна	1906
	Пашкина Пелагея Нестеровна	1932
	Пашкин Николай Нестерович	1936
	Пашкина Мария Нестеровна	1945
	Пашкин Александр Нестерович	1927

30.	Артамонова Федосья Стефановна	1885	Киреев Павел Гаврилович	1902	пропал б/в, нояб.1943 г.
	Артамонов Пётр Фёдорович	1921	44. Васильева Матрёна Андреевна	1878	
	Артамонова Галина Фёдоровна	1932	45. Лысова Мария Кононовна	1900	
31.	Бакланова Варвара Дмитриевна	1895	Лысова Наталья Васильевна	1930	
32.	Самохина Мария Ивановна	1881	Лысов Николай Васильевич	1927	
	Болдырев Николай Максимович(?)	1919	46. Васильева Мария Николаевна	1907	
	Самохин Иван Александрович(?)	1932	Васильева Клавдия Григорьевна	1927	
33.	Пупкова Мария Максимовна	1909	Васильева Надежда Георгиевна	1929	
	Пупков Иван Александрович	1932	Васильев Георгий Иванович	1907	
34.	Никонова Федосья Павловна	1887	47. Болдырева Татьяна Парамоновна	1897	
	Никонова Мария Павловна	1900	Болдырев Иван Яковлевич	1897	
	Никонов Иван Павлович	1909	Болдырев Николай Иванович	1926	
35.	Никонов Иван Кононович	1880	Болдырева Татьяна Ивановна	1929	
	Никонова Дарья Сергеевна	1883	Болдырев Василий Иванович	1932	
36.	Пашкин Иван Дмитриевич	1874	48. Титов Павел Сергеевич	1889	арестован НКВД
	Пашкина Мария Финогеевна	1877	Титова Мария Иосифовна	1881	
37.	Артамонова Анастасия Ивановна	1913	49. Трофимова Мария Николаевна	1907	
	Артамонова Надежда Михайловна	1935	Федорков Алексей Фёдорович	1914	
	Артамонова Валентина Михайловна	1939	50. Мартынова Варвара Фёдоровна	1919	
	Артамонова Мария Михайловна	1940	Мартынов Михаил Георгиевич	1912	
	Артамонов Михаил Фёдорович	1912	Мартынов Фёдор Михайлович	1940	
			Бирюкова Мария Артёмовна	1883	
38.	Медведева Лидия Павловна	1893	51. Королёв Семён Никандрович	1880	
	Медведев Георгий Михайлович	1918	Королёва Анна Ефимовна	1880	
39.	Пашкина Нина Евграфовна	1900	52. Самохин Яков Николаевич	1888	
	Пашкин Даниил Иванович	1900	Самохина Марфа Степановна(?)	1888	
			Самохина Мария Яковлевна	1926	
40.	Семидетова Пелагея Андреевна	1869	Самохин Николай Яковлевич	1928	
	Семидетова Домна Георгиевна	1910	Самохин Иван Яковлевич	1921	пропал б/в, нояб. 42 г.
41.	Агапцева Акулина Георгиевна	1885	Самохин Александр(?) Яковлевич	1924	
	Агапцев Фёдор Иванович	1883(?)	53. Артамонов Василий Григорьевич	1883	
42.	Никонова Дарья Яковлевна	1915	Артамонова Елена Игнатьевна	1886	
	Никонова Мария Александровна	1936	54. Пупкова Мария Михайловна	1906	
	Никонов Анатолий Александрович	1938	Пупкова Анна Петровна	1933	
	Никонов Александр Иванович	1910	Пупков Пётр Данилович	1908	пропал б/в, нояб.43 г.
43.	Киреева Ефросинья Ананьевна	1905	55. Киреев Георгий Гаврилович	1906	
	Киреева Пелагея Павловна	1930	Киреева Матрёна Даниловна	1910	
	Киреев Пётр Павлович	1932	Киреева Марфа Георгиевна	1938	
	Киреев Владимир Павлович	1939			
	Киреева Валентина Павловна	1940			

	Киреева Евдокия Георгиевна	1940
56.	Никонова Соломонида Михайловна	1873
57.	Полякова Мария Дмитриевна	1884
	Бирюков Никанор Григорьевич	1881
58.	Азякова Елена Андреевна	1889
	Азякова Таисия Петровна	1921
	Азякова Анна Петровна	1926
	Азякова Галина Ивановна	1946
59.	Полубедов Ефим Гаврилович	1884
	Полубедова Пелагея Ермиловна	1893
	Полубедова Анна Ефимовна	1928
	Полубедова Мария Ефимовна	1930
	Полубедова Марина Георгиевна	1860
60.	Хохлачёва Наталья Марковна	1903
	Хохлачёва Александра Алексеевна	1937
61.	Казмина Ульяна Федотьевна	1906 6.07.1946 убыла в Киев
62.	Артамонова Анна Николаевна	1916
	Азякова Матрёна Николаевна	1921
	Артамонов Владимир Иванович	1935
	Артамонов Иван Васильевич	1911 пропал б/в, декаб. 1943 г.
63.	Слюсарев Фирс Степанович	1872
	Слюсарева Анна Фёдоровна(?)	1873
64.	Мухина Надежда Васильевна	1909
	Мухин Василий Иванович	1929
	Мухин Леонид Иванович	1930
65.	Полубедова Татьяна Николаевна	1909
	Полубедова Александра Яковлевна	1932
	Полубедов Николай Яковлевич	1929
66.	Подскребалина Мария Филатьевна	1901
67.	Васильева Ольга Дмитриевна	1916
	Васильев Иван Петрович	1938
	Васильева Надежда Петровна	1940
	Васильев Пётр Акимович	1917
68.	Артамонова Наталья Георгиевна	1901
	Артамонов Пётр Александрович(?)	1923
69.	Никонов Прокопий Калинович	1867
	Никонова Александра Прокопьевна	1907
70.	Орешкина Елена Ивановна	1897

	Иванова Анфиса Петровна	1925
	Киреева Софья Георгиевна	1929
71.	Кузнецов Арсен Алексеевич	1905
	Кузнецова Евдокия Гавриловна	1902
72.	Чухряева Акулина Ивановна	1891
	Чухряев Виталий Александрович	1937
	Чухряев Александр Дмитриевич	1891(?)
73.	Никонова Александра Никандровна	1913
	Никонова Зоя Филатовна(?)	1942
	Никонов Филат(?) Григорьевич	1915 пропал б/в, авг. 1943 г.
74.	Туголукова Хрестина Ивановна	1880
	Мартынов Иван Иванович	1859
75.	Болдырев Иван Петрович	1908 умер в 1947 г.
	Болдырева Анна Григорьевна	1908
	Болдырев Николай Иванович	1933
	Болдырева Надежда Ивановна	1936
	Болдырева Антонина Ивановна	1940
76.	Григорьева Анна Пименовна	1878
	Григорьева Елена(?) Григорьевна	1898
77.	Гуляев Дмитрий Андриянович	1884
	Гуляева Лукерья Степановна	1886
	Гуляева Александра Дмитриевна	1926
78.	Никонова Анна Дмитриевна	1913
	Никонов Фёдор Михайлович	1910
	Никонов Иван Фёдорович	1935
	Никонов Василий Фёдорович	1937
	Никонов Леонид Фёдорович	1941
79.	Мартынова Александра Павловна	1914
	Мартынов Николай (?)	1944
	Мартынова Анна Андреевна	1886
80.	Орешкина Матрёна Андреевна	1895
81.	Мартынова Ульяна Григорьевна	1910
	Мартынова Пелагея Георгиевна	1930
	Мартынов Николай Георгиевич	1936
	Мартынов Яков Георгиевич	1938
	Мартынов Дмитрий Георгиевич	1940
	Мартынов Георгий Георгиевич	1907 умер от ран 5.01.45 г
82.	Артамонова Вера Николаевна	1910

Артамонова Любовь Александровна(?)	1933
Артамонова Ольга Александровна	1935
Артамонов Леонид Александрович	1940
Артамонов Александр Никандрович	1908
83. Медведева Евдокия Гавриловна	1891
Медведева Мария Стефановна	1926
Медведев Стефан Варламович	1905 погиб 02.11.1944 г.
84. Семидетова Надежда Фалалеевна	1911
Семидетов Пётр Ефремович(?)	1910 пропал б/в, нояб.1943 г.
85. Ермаков Иван Фёдорович	1889
Ермакова Анна Фёдоровна	1897
Ермаков Александр Иванович	1918 пропал б/в, 06.08.1941 г
86. Самохина Агреппина Фёдоровна	1897
Самохина Наталья Васильевна	1923
Самохин Леонид Васильевич	1933
Самохин Александр(?) Васильевич	1939
Самохин Василий Николаевич	1889
87. Топорков Фёдор Абрамович	1872
Топоркова Пелагея Николаевна	1873
88. Болдырев Дмитрий Веденевич	1888
Болдырева Александра Фёдоровна	1890
Болдырев Иван Дмитриевич	1921
Болдырев Александр Дмитриевич	1931
89. Пономарёв Ефим Стефанович	1885
Пономарёва М.К.	1885
90. Пашкина Евгения Ивановна	1867
Пашкина Мария Ивановна	1917
Пашкина(?) Ольга Ивановна(?)	1944
91. Кузнецов Пётр Михайлович	1919
Кузнецова Вера(?) Степановна(?)	1918
92. Орешкин Илья Васильевич	1910
Орешкина Александра(?) Евграфовна	1915
Орешкин В. Ильич	1938
Орешкина Фат. Ильинична	1941
Орешкина Лидия Ильинична	1943
Орешкина Александра Ильинична	1947
93. Киреева Мария Фёдоровна	1914
Киреев Николай Александрович(?)	1937

Киреев Пётр(?) Александрович	1939
94. Бурова Агреппина Емельяновна	1911
Бурова Нина В.	1937
Болдырев Фёдор Георгиевич	1904
95. Бобрикова Соломонида Мартиновна	1890
96. Епифанов Роман Никитич	1896
Жарикова Флеоктиста Петровна	1898
Епифанов Михаил Романович	1937
97. Ежов Александр Антонович	1915
Ежова Мария Яковлевна	1924
Ежова Галина Александровна	1943
Ежов Иван Александрович	1947
98. Лоскутова Лидия Николаевна	1918
Лоскутова Валентина Михайловна	1896
99. Азяков Иван Ефимович	1900
Азякова Марфа Ивановна	1902
Азякова Агреппина Агафоновна(?)	1877
100. Болдырева Александра Георгиевна	1901

Количество дворов – 100. Количество жителей – 304

Примечание: Дома расположены не по алфавиту, а по уличному соседству.

В качестве эпилога от автора

Уважаемый читатель! То, что с помощью моих земляков и помощников во всех моих 6-ти книгах собрано и написано – это эпоха времени, которое уже называется прошедшим. В страхе и несправедливости пришлось жить нашему старшему поколению, испытывая все тяготы и жизненные лишения.

Нам, живущим сейчас в современном мире, наша жизнь не может уже приносить и радость, и спокойствие. Трудно даже представить, какая судьба уготована нам, как ещё долго просуществует наша цивилизация. Может, я ошибаюсь, но не покидает меня чувство, что дни нашей цивилизации сочтены, слишком большой злобный негатив энергии присутствует на нашей родимой Земле. Но этот негатив вырабатывается не только землянами, в большинстве своём поступает он извне, и команда на начало земного апокалипсиса поступит только из Космоса!

Сатанинский англосаксонский мир, маскируясь лживой демократией и справедливостью, на самом деле проецирует всё Зло, которое поступает к нам из Космоса. Также под влиянием этого мира Зла происходит захват и перевёрбовка неустойчивых и наций, и народностей, а примером этому служит Украина.

Приняв самое активное, но законспирированное участие в развале СССР, она вышла из него, став самой богатой «невестой» из 15 союзных государств. Однако благодаря своей неумной жадности и коррупции богатства эти были разворованы, растратированы, в итоге Украина попала в список самых беднейших европейских государств.

Есть пример, как в эпоху развитого социализма, во второй половине 20-го века, одно из африканских государств ставило СССР условие: дадите денег – будем строить социализм, Америка даст деньги – будем строить капитализм. По такому принципу уже более 2-х десятков лет диктует нам свои условия наша «сестра» Украина.

Много гадости для России делали и делают потомки Мазепы, Бандеры и их нынешние современники. Совсем одурев от злобы, Украина пустилась во все тяжкие, прибавившись к самым ярым врагам человечества – англосаксам. Собственно, удивляться этому особо не стоит. Общеизвестна продажность украинских элит, это у них было с ещё незапамятных времён. Таков генетический код этих элит, и лечению он уже не подлежит.

Ладно, это так называемые украинские братья, и их лечение возможно только хирургическим путём. Гораздо больше, когда среди нас появляются свои иудопатриоты. Как можно назвать и какое определение можно дать Никите Исаеву, Дмитрию Некрасову, Леониду Гозману, Андрею Никулину и иным предателям государства, в котором они живут. Их ненависть к России такова, что появляется подозрение, что это потомки тех, кто в 19-м веке призывал убивать «гносных» русских офицеров, кто желал поражения своей Родине в русско-японской войне. Мы думали, что эпоха таких негодяев и предателей окончилась, однако они упорно доказывают, что очень озабочены бедностью российского народа.

Кстати, насчёт бедности. Бедность народа имеется в любом государстве, но она не означает, что бедствует там и правящая элита. Народу Украины умереть с голоду никто не даст, а подтянуть ремень на последнюю дырочку – это можно. Голод – это та ситуация, когда беспощадный народный бунт для любой власти смерти подобен. Потому и еженедельно приземляются в киевском аэропорту Борисполь самолёты от заокеанских «друзей» из США. Прибывает в них тайно дозированная долларовая помощь. Крохи от неё попадают народу, балансирующему на грани выживания, ещё не объявившему смертельную борьбу своей продажной, ненасытной власти.

Львиная доля долларовой «помощи» оседает в карманах этих ненасытных элит. Отсюда производится и финансирование российских либеральных иудопатриотов, которые на свою страну безвозмездно лить грязь никак не намерены. Во все времена на путь предательства, в основном, становились из-за денег и лишь в единичных случаях – на волне патриотизма.

Негативный след в истории СССР остался от Лаврентия Павловича Берия, и в то же время его можно назвать спасителем нашего государства. Это его заслуга, что в конце 40-х, в 50-х годах Америка не уничтожила нас ядерным оружием. Уверен, что ещё при жизни нашего поколения, которое помнит то время, произойдёт его реабилитация.

Сейчас мирное сосуществование нашей цивилизации балансирует на грани апокалипсиса. Если апокалипсис случится, то команда на него поступит только из Космоса, от тех Сил, которым, по своей иерархии, мы постоянно подчинены.

Космос ещё не готов отдать Землю на растерзание силам Зла, но ядовитое жало с нашей планеты Он удалить пока не может. Ядовитым жалом, угрожающим жизни живущим на Земле, является США. Однако очень может статься, что вместо территории США появится пролив, соединяющий воды Тихого и Атлантического океанов. Йеллоустонский супервулкан, он на Земле не случайно появился – это Наказание Америке за истребление коренного индейского населения, за то, что творила и творит эта страна и ненависти, и зла.

Украина своё наказание тоже понесёт, но оно будет относительно мягким, это можно сравнить с наказанием, которое было в наши школьные годы, когда за неподобающие поступки ученика ставили в угол. Украина в какой-то мере будет реабилитирована и за то, что она относится к славянам, которые когда-то были заселены на Землю из другого созвездья, и были нашими собратями по очень далёкому Космосу.

Реабилитация Украины произойдёт, но государства этого уже не будет, а народы, когда-то её населяющие, разбредутся по иным странам и обретут долгожданный покой. Карпатский мольфар (белый колдун) Михаил Михайлович Нечай сказал: «Не нужно жалеть о гниющем трупе (дословное выражение об Украине)». По его словам, Закарпатская Украина будет принадлежать мадярам и чехам, Галичина будет под Польшей, Восточная и Центральная Украина будет под Россией, Буковина – под Румынией.

Украины на карте не будет. Местом нового расположения Украины и её столицей будет канадский город Торонто, но это произойдёт после падения США и Канады.

О роли Порошенко и его банды Нечай сказал: «Это они насмердили в Украине трупным запахом и убили эту страну. Чем быстрее она прекратит своё существование, тем лучше будет для всего мира. Ждать осталось немного».

Вот и весь ответ, почему Россия не спешит в свои ряды принимать Донбасс, всему своё время, а спешка в принятии этого решения пользы может мало принести. За свои пророчества мольфар Нечай был убит 15 июля 2011 года в собственном доме в селе Верхнем Ясенове Ивано-Франковской области.

Боги очень высокого Ранга ещё не приняли своего решения по Земле, но просто так земной вопрос не рассосётся. ОНИ могут нас «удалить» с планеты Земля, «засеять» её запасным генофондом, который в Гималаях (Тибет) ждёт своего часа. Могут ОНИ принять и соломоново решение, удалив с Земли злобное космическое отребье – англосаксов и их продажных подхалимов.

И последнее. Когда-то у известнейшего российского художника Ильи Глазунова спросили, чего он в своей жизни больше всего боится? Ответ его был таким, который от него мало кто ожидал: «Я боюсь только Бога и Совести!»

Такой ответ от англосаксов мы вряд ли когда-нибудь дождёмся потому, что эти злобные отходы Вселенной нашего Бога не боятся. У них в почёте Дьявол, а что такое Совесть – это им неведомо. В качестве космического эксперимента наша планета Земля была заселена из многих галактик, в том числе и англосаксами из галактики, культивирующей Зло. Вот эта преступная гремучая «смесь» и была подселена на Землю с целью творить Зло, совращая и ставя на путь предательства и народы, и государства. Всё будет не по нашей воле на нашей Земле, но только долго ждать нам этого не дадут, а будет всё так, как УПРАВЯТ Боги Добра и Справедливости!

Январь 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Оккупация	4
Филипп Лысов	124
Население ст. Нижне-Курмоярской	201
Население х.Кулалы Нижне-Курмоярского с/совета	227

Сдано в набор 22.01.2019 г. Подписано в печать 29.03.2019 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Antiqua.
Заказ № 714 от 15.03.2019 г. Тираж 250 экз.

Отпечатано в ЗАО «Волгодонское полиграфобъединение»
347366, Ростовская обл.,
г. Волгодонск, ул. Волгодонская, 20.

Лицензия на полиграфическую деятельность
Серия ПД № 00131 от 22.11.1999 г.
Лицензия на издательскую деятельность
Серия ЛР №064870 от 15.12.1996 г.